

В. СТОЛБОВ, П. СТАРОСТА
V. STOLBOV, P. STAROSTA

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ
SOCJOLOGIA ŚRODOWISKA MIEJSKIEGO

ИВАНОВО
2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ивановский государственный химико-технологический университет

MINISTERSTWO EDUKACJI I NAUKI FEDERACJI ROSYJSKIEJ
PAŃSTWOWY UNIWERSYTET CHEMICZNO – TECHNOLOGICZNY W IWANOWIE
UNIWERSYTET ŁÓDZKI (POLSKA)

В. Столбов, П. Староста

V. STOLBOV, P. STAROSTA

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ
SOCJOLOGIA ŚRODOWISKA MIEJSKIEGO

Иваново 2016

MINISTERSTWO EDUKACJI I NAUKI
FEDERACJI ROSYJSKIEJ
PAŃSTWOWY UNIWERSYTET CHEMICZNO –
TECHNOLOGICZNY W IWANOWIE
UNIWERSYTET ŁÓDZKI (POLSKA)

V. STOLBOV, P. STAROSTA

SOCJOLOGIA ŚRODOWISKA MIEJSKIEGO

IVANOVO 2016

УДК (UDK) 316.334.56

ББК (BBK) 60.546.21

С 812

Столбов, В.

Социология городской среды: [монография] / В. Столбов, П. Староста; Иван. гос. хим.-технол. ун-т; Лодзинский университет (Польша). – Иваново, 2016.–213 с.

Монография обобщает материалы прикладных социологических исследований, проводимых в рамках научных проектов РГНФ, а также в научной кооперации с учеными Института социологии Лодзинского университета (Польша) и других стран в инициативном порядке.

В содержании монографии прослеживаются изменения в социально-психологических представлениях и установках жителей текстильных центров Иванова (Россия), Лодзи (Польша), а также других городских и сельских поселений в условиях глобализации, обуславливающей модернизацию социально-экономического уклада в странах.

Предназначена для преподавателей общей и прикладной социологии, а также для студентов, изучающих в учебном процессе социологию.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ивановского государственного химико-технологического университета

Рецензенты:

кандидат философских наук, вице-президент РОСа Т.П. Белова
(Ивановский государственный университет);

кандидат социологических наук Н.В. Демьяненко
(Российский государственный гуманитарный университет)

© Столбов В., Староста П., 2016

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный
химико-технологический
университет», 2016

UDK 316.334.56

BBK 60.546.21

C. 812

Socjologia środowiska miejskiego: [monograph] / V.Stolbov, P. Starosta; – Państwowy Uniwersytet Chemiczno – Technologiczny w Iwanowie. – Iwanowo, 2016 . – 213 s.

Monografia uogólnia materiały stosowanych badań socjologicznych w ramach projektów naukowych RGNF, a także w trakcie współpracy z naukowcami Instytutu Socjologii Uniwersytetu Łódzkiego (Polska) i innych krajów realizowanych w porządku zainicjowania.

W treści monografii prześledzone są zmiany społeczno – psychologiczne w pojmowaniu i opiniach mieszkańców włókienniczych centrów Iwanowa (Rosja), Łodzi (Polska) i innych środowisk miejskich globalizacji światowej społeczności, warunkującej modernizację układu społeczno – ekonomicznego w tych krajach.

Przeznaczona jest zarówno dla wykładowców socjologii ogólnej i stosowanej, jak również dla studentów socjologii.

Po decyzji rady redakcyjno – wydawniczej Państwowego Uniwersytetu Chemiczno – Technologicznego w Iwanowie przeznaczona do druku.

Recenzenci :

Wice-prezes ROSa, kandydat Filozofii, docent IVGU T.P.Belova
Kandydat Socjologii, docent RGGU N.V.Demyanenko

©Stolbov V., Starosta P., 2016
© Państwowy Uniwersytet
Chemiczno – Technologiczny,
w Iwanowie, 2016

Оглавление

Введение.....	5
1. Глобализация: сущность и современные оценки	18
2. Оценка среды проживания в малых городских и сельских поселениях Восточной Европы в условиях глобализации.....	37
2.1. Окружающая природная среда в оценках жителей малых городских и сельских поселений (с участием О.Станека, Канада) .	41
2.2. Социальная идентификация жителей малых городских и сельских поселений (с участием М. Драгановой, Болгария).....	58
2.3. Экономическая кооперация людей в малых городских и сельских обществах (с участием А. Пилиховского, Польша)	80
3. Изменения в социальном капитале жителей промышленных городов в условиях глобализации (с участием А. Михальска и А. Буйвиска, Польша).....	94
3.1. Теория социального капитала.....	97
3.2. Измерение изменений в социальном капитале жителей промышленных городов.....	105
4. Конфессиональная идентификация городских жителей в условиях модернизации общества (с участием Э. Литовой, Россия).....	120
4.1. К истории вопроса о религиозной жизни в России.....	120
4.2. Религиозная идентификация современных россиян.....	127
5. Социальная среда периферийных городов Центрально-Восточной Европы на рубеже XX-XXI вв.....	147
5.1. Описание объектов исследования.....	149
5.2. Состояние социальной среды городов Центрально-Восточной Европы в условиях кризиса социально-экономического уклада (конец 80-х годов XX века - начало XXI века).....	159
5.3. Возрождение периферийных городов на пути к постиндустриальному обществу (цели, программы, результаты)....	176
Библиография.....	205

TREŚĆ

Wprowadzenie.....	5
1.Globalizacja: istota i współczesne oceny.....	18
2. Środowisko miejskie w ocenie mieszkańców małych społeczności miejskich.....	37
2.1. Środowisko naturalne w ocenie małych społeczności miejskich (z udziałem O.Staneka. Kanada).....	41
2.2.Społeczna identyfikacja mieszkańców małych społeczności miejskich i mieszkańców wsi (z udziałem M.Draganovei, Bułgaria)).....	58
2.3. Spółdzielczość ekonomiczna i wzajemne stosunki ludzi w małych miejskich społecznościach (z udziałem A.Pilichowskiego,Polska)...	80
3. Społeczno – strukturalne zmiany w miastach przemysłowych w warunkach globalizacji (z udziałem Mihalska A, Buyviska A., Polska).	
3.1.Teoria kapitału społecznego.....	97
3.2.Izmerenie zmian w kapitale społecznym mieszkańców miast przemysłowych	105
4. Religijna identyfikacja w zachowaniu mieszkańców miasta przemysłowego (z udziałem Litovoy E., Rosjan).....	120
4.1.Historii zagadnienia życia religijnego w Rosji.....	120
4.2. Identyfikacja religijna nowoczesne Rosjan.....	127
5. Środowisko społeczny peryferyjnych miast Europy Środkowej i Wschodniej na przełomie XX-XXI wieku	147
5.1. Opis badań poddaje	149
5.2. Sostoyanie środowisko społeczne miast Europy Środkowej i Wschodniej w czasie kryzysu systemu społeczno-gospodarczego (koniec lat 80-tych XX wieku - początek XXI wieku)	159
5.3.Vozrozhdenie miast obwodowych na drodze do społeczeństwa postindustrialnego (cele, programu, wyniki)	176
Bibliografia.....	205

ВВЕДЕНИЕ

Городская среда, формируемая в определенных историко-политических, социально-культурологических и экономических условиях, в настоящее время становится объектом научных исследований. Интерес к этой проблеме объясняется тем, что социальная среда городов находится в постоянном изменении вследствие динамики социально-культурных, этнокультурных, экономических, демографических, религиозных, политических и миграционных процессов. Рост населения на планете (в 1900 году насчитывалось 1,6 млрд, в 2000 году – 6,0 млрд, в 2010 году – около 7 млрд человек) обусловил концентрацию его в городах (в 1900 году городское население в мире составляло 14%, в 2000 году уже 52%, в том числе, в России соответственно 15% и 73,7%). Этому способствовало сосредоточение в городах индустриальных предприятий, объектов политической, культурной и религиозной жизни, учреждений социальной инфраструктуры, что, в свою очередь, приводило к расширению социально-территориального пространства как в исторически сложившихся, так и новых городах. Четкую характеристику в городском пространстве получили малые и средние города, города-мегаполисы. В 1900 году городов с населением более 100 тыс. человек насчитывалось около 360, в 2000 году таких городов уже было около 1615, а количество городов с населением в 1 млн и более жителей за весь XX век выросло с 10 до 440. Все эти процессы активно способствовали изменениям и самой городской среды.

Важным фактором, повлиявшим на изменения городской социальной среды, являлась индустриализация производства, получившая развитие вследствие промышленного переворота во второй половине XVIII века и промышленной революции второй половины XIX века. Индустриализация проникала во все сферы жизни общества, особенно этот процесс усилился в XX веке под влиянием научно-технического прогресса, продолжающегося и в настоящее время. Как следствие индустриализации хозяйственной жизни и урбанизации городской среды, углубились процессы общественного разделения труда, изменились стандарты качества жизни, сформировался особый урбанистический стиль жизни в городах (комфортность, рациональность потребительских практик, дифференциация уровня жизни, доступность к культурным и

духовным ценностям, удовлетворенность широкого спектра потребностей в бытовых услугах).

На рубеже XIX-XX вв. города превратились в центры промышленной, финансовой, торговой, политической, военно-административной, религиозной и культурной жизни. Углубилась социальная стратификация в обществе, вследствие чего изменились структура и состав городского общества. Вследствие урбанизации городской жизни стала возрастать зависимость функциональной деятельности населения от транспортных систем, коммунального обслуживания, объектов городской социальной инфраструктуры (образовательных и медицинских учреждений, культурных и спортивных центров, парковых зон). Все большее значение в городской среде приобретала функция ее управления властными институтами и др. Городская среда как насос втягивала горожан в различные контакты, разрушала традиционные (общинные, родовые, этнические) связи и формировала новые отношения в пространстве городов – мегаполисов.

Процессы урбанизации и развития городской социальной инфраструктуры меняют «лицо» городов, ломают традиционную структуру занятости населения, порождают новые социальные вопросы в менеджменте городской администрации, которые выходят на первый план в ее деятельности (преодоление ксенофобии, нищеты, безработицы, протестных движений, социального исключения и отчуждения). Уместно в этой связи отметить слова одного из родоначальников американской социологии Р.Э.Парка, высказанные им на заре урбанизации городов: *«...социальный вопрос — это в принципе городской вопрос. Речь идет о том, чтобы в условиях городской свободы достичь социального порядка и контроля, который спонтанно осуществлялся»*.

Со второй половины XX века на изменения в городской среде стали влиять миграционные потоки, которые приносили изменения в этнокультурный фон среды обитания, она все более становилась космополитической, наблюдалось резкое снижение моноэтнического состава населения в городах. Словам Аристотеля современную городскую среду можно оценивать, как *«единство непохожих»*. В городах стали формироваться этнические окраины (гетто, анклавов в Париже, Лондоне, Брюсселе, Нью-Йорке), которые в настоящее время нередко являются зоной социального исключения из общественной среды проживающих в них людей и групп. В этих

этнических окраинах формируются различные виды социальных движений, складывается питательная среда для проявления делинквентного, преступного поведения отдельных индивидов и групп людей.

На рубеже XX-XXI вв. городское социальное пространство претерпевает значительные изменения под влиянием последствий глобализации. Активное проникновение рыночных, коммерческих отношений в городскую среду влияет на структурные изменения в иерархии социальных групп по экономическому положению. Так, в странах Восточной и Центральной Европы заметно наблюдалось доминирование в торговой деятельности выходцев из азиатского мира (первоначально ниши в торговле заняли выходцы из Вьетнама, их сменили китайцы). В российских городах снизилось влияние этих этнических торговцев, но значительно возросло влияние этнических групп из среднеазиатского и кавказского регионов. В городах стало заметно изменение в национальном составе городских жителей (например, в Иванове проживают наряду с русским населением представители более 100 этнических групп), в подмосковном регионе заметно в малых городах и сельских районах компактное проживание представителей среднеазиатских стран и кавказских республик. Все это находит отражение в изменениях социально-культурной обстановки в городах. Новые этнические группы, носители своих субкультурных представлений, нередко создают определенную напряженность для коренных жителей городов. Мультикультурные этнические группы формируют свою религиозную среду, создают религиозные центры, демонстрируют свою обрядность и традиционность (ношение хиджаба женщинами, закалывание жертвенных животных в религиозные праздники, осуществление свадебных церемоний с выстрелами в воздух на улицах городов) – это неодобительно оценивается коренными жителями городских поселений и становится причиной возникающих противоречий в городском обществе. Подобные мультикультурные изменения и их оценки жителями городов должны послужить сигналом для городской администрации в выработке определенных рекомендаций.

Монография «Социология городской среды» выполнена в инициативном порядке на базе обобщения результатов прикладных социологических исследований, она ставит своей целью проследить изменения в социально-психологических установках и представлениях жителей городских поселений. Исследования

проводились в рамках научных проектов РГНФ (грант *«Текстильные города в условиях глобализации: динамика социальных изменений»* NN 09-03-54705 а/ц; грант *«Идентификация жителей промышленного города в соответствии с их религиозными представлениями и нормами»*—NN12-1337001), а также инициативных прикладных социологических исследований, проводимых кафедрой социально-экономических теорий Ивановского государственного химико-технологического университета. Кроме того, использовались материалы результатов сотрудничества социологов ИГХТУ (Россия, Иваново) с социологами ряда стран Восточной Европы (Польши, Болгарии, Венгрии, Литвы), а также Канады и Турции. Социологами этих стран в инициативном порядке была сформирована международная научная группа для проведения исследований в городских и сельских поселениях указанных стран. Методологическим центром изначально была определена кафедра изучения городских и сельских поселений Института социологии одного из ведущих университетов Польши, Лодзинского университета. В Международных социологических исследованиях учеными Польши, России, Болгарии, Венгрии, Литвы, Канады и Турции реализовались следующие научные проекты: *«Модели социального участия и социальная структура местных общин в Болгарии, Канаде, Польше и России»* (грант Гуманитарного комитета научных исследований Польской академии наук NN 1 НО 1 F 016 09, Лодзинского университета NN 505/527 и канадского университета Квебека); *«Структура и обусловленность общественных связей в периферийных городах Центральной и Восточной Европы в эпоху глобализации»* (грант Лодзинского университета); *«Возрождение городов постиндустриальной периферии в Центрально-Восточной Европе»* (грант Гуманитарного комитета научных исследований Польской академии наук).

Как показали исследования, социальные изменения коснулись различных видов социальных сообществ. Наиболее наглядно это прослеживается в городских социумах. Социальная жизнь людей в городах на рубеже XX-XXI вв. обострилась вследствие частичного разрушения промышленного потенциала, вызвавшего рост безработицы, расслоения в обществе и падения уровня жизни людей. В свою очередь, это сказалось на отношении жителей городов к различным социальным институтам: властным, духовным, законодательным и т.д. Это же коснулось и изменений в социальных

связях, казалось бы, в устойчивых группах людей (родственники, соседи, коллеги по работе). Такое положение заставляет исследовать социум изнутри и проследить изменение в нем, применив категорию социального капитала.

Как предмет социологического исследования, социальный капитал в городской среде, по мнению авторов, представляет систему социальных сетей, характеризующих отношения, складывающиеся между индивидами, индивидами и социальными группами (общностями) горизонтального направления. Они возникают по поводу взаимосвязи и взаимоподдержки между людьми, доверия или наоборот отчуждения между ними. Направление вертикального характера отражает мотивацию городских жителей в отношении к деятельности социальных организаций и учреждений в решении проблем социальной справедливости и безопасности, участия (неучастия) жителей в городских политических, экономических и культурно-зрелищных мероприятиях и др.

Социологические исследования в указанных проектах проводились в форме опросов, основывавшихся на случайных выборках в виде формализованного анкетирования и интервьюирования. Малые городские поселения, объект исследования, выбирались как с учетом их местонахождения в 20-90 км от ближайшего крупного города, так и с учетом численности населения от 1500 до 5000 жителей. Крупные города в качестве объекта исследования выбирались исходя из численности населения в них от 200 до 500 тысяч (Лодзь около 700 тыс., Иваново более 400 тыс., Паневежис около 200 тыс., Мишкольц около 300 тыс. и Адапары 400 тыс. жителей). Для каждого исследовательского проекта формулировалась определенная научная гипотеза, позволяющая оценивать результаты исследования посредством анализа мнения респондентов.

В процессе исследования ставились задачи определения респондентами качества жизни в местах своего проживания посредством оценки состояния социальной и природной среды, выяснения сущности социальной идентификации, понимаемой как социально-эмоциональное и познавательное отношение с определенной местной общностью (общиной), а также профессиональной идентификацией городских жителей. В связи с преобразованиями в аграрном секторе восточно-европейских стран

ставилась задача определения форм участия респондентов в экономической неформальной кооперации.

WPROWADZENIE

Środowisko miejskie, kształtowane w określonych warunkach historyczno – politycznych, społeczno – kulturowych i ekonomicznych staje się obecnie obiektem badań wielu dyscyplin naukowych. Zainteresowanie tym problemem wynika z faktu, iż środowisko społeczne miast ewaluuje wskutek dynamicznie zachodzących procesów społeczno – kulturowych, etniczno- kulturowych, ekonomicznych, demograficznych, religijnych, politycznych i migracyjnych. Wzrost liczby ludności świata (w 1900 roku – 1,6 mld., w 2000 roku – 6,0 mld., w 2010 roku – około 7 mld. ludzi) uwarunkował skoncentrowanie ludności w miastach (w 1900 roku - liczba mieszkańców miast wynosiła – 14%, w 2000 roku już 52%, w tym w Rosji odpowiednio 15% i 73,7%). Skupienie większości przedsięwzięć przemysłowych i obiektów życia politycznego, kulturalnego, religijnego oraz infrastruktury społecznej przyczyniło się do rozwoju w miastach wszystkich tych obszarów, jest to zauważalne zarówno w historycznie powstałych jak i miastach nowych. Wyraźną specyfikę w obszarze miejskim daje się zauważyć także w małych i średnich miastach, miastach – metropoliach. W 1900 roku miast z liczbą mieszkańców powyżej 100 tys. było 360, w 2000 roku funkcjonowało już około 1615 takich miast, a ilość miast z liczbą ludności 1 mln i więcej w XX wieku wzrosła z 10 do 440. Procesy te aktywnie sprzyjały zmianom i w samym środowisku miejskim.

Ważnym czynnikiem, który wpłynął na zmiany miejskiego środowiska społecznego okazała się industrializacja produkcji wynikająca z przemysłowego przewrotu w drugiej połowie XVIII wieku i rewolucji przemysłowej w XX wieku. Industrializacja przenikała we wszystkie sfery życia społeczeństwa, szczególne nasilenie tego procesu można zauważyć w XX wieku na skutek postępu naukowo – technicznego trwającego do dnia dzisiejszego. Na przełomie XIX i XX wieku miasta przeobraziły się w centra przemysłowe, finansowe, handlowe, polityczne, wojskowo – administracyjne, religijne i kulturalne Pogłębiła się społeczna stratyfikacja, zmieniająca strukturę i skład społeczeństwa miejskiego. Skutkiem industrializacji życia gospodarczego i urbanizacji środowiska miejskiego było pogłębienie procesu społecznego podziału pracy, zmieniły się standardy jakości życia, ukształtował się szczególnie urbanistyczny styl miejskiego życia (komfort, racjonalność konsumpcji, zróżnicowanie

poziomu życia, dostępność dóbr kulturalnych i wartości duchowych, zadowolenie z szerokiego spektrum usług dla ludności).

Wskutek urbanizacji życia miejskiego wzrosła zależność funkcjonowania mieszkańców od systemów transportu, usług komunalnych, obiektów miejskiej infrastruktury (oświaty, instytucji medycznych, centrów kulturalnych i sportowych, ośrodków wypoczynku). Coraz większe znaczenie w środowisku miejskim zdobyła funkcja kierowania ośrodkami władzy i innymi. Środowisko miejskie jak pompa, wciągało mieszkańców miast w interakcje, burzyło tradycyjne (wspólnotowe, rodowe, etniczne) związki i kształtowało nowe stosunki w przestrzeni miast – metropolii.

Procesy urbanizacji i rozwoju miejskiej infrastruktury społecznej zmieniają „twarze” miast, łamią tradycyjną strukturę zatrudnienia ludności, rodzą nowe, pierwszoplanowe kwestie społeczne w zarządzaniu miejską administracją (przewyciężenie ksenofobii, nędzy, bezrobocia, protestów społecznych, społecznego wykluczenia i obcości). Stosownie w związku z powyższym jest przytoczenie słów jednego z założycieli amerykańskiej socjologii R.E.Parka, wypowiedziane przez niego u zarania procesu urbanizacji miast: „... *kwestia społeczna – to w zasadzie miejskie pytanie. Chodzi o to, żeby w warunkach wolności miejskiej osiągnąć społeczny porządek i kontrolę, który pojawia się spontanicznie*”.

W drugiej połowie XX wieku na przemiany w środowisku miejskim wpłynęły procesy migracyjne, wprowadzając zmiany w etniczno – kulturowym tle tego środowiska, stało się ono bardziej kosmopolityczne, gwałtownie spada monoetniczny skład ludności w miastach. Według słów Arystotelesa, współczesne środowisko miejskie można scharakteryzować jako „*jedność niepodobnych*”. W miastach powstały etniczne strefy (getto, enklawy), które obecnie nierzadko stają się strefą społecznego wykluczenia dla mieszkających w nich ludzi i grup. W tych etnicznych strefach kształtują się różnego rodzaju ruchy społeczne, stają się one pożywką do dysfunkcyjnych, przestępczych zachowań jednostek i grup ludzi.

Na przełomie XX i XXI wieku społeczny obszar miejski ulega znacznym zmianom na skutek globalizacji. Aktywne przedostawanie się do środowiska miejskiego rynkowych, komercyjnych stosunków wpływa na strukturalne zmiany statusu ekonomicznego i hierarchizowania grup społecznych.

W krajach Europy Wschodniej i Centralnej na przełomie XX i XXI wieku w działalności handlowej wyraźną dominację stanowili uchodźcy ze

świata azjatyckiego, z początku byli to obywatele Wietnamu, potem zmienili ich Chińczycy, w miastach rosyjskich daje się zauważyć zmniejszenie ilości tych etnicznych handlowców, jednak znacznie wzrosły wpływy grup regionów środkowoazjatyckiego i kaukaskiego. W miastach nastąpiła istotna zmiana w narodowym składzie mieszkańców (na przykład, w Iwanowie mieszkają obok z rosyjską ludnością przedstawiciele 114 grup etnicznych), w regionie podmoskiewskim, w małych miastach i na wsiach daje się zauważyć pobyt przedstawicieli krajów środkowoazjatyckich i regionu kaukaskiego. Sytuacja ta znajduje odbicie w zmianach społeczno – kulturowych miast. W obszarze miejskim nowe grupy etniczne, przedstawiciele swojej subkultury dają podłoże do wzrostu napięć wobec rdzennych mieszkańców miast. Multikulturalne grupy etniczne kształtują swoje środowisko religijne, tworzą religijne centra, manifestują swoją obrzędowość i tradycje (noszenie hidżaba przez kobiety, ubój rytualny podczas świąt religijnych, ceremonie weselne z wystrzałami na ulicach miast) – wszystko to nieprzychylnie odbierane przez rdzennych mieszkańców miast staje się przyczyną sprzeczności i konfliktów.

Celem monografii „Socjologia środowiska miejskiego” jest prześledzenie zmian w socjalno – psychologicznych sferach i zachowaniach mieszkańców miast i uogólnienie materiałów stosowanych badań socjologicznych, przeprowadzonych w ramach projektów naukowych RGNF (grant „*Miasta włókiennicze w warunkach globalizacji: dynamika zmian społecznych*” NN 09-03-54705 a/s; grant «*Identyfikacja mieszkańców miasta przemysłowego zgodnie z ich poglądami religijnymi i normami*” - NN12-1337001), a także zainicjowanych stosowanych badań socjologicznych, prowadzonych przez Katedrę Teorii Społeczno – Ekonomicznych w Państwowym Uniwersytecie Chemiczno – Technologicznym w Iwanowie. W monografii wykorzystano także materiały wyników współpracy socjologów IGHTU (Rosja, Iwanowo), z socjologami szeregu krajów Europy Wschodniej (Polski, Bułgarii, Węgier, Litwy), Kanady i Turcji. Socjologowie tych krajów utworzyli międzynarodową grupę naukową celem prowadzenia badań socjologicznych według opracowanych projektów badawczych.

W Międzynarodowych badaniach socjologicznych z naukowcami z tych krajów, a także z Centrum Metodologicznym Instytutu Socjologii Uniwersytetu Łódzkiego (Polska) zrealizowano następujące projekty naukowe: „*Modele udziału społecznego i struktura społeczna miejscowych wspólnot w Bułgarii, Kanadzie, Polsce i Rosji*” (grant Humanistycznego

Komitetu Badań Naukowych Polskiej Akademii Nauk NN 1 HO 1 F 016 09, Uniwersytetu Łódzkiego i Uniwersytetu Kanadyjskiego w Quebecu); *„Struktura i uwarunkowanie związków społecznych w miastach peryferyjnych Centralnej i Wschodniej Europy w epoce globalizacji”* (grant Uniwersytetu Łódzkiego); *„Odrodzenie miast peryferyjnych postindustrialnych Centralnej i Wschodniej Europy”* (grant Humanistycznego Komitetu Badań Naukowych Polskiej Akademii Nauk).

Jak wykazują badania, zmiany społeczne dotknęły wielu aspektów w środowiskach społecznych. Najbardziej namacalne dotyczą poziomu socjalnego mieszkańców miast. Życie socjalne w miastach na przełomie XIX i XX wieku uległo zaostrzeniu wskutek częściowego zniszczenia potencjału przemysłowego, wywołało wzrost bezrobocia, rozwarstwienie społeczne i spadek poziomu życia ludzi. Konsekwencją takiego stanu rzeczy była zmiana stosunku mieszkańców miast do różnych instytucji społecznych: ośrodków władzy, duchowieństwa, organów ustawodawczych itd. Skutkowało to także w zmianach relacji w wydawałoby się stałych grupach ludzi (krewni, sąsiedzi, koledzy z pracy). Taka sytuacja wymusza badanie statusu socjalnego od wewnątrz i prześledzenie zaistniałych zmian stosując kategorię kapitału społecznego.

Znaczenie środowiska, w której kształtuje się kapitał społeczny i jego składowe, jako obiekt badań socjologii nie zawsze znajduje uznanie wśród socjologów danego kraju, ale czyż można uznać to stanowisko za poprawne. Jako przedmiot badania socjologicznego – kapitał społeczny w środowisku miejskim, zdaniem autorów, przedstawia system społecznych powiązań, charakteryzując się indywidualnymi i grupowymi (wspólnotowymi) relacjami w kierunku poziomym i pionowym. Relacje te wynikają z wzajemnych związków, współpracy między ludźmi, zaufania lub odwrotnie obcości między nimi, motywacjami, którymi się kierują mieszkańcy w ocenie działalności organizacji społecznych i instytucji w rozwiązywaniu problemów sprawiedliwości i bezpieczeństwa, aktywności (jej braku) mieszkańców w politycznych, kulturalno-rozrywkowych przedsięwzięciach i innych. Badania socjologiczne we wskazanych projektach były przeprowadzone w formie wywiadów przeprowadzonych u losowo wybranych respondentów, w formie sformalizowanej ankiety. Małe miejskie społeczności, obiekty badań, były wybierane pod względem liczby mieszkańców od 1500 do 5000 mieszkańców, jak i położenia, w odległości 20-90 km od najbliższego dużego miasta. Duże miasta, jako obiekty badań były wybierane ze względu na liczbę mieszkańców od 200 do 500 tys. (Łódź około 700 tys., Iwanowo ponad 400 tys., Ponieważ

około 200 tys., Miskolc około 300 tys., Adapazan około 400 tys.) mieszkańców.

INTRODUCTION

Urban environment formed in certain historical and political, social and cultural and economic conditions is becoming the subject of many sciences. The interest to this problem can be explained by the fact that social environment of the cities is in constant change due to dynamics of social and cultural, ethnocultural, economical, demographic, religious, political and migration processes. The population growth on the planet (in 1900 the population was 1,6 billion, in 2000 it was 6 billion, and in 2010 it was 7 billion people) was due to its concentration in the cities (in 1900 the urban population was 14%, in 2010 it was 52%, including Russia 15% and 73.7% respectively). It was facilitated by concentration of industrial enterprises, objects of political, cultural, religious life, and institutes of social infrastructure that also led to enlarging of social and territorial area both historically founded and new cities. Small and middle cities, metropolitan cities got clear character in the urban space. In 1900 there existed 360 cities with the population more than 100 000 people, in 2000 there were about 1615 cities like these, and the number of cities with the population of 1 million people increased from 10 to 440. These processes facilitated the changes of urban environment.

The important factor which influenced the changes in the urban social environment was industrialization. It developed due to industrial revolutions in the late of the 18th and 19th centuries. Industrialization penetrated in all spheres of social life, this process was especially intensified in the 20th century under the influence of scientific-and-technological advance, which is going on at present. At the turn of the 19th and 20th centuries cities turned into centers of industrial, financial, trading, political, military and administrative, religious and cultural life. Social stratification got deep and it led to changes in structure and composition of urban society. As the consequence of industrialization of economic life and urbanization of urban environment the processes of social division of labor got deep, the standards of quality of urban living were changed, special urban style of life was formed (like comfort and rationality of consumer practices, differentiation in living standards, availability of cultural and intellectual values, satisfaction of wide spectrum of consumers in personal services). Due to urbanization of city life the dependence of functional activities of the population on transport system, municipal service, activities of the objects of urban social infrastructure (like

educational and medical institutions, cultural and sport complexes, parking areas) became to grow. Great importance in urban environment was focused on its ruling by bodies of government. Urban environment like a pump drew citizens in different contacts, destroyed traditional ties (like communal, family, ethnic ones) and formed new relationships in the area of metropolitan cities.

The processes of urbanization and development of urban social infrastructure change 'the face' of cities, break the traditional structure of population employment, give rise to new social questions in the management of city administration which become a leading factor in governance of the cities (overcoming of xenophobia, poverty, unemployment, campaigning organizations, social withdrawal). It is suitable to quote the words of American pioneer in sociology R. Park which were said at the dawn of city urbanization: «... *Social question is an urban question in principal. What this means is that in the framework of urban freedom it is necessary to achieve social order and control which is carried out spontaneously*».

At the middle of the XXth century migration movements began to influence the changes in urban environment. They led to changes in ethical and cultural background of life environment which became more outward looking, monoethnic composition of population in the cities decreased. According to Aristotle, modern contemporary urban environment can be considered as «*the unity of unlike people*». Ethnic outskirts began to be formed in the cities like ghettos, enclaves. They become now the zones of social withdrawal of people and groups from social environment living in it. In these social outskirts different kinds of social movements are formed, positive environment for delinquent and criminal behavior of certain people and groups is created.

At the turn of the XXth and XXIst centuries social space went through great changes under the influence of globalization. Active penetration of market commercial relationships in urban environment influences on the structural changes in the hierarchy of social groups according to their economic status. In the countries of Eastern and Central Europe representatives of Asian world dominated in the trading activities, at first they were immigrants from Vietnam, then from China. In Russian cities the influence of these traders decreased but the influence of the groups from Central Asian and Caucasian increased. The change in ethnic composition of citizens has become noticeable (for example, in Ivanovo along with Russian population the representatives of 114 ethnic groups

live). In small and agricultural districts of Moscow region the habitation of the representatives from Central Asian and Caucasian regions can be noticed. All these things are reflected in the changes of social and cultural situations in the cities. In the urban space new ethnic groups, the carriers of their subcultural ideas frequently create certain tension for the native inhabitants of the cities. Multicultural ethnic groups form their religious environment, create religious hubs, show their ritualism and traditions (wearing hijab, sticking sacrificial animals in religious holidays, wedding ceremonies with shots in the streets) – all these things are not appreciated by the native inhabitants and become a reason for appearing conflicts in the urban society.

The monograph ‘Sociology of urban environment’ has a purpose of tracing the changes in social and psychological paradigm and ideas of metropolitan citizens on the basis of generalization of the results of applied sociological investigations carried out in the framework of scientific projects of Russian Humanitarian Science Foundation (grant ‘*Textile cities in the framework of globalization: dynamics of social changes*’ NN 09-03-54705; grant » *Identification of the citizens of an industrialized city according to their religious ideas and standards* NN12-1337001), and also independent applied researches, carried out by the department of social and economic theories of Ivanovo State University of Chemistry and Technology. Besides the results of collaboration of the ISUCT sociologists (Russia, Ivanovo) with sociologists of other countries like Poland, Bulgaria, Hungary, Lithuania, Canada and Turkey were used as well. The sociologists of these countries formed the international scientific group for conducting sociological investigations in the framework of different investigating projects. The following scientific projects were carried out in the international sociological investigations with the scientists of these countries: ‘*The Models of social participation and social structure of the local communities in Bulgaria, Canada, Poland and Russia*’ (grant of Humanitarian Committee of scientific investigations of the Academy of Science of Poland NN 1 HO 1 F 016 09, the University of Lodz NN 505/527 and the Canadian University of Quebec); ‘*Structure and dependence of social ties in provincial cities of the Central and Eastern Europe in the period of globalization*’ (the grant of the University of Lodz); ‘*Urban renewal of postindustrial provincial cities in the Central and Eastern Europe*’ (grant of Humanitarian Committee of scientific investigations of the Academy of Science of Poland).

According to these investigations, social changes touched upon different kinds of social societies. It can be shown more vividly in urban societies. Social life of people at the turn of the 19th and 20th centuries became strained due to partial destruction of industrial capacity which caused the increase of unemployment, social differentiation and drop in the living standards. In turn it influenced on citizens' attitude toward to social institutions: ruling, religious, legislative ones. It also touched the changes in social ties of seemingly stable groups of people (relatives, neighbors, colleagues etc.). Such situation makes investigate social medium internally and trace the changes in it using the notion of 'social capital'.

Significance of the environment social capital is formed in as the subject of sociology doesn't find recognition among Russian sociologists and it can't be considered right. As the subject of sociological investigation social capital in the urban environment according to the authors' opinion represents a system of social nets characterized by relationships between individuals, individuals and social groups of horizontal and vertical direction. They appear in the framework of interrelation and support between people, trust or conversely distance between them, motivation of the citizens in their estimation of the activities of social organizations and institutions in solving the problems of social justice and safety, participation/non-participation of the citizens in the political and cultural events in the city.

The sociological investigations in the projects mentioned above were conducted in the form of polling based on a random selection in the form of patterned interview. Small urban settlements, the object of the investigation were chosen according to their location from a the closest big city (in 20-90 km) and their population (from 1500 to 5000 inhabitants). Big cities as the object of investigation were chosen according to their population size (from 200 000 to 500 000) – (Lodz – 700 000, Ivanovo – 400 000, Panevezys – 200 000, Miskolc – 300 000, Adapazari – 400 000).

Globalization influenced the changes in urban economic structure and social capital of urban communities for which reason we set a task to clear up the essence of these changes. During our investigation we had the following goals: determination by responders the quality of their urban living by means of estimating the conditions of the social and natural environment, exposure of the essence of social identification defined as a social, emotional and cognitive relation with certain local community, characteristic feature of confessional identification of urban citizens. Due

to the changes in agriculture of Eastern European countries we set a task to determine the forms of responders' participation in economical informal cooperation.

1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: СУЩНОСТЬ И СОВРЕМЕННЫЕ ОЦЕНКИ

Мировое сообщество в последней трети XX века столкнулось с необходимостью разработки стратегии нового общественного порядка, в котором в меньшей степени проявлялись бы противоречия и парадоксы века, сокращался экономический и технологический разрыв между странами, усиливалась взаимосвязь между регионами и национальными социумами в экономической, социально - культурной жизни. В научном знании эта стратегия получила определение глобализации, методологический подход рассмотрения сущности которой находится в плоскости анализа постиндустриальной научной парадигмы, разработанной мыслителями Римского клуба, а также современными учеными социально - экономической и философской науки.

Понятие "глобализация", появившись в научном языке, сделало головокружительную карьеру, став центральной проблемой в дискуссиях среди политиков, экономистов, социологов. Она является не только фундаментальным теоретическим понятием, но и также идеологическим лозунгом, мобилизирующим союзников и их оппонентов для определения политических действий. Теоретические границы глобализации характеризуются тем, что это понятие широко используется в политологии, социологии, экономике, культурологии, антропологии, юриспруденции. Тем самым глобализация является обобщением последовательных процессов общественного, экономического и культурного содержания, переходящих границы государств, народов или континентов, а также процессов, не всегда поддающихся контролю со стороны общественных институтов.

В западной социологической литературе проблема глобализации нашла широкое освещение (Robertson, 1992; Szepanski, 1994; P. Michael, 1996; Bauman, 1997; Pieterse, 2000). Авторами были проанализированы общественно - экономические контексты этого явления. На раннем этапе исследования этой проблемы анализировались вопросы сущности глобализации, развития ее как явления, в то же время в меньшей степени уделялось внимание

анализу последствий от преобразований, вызванных глобализацией, в области общественной жизни, то есть связей и отношений, складывающихся между субъектами этого процесса. Ряд исследователей выдвинули тезис о необходимости прослеживания процесса роста индивидуализации и прагматизма в общественных отношениях и разрушении тем самым основ публичной, общественной жизни, солидаризма людей (Starosta, 2000).

Понимание природы явления глобализации среди западных мыслителей неоднозначно. Одними она понимается как неконтролируемые, естественные действия, приводящие к глобальным последствиям. В этом плане глобальность предстает как опыт обобщения последовательных процессов общественного, экономического и культурного характера, переходящих границы государств и народов, континентов (Bauman, 1997, s.55). Несколько другую трактовку понимания природы глобализации дает P.Michael (1996, s.27). По его мнению, она заложена в исторических переменах мировой капиталистической системы, а сама глобализация есть концепция общественно - хозяйственного развития с определенными политическими и философски - идеологическими предпосылками, касающимися всего мира, и реализованная международной элитой финансовых институтов с целью укрепления капиталистического порядка. Не менее оригинальную трактовку этому феномену дают L.Roniger (1995) и G.Thorborn (1999), у которых природа глобализации понимается в виде диффузий определенных моделей экономического развития, роста, рыночности и отвечающая этому процессу адаптация, либо не адаптация культурной направленности вестернизации. Глобализация вырастает из дифференциации и культурного плюрализма современного мира и характеризуется такими чертами, как: транснационализация культурных направлений и расширение экономических обменов, региональная транслокализация, рост значимости локальности (Roniger, 1995, s.227). Глобализацию связывает Thorborn с общественным пространством, в котором расширяются общественные структуры, культура и деятельность за счет экспансии, вследствие этого расширяются и укрепляются общественные связи (1999, s.34).

Фундаментальные основы теории глобализации, по мнению ряда современных мыслителей, складываются из теорий мировой системы (J.Wallerstein, 1982, 1987), революционного развития техники общественной коммуникации (Sabbah, 1985, Powers, 1989),

ренессанса консервативно - либеральных идеологий (Heyeb, 1986), подчеркивающих триумф индивидуализма над коллективизмом.

Обобщая взгляды зарубежных мыслителей на проблему глобализации, выделим черты этого явления, характеризующегося политико-экономическими и культурологическими моментами.

1. Глобализация является результатом исторического процесса формирования мировой системы капитализма и проходит различные фазы (периодизация Валлерстайна включает в себе 5 фаз, начиная с XV века и по настоящее время, при этом критерии периодизации размыты, автором уделяется внимание борьбе за гегемонию над миром в каждой фазе; периодизация Робертсона предусматривает в качестве основного критерия фаз глобализации политические события от начала XV века и по настоящее время).

2. Современный перелом цивилизаций и развивающийся глобализм являются следствием появления и применения новейших технологий производства материальных ценностей. Для этих технологий характерны такие черты, как: выделение информации как предмета технологических открытий; главным результатом открытий является не конкретный продукт, а процесс; в результате применения новейших технологий достигается большая эластичность продукции (это означает переход от классического фордизма к постфордизму, характеризующийся частой сменой модели производимой продукции, предназначенной для конкретного клиента).

3. Благодаря развитию современных технологий расширяется сеть и возможности взаимной коммуникации между людьми. Эти изменения получили определение "*информационной революции*" (Sabba, 1985). Ее характерными чертами являются:

- возросшая возможность доступа к различным средствам информации, к информационным источникам;
- окончание эры односторонней пересылки информации путем подключения кабельных сетей с компьютером и разрушение монополии некоторых средств передачи информации;
- формирование общественного мнения посредством адресной передачи информации за счет внедрения кабельного телевидения и электронной почты (в США в начале 60-х годов телевидение играло важную роль средства информации для 50%, в 1992 году - уже для 72% населения, зато резко снизилась роль радио и газет), а также расширение общественных связей. Информация становится таким же товаром для торговли, как и другой продукт.

4. Характерной чертой глобализации является оборот капитала, его концентрация в руках узкой группы людей, что приводит к повышению "серой" и "черной" областей экономики (из валюты, оборачиваемой в размере биллиона долларов США, только 5% имеют что-то общее с легальной торговлей, 95% приходится на спекуляции и другие теневые формы деятельности).

5. Теория глобализации является концепцией современного мира, предполагающей, согласно теории мировой системы, вывод о том, что развитие современных технологий и прогрессирующее разделение труда привели к существенным различиям между географическими областями мира. Некоторые из сообществ находятся в центрах кумуляции капитала, дистрибуции и консумиции (потребления) материальных ценностей, другие занимают периферийные позиции. Принцип пространственного дифференцирования экономических позиций имеет место в различных странах и регионах стран, метрополиях. Но такие периферийные общества имеют свои центры, лучше обеспечиваемые инфраструктурой, и свои отсталые районы экономической и социальной жизни (например, в США угольный район Аппалачи не напоминает процветающие районы южных территорий страны).

В современной отечественной социологической литературе (Ю. Яковец, 1997; 2001; Н. Моисеев, 1998; 1999; Е.Черняк, 1996; В.Иноземцев, 1999) методология анализа глобализации базируется на теоретических идеях П.Сорокина, Н.Кондратьева, В. Вернадского, А.Чижевского, а также ряда западных мыслителей Й.Шумпетера, Ф. Броделя и А.Тойнби. Исходя из парадигмы цивилизационного подхода к историческому процессу, глобализация рассматривается сквозь призму ее социокультурных аспектов и взаимодействия цивилизаций. Такой подход позволяет выстроить позитивный сценарий перспективы развития человеческого общества. На этот счет уместно употребить замечание П. Сорокина: *«...творческие силы приведут человечество в новую величественную эру его истории. Какая альтернатива осуществится - зависит от каждого из нас».*

Глобализация это комплексное явление, которое отражает процесс формирования геоэкономического, геополитического, геосоциального и геогуманитарного пространства за счет углубления всеобщей взаимозависимости и сопряженности в границах мирового сообщества. Одновременно глобализация это процесс, направленный на преодоление национальных стереотипов в социально-культурной,

политической и экономической сферах, формирование в рамках мирового сообщества таких форм связей, которые бы способствовали свободному перемещению капиталов, товаров, услуг и людей. Вместе с тем, она способствует распространению новых идей в социально - культурной жизни людей, совершенствованию механизма функционирования мировых экономических, социальных, политических и культурологических организаций, созданию инфраструктурного обеспечения для плодотворного осуществления глобальных проектов.

В дискуссиях относительно природы и управляемости процесса глобализации, а также роли государства в нем большинство авторов соглашаются с тем, что по своей сути это исторический, завершающий индустриальную эпоху период, характеризующийся сверхнациональной диффузией культурных процессов, в основе которого лежит развитие суперсовременных технологий. Развитие современных технологий углубляет общественное и территориальное разделение труда, вследствие которого возникают существенные различия между географическими регионами мира. Некоторые из этих регионов находятся в мировых центрах кумуляции капитала, дистрибуции и консумиции материальных ценностей, другие занимают семипериферийные (полупериферийные) позиции, а остальные функционируют как мировая периферия. (Wallerstein, 1982). Принцип пространственного дифференцирования экономических позиций имеет место в различных странах, регионах, метрополиях. Но не только центральные районы имеют периферийные области, сами периферийные общества имеют свои центры, лучше обеспеченные в инфраструктуре и с развитым человеческим капиталом.

Рост значения современных технологий приводит к тому, что области, до сих пор развивающиеся на базе классической промышленности, теряют свою значимость. (Castells 1985, s. 31). В США процесс региональной реконверсии вызвал ослабление роли предприятий восточного побережья и усиление развития южных регионов (регион Аппалачей, связанный с добычей угля, считается неперспективным). В Польше теряет значение Верхний Шленск, как область человеческой агломерации. (Gorielak, Jatowiecki 2000). В России падает значение традиционных для страны текстильных городов, как монокультурных экономических районов, что создает

определенную напряженность в них и способствует повышенной миграции людей в города с активной экономикой.

Глобализация, в противоположность модернизации, предполагает осмысление природы экономического развития не на основе выравнивания роста путем активного участия государственных институтов, она стимулирует глобальный рост в условиях расширяющейся системы товарообмена и при акцептации существующих неравенств в мировом масштабе (Mc. Michael, 1996). В результате это приводит к обогащению богатых обществ и углублению нищеты в периферийных областях. Между центральными областями и периферийными зонами существуют, однако, некоторые зависимости. Центральные области требуют дешевой рабочей силы, запасов сырья, которые расположены в периферийных областях мира, а также новых рынков сбыта для производственных продуктов. Периферийные области, как правило, получают от развитых обществ устаревшие технологии, их внедрение позволяет несколько повысить материальный уровень проживающих в них людей. Общество же в целом сохраняет технологическое отставание. В данной ситуации государство теряет множество своих функций (Castells, 1997; Gorlach, Gilarek, 1998; Misralska, 2000). Прежде всего, утрачивается контроль над капиталом, который уходит в теневой сектор и перестает выполнять функцию регулятора рынка. Это вызывает кризис общественных (публичных) финансов. Как подчеркивают исследователи, вследствие такого кризиса и в результате расширения приватизации государство теряет контроль над средствами, предназначенными для публичных целей, и снимает со своих плеч обязанность заботиться о социальных проблемах. Политическая власть теряет контроль над капиталом и становится все в большей степени зависимой от международного финансового капитала. Таким образом, международные финансовые институты во все большей степени определяют политическое управление международным порядком (Mc. Michall, 1996). Кроме того, следует добавить, что политическая власть теряет эффективность в результате все более экспансивного действия международных преступных групп и криминального капитала, который становится все более существенным компонентом международной финансовой системы. По оценкам экспертов, на начало 90-х годов около 750 миллиардов долларов в год вращалось в нелегальных сферах. (Castells, 1997, s. 260).

В процессе глобализации происходит высокая степень мобильности финансового капитала, трудовых и культурологических ресурсов. Вместе с развитием средств коммуникации и товарного обмена усиливается диффузия культурных представлений, связанных с идеями общества - потребителя. Доминируют в таком обществе образцы, типичные для западной вестерн-культуры, особенно американской, вобравшей в себя локальные стандарты. (Roniger, 1995). Таким образом, глобальный мир становится миром все более культурно дифференцированным и пространственно мобильным. Благодаря открытию границ все больше людей меняют место жительства и работы. Это происходит в результате изменения в пространственном смысле перемещения капитала, ищущего более дешевую рабочую силу и лучшие условия для получения прибыли за короткое время. Исходя из этого, волны международных миграций имеют, главным образом, экономические корни. Мигранты стремятся достигнуть большего состояния социальной безопасности в рамках глобальной неуверенности. Такое явление одновременно углубляет процессы пространственной сегрегации в общественных кругах, не имеющих наплыва финансового капитала.

В условиях глобализации в результате все возрастающих процессов акцептации, релятивизации, прагматизации и приватизации усиливается активность личности в реализации ее интересов. Личность получила в западной культуре исключительные привилегии перед коллективом. Типичным примером этого является Декларация прав человека и гражданина. Однако систематические и длительные привилегии личности могут привести, как подчеркивает Lovlie (1992), к деконструкции ее как основы, а в итоге к деконструкции общества, в котором эта личность живет. Динамические изменения стандартов и культурных норм вызывают усложнения конструкции общества и фрагментаризацию личности, что разрушает прагматизм жизненных практик, отдавая приоритет тому, что делается здесь и теперь в противовес спянной системе общественных ролей, опирающихся на относительно стабильную систему норм в пространстве и времени.

Не подлежит сомнению, что глобализация тянет за собой далеко идущую дезинтеграцию механизма общественного контроля и формирование потребительского общества, опирающегося на жесткую конкуренцию, которая приводит к уменьшению границ общественной безопасности и разрушению общественных связей.

Рост безработицы, неуверенность, потеря чувства безопасности и растущее чувство изоляции различных общественных групп привели к тому, что идея современного глобального общества сформировала не только сторонников, но и противников. Концентрируются они как на низших, так и на высших уровнях общественной структуры. Недовольство одних возникает на почве стресса, вызванного ситуацией принудительной общественной изоляции. Недовольство других происходит из опасений перед нарастающей волной преступности и нежелательными последствиями контактов с представителями низших общественных групп. Когда увеличивается чувство общественной и пространственной утраты, когда тысячи избирателей теряют контроль над выбранной ими властью, когда государство не в состоянии эффективно защищать интересы общественных групп и обеспечить безопасность представителям высших классов, растет общественная напряженность, вызванная процессами, сопутствующими глобализации, ибо современное общество не является высокоорганизованной системой, охватывающей целиком представителей всех категорий и групп общества. Элементы общества дифференцированы "только временно и частично в границах функционирования различных миров" (Bech, 2000, s. 165). Поэтому не может удивлять тот факт, что все больше становится сторонников теории (мнения) Roberta Nisbet'a, который еще в 50-х годах писал, что *"единственной истинной альтернативой для широкого и политически механического общества являются общества (объединения) малого размера, но солидной структуры. Они и только они могут стать основой общественной реконструкции, потому что, имея глубокие корни, отвечают самым глубоким человеческим желаниям: совместному проживанию, совместной работе, совместному опыту сосуществования"*. (Nisbet, 1973, s. 90-99). Несколько позднее Giddens (1999, s. 72-78) утверждал, что обновление гражданского общества возможно, главным образом, через актуализацию локальной общественной жизни и третьего сектора в общественной жизни. Таким образом, процессы глобализации приводят к перекрою общественной структуры, согласно центральному принципу дифференцированного разделения труда, пространственные структуры становятся основой новых разделов современного мира.

Рост значения территориальных основ интеграции действий оппозиционных (или союзнических) сил по отношению к процессу

глобализации возникает также из того, что в обществах с высоким уровнем технического развития не производство материальных ценностей, а потребление на локальном уровне является центром кристаллизации профессионального сотрудничества между различными общественными группами (Stoker, 1997). В результате передачи государством многих своих функций, удовлетворяющих различные общественные потребности, место жительства становится полем общественной конфронтации и мобилизации. Общественные группы во все большей степени формируются по территориальному принципу, так как различия "территориальности", рожденные процессом глобализации, становятся главными источниками общественного назначения. Территориальная индивидуальность не существует сама по себе, в изоляции, она формируется "путем ее выделения среди других территориальных индивидуальностей или в оппозиции им" (Mlinar, 1992, s. 5). Новые виды общественных движений - более чем традиционны именно в период модернизации, они в то же время не опираются на классовую общественную интеграции (Fischer, 1993). Не объединения профсоюзные или партийные, а коммунальные и quasi-коммунальные все чаще становятся истинными формами протеста против всего глобального.

Реакцией на глобализм и индивидуализм является, с одной стороны, распространение альтернативных, интеллектуальных концепций, а с другой - спонтанное развитие общественных движений и различного типа объединений, которые являются одновременно выражением отклонения от глобальных взглядов и попыткой самореализации (Srahaj, 2000). В противовес индивидуализации и прагматизации поведения людей наблюдается рост общественного солидаризма, что можно рассматривать в качестве своеобразного вклада глобализма в ренессанс коммунитаризма и образование новых обществ и общественных движений.

Выражением интеллектуальной реакции на проявление коммунитаризма являются взгляды группы современных западных исследователей, особенно John'a Bryden'a (1994), Amumaim'a, etzioni (1993, 1996), Wiliam'a Sitesa (1998), Henry Tam'a (1998), Michael'a Walzer'a (1996). Эти авторы, в противовес перекраиванию общественных связей и отношений в ходе глобализации, поднимают проблему усиления значения коммунитаризма в качестве интеллектуальной альтернативы глобализму, выраженному в реакции

общностей, групп на перемены, которые принимают формы совместных движений и организаций, отклоняющихся от идей глобализации, так и присоединяющихся к ним.

Центральной идеей коммунитаризма является положение о том, что общественный строй, опирающийся на полное использование интересов личности, как и тот, который старается игнорировать интерес, приводят неизбежно к общественной деструкции. Люди, которые "располагают большим количеством экономических средств, более чем другие, способны устанавливать общественные правила, исходя из факта своей рыночной привилегии. Они могут исказить общественное мнение путем выкупа собственности и установления над ней более эффективного контроля, могут также подчинить себе всех тех людей, которые зависят от них, как работодателей, инвесторов или жертвователей средств. Эгоизм становится моральным *credo*. Личность трактует собственный интерес, как наиважнейший. Личности добиваются свободы и возможности выбора, не взирая на публичные импликации такого выбора". (Tam, 1998, s. 3). Общественная жизнь может быть подвергнута деструкции также тогда, когда интерес личности совершенно игнорируется, либо подменяется избыточной опекой со стороны государства. В такой ситуации формируется общественная апатия, либо склонность к формированию взглядов, не имеющих глубоко мотивированной ответственности за принятые действия (Sites, 1998). Главным постулатом сторонников таких взглядов является попытка "как сохранения общественного порядка, так и автономия личности в рамках единого общественного согласия". (Etzioni 1996, s. 1).

Сторонники коммунитаризма стараются уравнивать пять основных позиций общественно-идеологического характера, проявляющихся в современном мире: между правой и левой сторонами политической сцены, радикализмом и консерватизмом, социализмом и консерватизмом, общественным либерализмом и традиционализмом, публичной и частной сферами общественной жизни.

Коммунитаризм, как новое проявление общественной жизни, базируется на следующих принципах: во-первых, общественный контроль над средствами информации (*cooperative enquiry*) (Tam, 1998). Во-вторых, создание общих ценностей в рамках различного типа обществ, которые дают личностям не только права, но налагают на них также уравновешенные с ними обязанности (Giddens, 1999), тем самым доводит этот принцип к лозунгу "*нет прав без*

ответственности". В-третьих, деполитизация общественной деятельности, особенно на локальном уровне (Sites, 1998). В-четвертых, деятельность через сильные административные структуры (Bryden, 1994). В-пятых, толерантность в общественной жизни (*inclusive community*) должна быть ее основным элементом (Giddens 1999; Tam 1998).

Принцип *cooperative enquiry* относится к процессу общественной коммуникации в публичных ситуациях. Это означает, что общественное мнение, формируемое прессой, суды и вновь создаваемые законы, политические лидеры должны быть предметом контроля со стороны различных общественных групп. Речь идет о том, чтобы личность или какая-то группа не могли концентрировать для себя право исключительности в подаче информации в данном обществе, если это не подтверждено соответствующими демократическими процедурами. Сторонники коммунитаризма постулируют, таким образом, усиление информационного доминирования над элитой, которая всегда пропагандировала «единственно правильные» взгляды в различных общественных проблемах.

Принцип совместных ценностей и совместной ответственности можно кратко представить следующим образом. В рамках общества должно быть достигнуто согласие касательно некоторого основного фонда разделяемых ценностей. К нему следует относить ценности уважения других, являющихся основой для работы судов и мнений, а также ценности общественной справедливости, которые в отношении к другим опирались бы на правило: *"поступай так, как бы хотел, чтобы другие также поступали с тобой"*. Достижению таких ценностей сопутствует совместный социализированный союз, как на уровне семьи, локального общества, так и государства.

Деполитизация в принципах коммунитаристов означает постулат (требование) отхода от партийной политики, типичной для промышленных демократий, и формирование опоры локальной политики на гражданских инициативах. Главным образом, здесь проявляется принцип гражданского участия. Лидеры локальной политики выступают в этом случае, скорее всего, в роли менеджеров, поддерживаемых местной общественностью при решении конкретных проблем, чем в роли политиков, реализующих большие партийные и идеологические проекты в рамках локальных обществ. Этот принцип означает также, что усиление демократических

процедур происходит не только на локальном уровне, но также и в других институтах и организациях, добровольно функционирующих на микро,- мезо - и макроуровнях. Так как сущность второго принципа заключается в том, что *"никаких прав без ответственности"*, так и сущность третьего принципа должна быть *"никакой власти без демократии"*. Демократия, как пишет Giddens (1999, s. 61), может иметь лишь частичный характер. В обществе, где традиции и обычаи теряют свое значение, демократия является единственным путем установления авторитета власти.

В настоящее время глобализация охватила пока небольшую группу экономически развитых государств, межгосударственные интеграционные процессы в которых проявились, в первую очередь, в области экономики. Эти процессы, в свою очередь, обусловили и способствовали демократизации внутренней жизни стран, взаимному согласованию интересов и выработке механизма разрешения различных спорных вопросов, возникавших еще в 70-80-е годы XX века в сферах экономической и политической жизни государств. В мировой экономике доля этих стран составляет около 70% ВВП и такой же уровень в мировой торговле.

Глобализация в настоящее время не может рассматриваться в качестве панацеи или универсального средства в решении глобальных проблем. Однако она предполагает нахождение мировыми организациями оптимальных решений в области управления этими проблемами, исходя из выводов разработчиков докладов Римского клуба (Римский клуб.,1997), теоретиков глобалистики (супругов Медоуз), глобального равновесия (Форрестера), органического роста (Мессаревича и Пестеля), кодекса поведения государств (конференция в Рио-де-Жанейро), предложений представителей "Группы 77".

Вместе с тем, глобализация воздействует на традиционные стереотипы и модели поведения в социальной жизни людей, меняются их представления в миропонимании, подвергаются коррекции такие общественные институты, как образование, религия, культурная самобытность, власть, отношения между обществом и государством, изменения, в которых усиливают сопряженность и контактность между национальными социумами. Новое обустройство мирового сообщества за счет компьютерной революции и внедрения новых коммуникационных технологий усиливает в культуре

тенденции транснационального свойства, придавая ей характер глобальной или мировой культуры.

Глобализация, несмотря на свою интегративность, способствующую позитивной ее оценке, и внешнюю привлекательность, не снимает целого ряда противоречивых тенденций. **В политической сфере** глобализация может приводить к подрыву суверенитета и национальной стратегии государства. Это, в свою очередь, вызывает эффект кумулятивного, ответного действия тех или иных политиков, или национальных социумов, что может приводить к драматическим последствиям. Налицо - эффект дезинтеграции, противостояния идее глобализации. **В экономической области** народы многих стран не готовы к деэтанализации экономики, рыночный фундаментализм не дает ожидаемых эффектов, развиваются настроения ностальгии по государственному управлению хозяйством страны в целом. По мнению французского ученого Карфантана Ж., *" в масштабе всей планеты должна появиться новая система власти, которая преодолет отношения силы, навязываемые геополитическими представлениями, и беспорядок, вызванный глобализацией экономической жизни"* [1.С. 158]. Возникают противоречия и в сфере управления иммиграционными потоками, когда многие развитые страны проводят политику ужесточения квот и правил въезда в страну, отдавая предпочтение только высокопрофессиональным иммигрантам. В меньшей степени проявляются противоречия и в решении глобальных проблем, особенно в согласовании вопросов об источниках и причинах трансграничного загрязнения, ответственности за него и способах возмещения ущерба от этого загрязнения. Нередко в этих спорных вопросах берут верх корыстные экономические интересы отдельных корпораций или коррумпированных политиков. Принцип *" загрязнитель платит"* не состоятелен для многих развивающихся стран в силу дорогостоящих проектов по защите окружающей среды. **В гуманитарной сфере** сохраняется противоречие между идеалами, ценностями глобализации и этикой человеческих взаимоотношений, кризис морали и этики на уровне всех социальных групп не способствует формированию единой глобальной этики. Создание единой универсальной этики, соединявшей в себе светские и религиозные представления, возможно, но это дело времени.

Процесс глобализации не устраняет парадоксов социально-политического и социально-культурного содержания, которые свидетельствуют о неоднозначности восприятия и сложности реализации идеи нового общественного порядка. Одним из парадоксов является регионализация социально-экономической жизни в противовес мировой интеграции, получившая определение в науке "*глобальный парадокс*". Этот процесс отражает интересы группы стран, которые противопоставлены политике транснациональных корпораций и видят в глобализации средство вмешательства во внутренние дела этих стран.

Другим парадоксом является политика, получившая определение "*новый интервенционализм*", которая наглядно была продемонстрирована в период Балканского кризиса военно-политическим союзом НАТО по отношению к Югославии. В данной ситуации глобализация может характеризоваться лишь как давление на попытку проведения самостоятельного политического курса.

К парадоксам глобализации можно отнести и сохраняющиеся конфликты в различных регионах мира, социальную напряженность в обществах ряда стран. Эти конфликты имеют различную природу, однако выделяется противостояние, имеющее свою глубину в различии ценностей евро-христианской и мусульманской цивилизаций. Глобализация вызывает протестные настроения у противников идеи мировой культуры, они связывают свой протест с возможной утратой национально-культурной самоидентификации, а также устранением и национальных форм социально-политической жизни. События 2000-го года в Вашингтоне, Праге и Ницце свидетельствуют также о тенденциях протеста против глобализации.

Процесс глобализации должен развиваться в направлении поиска диалога культур, способствующего изменению системы в сторону ее упорядочения, большей организованности, но одновременно и сложности. В этой сложности могут определиться черты социально-культурной системы интегрального типа, которую пророчески предвидел интеллект выдающегося социолога П.Сорокина.

Современный взгляд на процесс глобализации, представленный во многих социологических публикациях, в большей степени отражает общественно-экономический контекст этого явления (Robeitson, 1992, Srcrepanski, 1994; Mc Michael, 1996; Bauman, 1997; Pieterse, 2000). Исследования концентрируются главным образом на

вопросах сущности глобализации, развития ее, формирования культурных аспектов и расширения мирового рынка обмена. Меньше внимания уделяется преобразованиям, вызванным этим процессом в области общественных связей (Srtompka, 1997).

Результаты анализа современного постиндустриального общества (Sennett, 1992; Wellman, 1994) заставляют сформулировать гипотезу о росте индивидуализации и прагматизации основ общественных отношений, а также разрушении форм публичной и общественной жизни вследствие глобализации. Одновременно мы склонны предполагать, что указанный процесс вызывает перекраивание форм общественной солидарности в направлении роста значения коммунитаризма. *Под коммунитаризмом понимается интеллектуальная альтернатива глобализму, а также практическая реакция общества и социальных групп на перемены, принимающая чаще всего форму совместных движений и организаций, характеризующихся в своих действиях одновременно как критикой взглядов на глобализацию, так и присоединением к ним.*

Для коммунитаристов главная проблема, генерированная глобализацией, приводит к противоречиям между постоянно возрастающими правами личности и их неизмеримо низкими общественными обязательствами (Roniger, 1995) или ответственностью (Giddens, 1999). Коммунитаристы отбрасывают принцип рационального рыночного выбора, как основу общественных отношений. Принципы свободного рынка не являются, по их мнению, политически нейтральными и не гарантируют всем одинаковых шансов доступа к потреблению материальных ценностей и услуг.

Сторонники такого подхода подчеркивают, что процесс глобализации неизбежно приводит к крайней форме отчужденности (алиенации) от общественной, политической, экономической и пространственной сфер жизнедеятельности. Речь идет о проявлении сепаратизма и отчужденности человека от природы, институтов государства, процесса производства и места проживания (Bryden, 1994). Личность теряет чувство связи не только с территорией, но также с различными общественными кругами и общественными институтами. Индивидуализация и игнорирование общественных норм приводит к замыканию в частную жизнь, а это, в свою очередь, вызывает рост общественной апатии. Ослабление, таким образом, общественных связей снижает воздействие механизма общественного

контроля на поведение отдельных людей и социальных групп, что вызывает рост числа патологических случаев поведения, усиливает социальную дезорганизацию и проявление культа силы в общественных отношениях.

Деятельность и гражданские инициативы не могут, однако, означать исключительно сеть неформальных союзов, реализующих интересы партикулярных групп, невзирая на общественные интересы. По мнению Etzioni (1993), административные структуры, подвергающиеся публичному контролю, являются важнейшим элементом коммунитарного проекта по трем причинам. Во-первых, они облегчают общественную идентификацию, во-вторых, являются основой временной общественной интеграции, в-третьих, мобилизация и общественный контроль в их сфере редуцируют рост патологических явлений. Тут можно бы сказать, чем больше футбольных клубов, объединяющих молодых парней, сориентированных на будущую личную карьеру, тем меньше хулиганов на стадионах. Ибо футбольные хулиганы формируются часто среди молодых людей, которые не имеют возможности активно заниматься спортом. Специфическая и общественно неакцентированная форма выражения эмоций является для них отражением процессов, происходящих на стадионе.

Коммунитаристы считают, что образ содружества будет тем полнее, чем больше будет затрачиваться общественных усилий на формирование общества нового типа. В литературе на этот предмет используются такие понятия, как *inclusive community* (Giddens, 1998; Tam, 1998) *responsive community* (Etzioni, 1993, 1996) или *new locality* (strassoldo, 1992). Все эти понятия независимо от некоторых отличий имеют множество общих черт. Характеризует их то, что они ставят новую позицию в понимании содружества в условиях постмодернистского общества, как "общества нового типа".

Общество нового типа от традиционного общества отличается несколькими взглядами. Во-первых, традиционное содружество является эффектом безрефлексного объединения личности с остальными членами группы, в то время как общество нового типа означает содружество открытого набора (рекрутации), существующее благодаря сознательному выбору их членов. Во-вторых, традиционным содружеством является тотальная структура, тогда как содружество нового типа является структурой селективной с точки зрения области общественной интеграции. В-третьих, общество

нового типа - это демократическая структура, порядок в которой далек от традиционного авторитаризма по отношению к коллегам. В-четвертых, принципом статусности и признания такого общества является использование гражданских инициатив и связь их с профессиональными знаниями экспертов с целью решения локальных проблем. Общество является, таким образом, единицей организации общественной жизни и гражданского образования благодаря тому, что "развивает такие ценности, как справедливость, равенство, опека и сотрудничество" (Kingdom, 1996, s. 31).

Современный коммунитаризм в интеллектуальной среде не устраняет традиционные локальные содружества. Он является определенной программой преобразования и развития разных форм общественной жизни и формирования чувства гражданственности.

Развитие коммунитаризма отражает общественную реакцию на глобализацию, что на практике выливается в образование различных форм организаций, обществ, являющихся результатом критики или адаптации в процесс глобализации. На этой основе можно выделить сообщество оппозиционное (Castells, 1997), сообщество частное (личное, индивидуальное) (Wellman, 1994) и инклюзивное сообщество (Etrioni, 1993; Giddens, 1999; Tam, 1998).

Оппозиционное сообщество образуется в результате маргинализации отдельных общественных групп на уровне макро либо мегаобщества, принятия самостоятельных решений посредством бунта (*resistance identity*) на уровне микроструктуры (Castells, 1997) и групповой мобилизации, приводящей к принятию коллективных действий (Fischer, 1993). Маргинализация понимается, как процесс общественного исключения отдельных групп, основывающийся на ограничении возможности использования определенных материальных ценностей. В результате роста современных технологий различных сегментов общественной структуры становится все меньше в функциональном смысле. Систематически увеличивается количество незанятой рабочей силы и претендентов на получение пособий по безработице. Углубляется общественная фрагментаризация. В этой ситуации личности и маргинализированные группы имеют трудности с решением некоторых общественных проблем. Лишенные решения этих проблем через административные институты и неспособность приспособиться к происходящим переменам, они делают попытки реституции (возвращения) традиционных образцов поведения, что препятствует

внедрению глобальной культуры. Чувство маргинализации и опасности приводит к появлению сегрегации общества, которое вооружено соответствующей символикой, подчеркивает свою индивидуальность и укрепляет внутреннюю консолидацию (Elias, Scotson, 1994). Консолидированная группа становится в оппозицию, опирающуюся на коллективные убеждения, и выражает стремление к общим сборам, направленным на решение определенных проблем. Коллективное выступление является реальной формой подтверждения содружества (Sennett, 1992). Успешная деятельность цементирует коллектив и укрепляет общественные связи.

Условием эффективного действия внешних факторов является проявление так называемой реальной бунтарности, как доминирующего образца поведения личности (Castells, 1997). Через общественную значимость он понимает ту часть нашего "Я", которая отвечает за понимание окружающего мира и которая проникает в сознание личности из различных уровней общественной жизни. Бунтарский менталитет формирует оппозиционное мировоззрение, которое предлагает "понимание того, что данная общественная проблема по структуре или по причине детерминирована, причина является понятной, а состояние определено незаслуженно" (Fischei, 1993, s.9). В такой ситуации план оппозиционного действия становится легитимным и трансформируется в общественную практику. Оппозиционное сознание может формироваться на уровне народной культуры, региональной, и, наконец, на уровне культуры локальной и коммунальной. В результате развития процессов маргинализации, отклонения общественного менталитета и его интернационализации проходит реконструкция различных форм оппозиционных объединений: культурных, региональных, либо коммунальных. Они формируются как попытка достижения высшего уровня собственности, либо как попытка сохранения, либо защиты состояния собственности определенных общественных групп.

Из оппозиционного содружества в результате маргинализации больших общественных групп, а также отклонений в идеологии и практике глобализма формируются определенные наднациональные культурные ценности, которые считают ненужными, либо конфликтными для многих этнических культур фундаментальные основы универсализма западной современности, рыночного хозяйствования, парламентарной демократии. В данном случае мы имеем в виду стремление к изоляции многих обществ. Основой

интеграции становится в данном случае международное, культурное содружество. Примером такой ситуации служат общественные движения и объединения, борющиеся с идеями глобализма с целью сохранения фундаментальных и традиционных взглядов на общественный порядок. Движения эти встают в оппозицию ценностям западного мира, чаще всего они выстроены на религиозном фундаменте. В борьбе с глобализмом очень часто используют вооруженные и террористические формы действия. Аналогично процессу глобализации принимают они международный характер и стараются предложить также глобальную, традиционную альтернативу порядку, признанному западом. К такому типу движений относят главным образом, хотя и не единственные - мусульманские, фундаментальные религиозные движения.

Другой тип оппозиционного объединения образуется в результате экономической маргинализации и исключения самостоятельности некоторых общественных групп в среде данного общества. Примеры такого типа консолидаций, в т.ч. и региональных, можно найти там, где определенные группы общества были подвергнуты исключению по причине принятия принципов рыночной экономики. Эти движения поддерживаются также традиционными образцами, сформированными этническими и культовыми традициями. В оборонительной борьбе применяют они вооруженные акции. Однако в противоположность движениям первого типа они не склонны к межнациональным экспансиям и не становятся тотальной политической, культурной альтернативой для глобальных тенденций. Их противником становится не столько глобальный порядок как таковой, сколько государство, подвергнутое глобальным влияниям. Объединение является в этом случае традиционным региональным объединением, либо общественным объединением, функционирующим в среде более широкого общества. Хорошим примером в этом случае является гражданское общественное движение "сапатистов", объединяющее свыше 300000 человек, главным образом, индейцев различных этнических групп, а также метисов и белых, проживающих в штате Chiapas (Mellichael, 1996, Castells, 1997). В Manifesto of Movimento Civil Zapatista это движение определяется следующим образом: *"... это движение общественной солидарности, оппозиционное организованной преступности, исходящей от власти денег и правительства"*. Причиной недовольства сапатистов была политика правительства,

реализованная под влиянием международных финансовых институтов, и направленная на фундаментальную реструктуризацию мексиканского сельского хозяйства, дальнейшую концентрацию земель в руках немногих. В результате эта политика привела к снижению участия крестьян в производстве продукции животноводства и дезорганизации традиционного общественного стиля их жизни. Это также повлекло передвижение мексиканских крестьян в периферийные лесные районы. Аналогичные общественные движения возникли в Аргентине в провинции La Rioja в 1993 г., как реакция на либеральную политику президента Менета.

Третий тип представляют сообщества, являющие собой оппозицию, выступающие в локальном масштабе. Здесь можем выделить общества, для которых основой интеграции является защита либо от избыточной культурной экспансии других сообществ, либо перед ростом преступности, с которой не в состоянии справиться местные органы власти. Сообщества первого типа можно наблюдать, к примеру, в богатых районах американских, канадских городов, и, прежде всего, в больших метрополиях Латинской Америки. В США в настоящее время в штатах Техас, Колорадо, Калифорния и Флорида получило развитие движение патриотических групп по защите семьи, личности, национальных традиций.

2. ОЦЕНКА СРЕДЫ ПРОЖИВАНИЯ В МАЛЫХ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Среда проживания людей всегда имела одно из определяющих значений в научных исследованиях социологов. На заре зарождения социологической науки ее «отцы», акцентируя внимание на развитии общественной жизни, всегда придавали значение тем или иным факторам, обуславливающим процесс формирования общественной среды. На рубеже XIX-XX вв. определились социологические школы, каждая из которых в качестве первоосновы формирования общественной среды выделяла те или иные факторы (природные, географические, культурологические, социальные). При всем различии подходов общим для социологических школ было определение **социальной среды** как окружающих человека общественных, материальных, духовно-культурологических условий его существования и профессиональной деятельности. В широком смысле слова - это общественные институты, общественное сознание,

духовные практики (религия) и культура. В узком смысле слова – это непосредственное окружение индивида в рамках той или иной группы, как то: семья, родственники, соседи, трудовой коллектив, учебная группа, группа по интересам и т.д. Именно в такой среде происходит взаимоотношение людей между собой, формируются человеческие контакты (родственные, соседские, этнокультурные, материальные), а также связи в рамках социальных институтов в местах их проживания.

Городская социальная среда формировалась в условиях исторических изменений, которые свидетельствовали о разрыве городского поселения от своей праматери, деревни, и сельского уклада жизни. В античной истории экономическая жизнь в большей мере преобладала в сельских общинных поселениях, вотчинах, латифундиях, поместьях (манорах, фогтах), города-полисы играли роль лишь политических центров (Афины, Рим, Карфаген, Вавилон), их количество было незначительным. С XI века н.э. стал наблюдаться процесс роста городов на евразийском континенте в его западной части (Париж, Антверпен, Авиньон, Кельн, Гамбург, Любек, Бремен) и на восточной территории (Новгород, Псков, Киев, Полоцк, Пекин).

Соответственно с ростом городов и происходило увеличение населения в них (в среднем это были города с населением от 10 до 35 тысяч жителей). В городах складывалась цеховая структура хозяйственного уклада, переросшая позднее в мануфактурное производство. Вследствие этого среди городского населения происходила его дифференциация по профессиональному признаку (кустари-ремесленники текстильного, металлургического, швейного, ювелирного, обувного производства). По некоторым источникам в городах насчитывалось более 60 ремесленных специальностей. Дифференциация наблюдалась в городах и по имущественному положению (на ремесленников вводился поимущественно-подходный налог). Из мелких ремесленников и подмастерьев в городах формировался социальный слой предпролетариата. В городах возрастало значение товарно-денежных отношений, что способствовало формированию торговой и банковской буржуазии. Во многих городах происходили цеховые революции против патрициата (феодалной зависимости города), требования горожан сводились первоначально к ограничению феодального гнёта и сокращению поборов. Позднее в городской среде определились политические задачи — обретение городского самоуправления и прав. Борьба

велась не против феодальной системы в целом, а против сеньоров тех или иных городов за самоуправление и независимость.

Важнейший результат борьбы городов с сеньорами — освобождение большинства их жителей от личной сеньориальной зависимости. В городах было установлено правило, согласно которому бежавший в город сеньориально зависимый крестьянин, прожив в нем *«год и один день»*, становился свободным. Средневековая пословица, гласящая *«городской воздух делает свободным»*, тогда понималась буквально. Коммунальные революции ликвидировали вассальную, феодальную зависимость городов и углубили отделение городского хозяйства от сельского уклада. Освободившиеся от феодальной зависимости города постепенно превращались в центры духовной жизни (университеты) и религиозной деятельности (костелы, кирхи, церкви, мечети, монастыри), в них складывалась многочисленная группа студенчества и не менее многочисленный слой религиозных служителей, чем характеризовались города Рим, Париж, Кельн, Авиньон, Краков и др.

Ко времени начавшегося промышленного переворота, во второй половине XVIII века, в пространстве городов сохранялись еще черты сельского уклада. Промышленный переворот, а затем индустриальная революция в середине XIX века постепенно втягивали города в индустриальную экономику, ломали феодальную структуру состава населения, в городской среде проявлялись новые социальные отношения. Города становились центрами политической, экономической, финансовой, религиозной и духовной жизни, в них сформировались управленческие учреждения — магистраты, регулирующие вопросы городской жизни в области законодательства, охраны городов, судебной-юридической деятельности, налоговой практики и др.

XX век в социальной городской среде многих стран отразился своей сложностью и противоречивостью. С одной стороны, происходило наращивание экономической мощи за счет открытий НТП, реализуемых в производстве, а также решались многие социальные вопросы в области рабочего законодательства, пенсионного обеспечения, преодоления высокого уровня безработицы, охраны труда молодежи и женщин, жилищного строительства. С другой стороны, мировое сообщество сотрясали такие процессы, как революции, мировые войны, многочисленные

конфликты. Прорывы в науке и технике ломали старую производственную структуру. Все это, естественным образом, отражалось на социальной среде городов, демографии населения, уровне жизни городского населения и степени его урбанизации. В ходе усилившейся миграции рабочей силы в городскую экономику изменялся этнический и профессиональный состав населения в городах, ломались стереотипы поведения во взаимоотношениях людей в городской среде.

На рубеже XX-XXI вв. во многих странах, особенно Восточной Европы, произошли кардинальные социально-экономические изменения, которые повлекли за собой изменения на всех уровнях общественного уклада жизни людей. Во многих восточно-европейских странах изменялся социально-экономический уклад, новую парадигму развития приобретали социальные, политические, духовно-культурные институты – все это находило отражение во взглядах людей на окружающий мир и среду обитания. Как жители малых и крупных городских и сельских поселений реагировали на эти изменения, какие оценки давали они данным процессам, какие новые представления формировались в их сознании на окружавший их мир?

Анализу этих изменений был посвящен научный проект *“Модели социального участия и социальная структура местных общин в Болгарии, Канаде, Польше и России”*, финансируемый Комитетом научных исследований Польской академии наук (грант 1 НО 1 F 016 09), Лодзинским университетом (грант 505 / 527), канадским университетом из Квебека, реализованный в процессе Международного социологического исследования. Это исследование было нацелено на определение того, в какой степени и как отношение жителей малых городов Болгарии, Польши, России и Канады меняется к окружающей среде.

Одним из основных методологических принципов в исследовании являлся отбор в каждой стране городских поселений (общин) с числом жителей от 1000 до 10000 человек, дифференцированных с учетом их экономической, политической и социальной активности. Все опросы, основывавшиеся на случайных выборках, были проведены: в трех польских городских общинах Поддебице, Добронь и Земковице (административная область Серадзь в центральной части Польши); двух российских - Ильинское и Лух (Ивановская область в центральной части России); трех

болгарских - Гавраилово, Бисма, Котел (в бывшей области Сливен в Болгарии), четырех канадских общинах: Сант – Донатан, Сант – Жан – де – Дье, Сант – Сиприене, Сант – Блондин (в Восточном Квебеке, Канада).

Следующий принцип исследования заключался в определении местонахождения объекта исследования на расстоянии в 20-90 км от ближайшего крупного города. Это позволяло судить о том, насколько изменения в крупных городах влияют на объект исследования. Обстоятельства свидетельствовали о том, что большие города, близко расположенные к анализируемым поселениям (Сливен в Болгарии, Лодзь в Польше, Иваново в России), являются центрами кризиса текстильной промышленности в этих странах.

Эмпирические данные Международного проекта *“Модели социального участия и социальная структура местных общин в Болгарии, Канаде, Польше и России”* были получены вследствие анкетного опроса 1932 респондентов, содержащего ответы респондентов в Восточной Европе и Канаде, и содержащих один и тот же набор вопросов в каждой стране. Респонденты отбирались для анкетного опроса методом случайной выборки из списков избирателей в отдельных местностях. Собранные данные соответствуют требованиям к представительности выборки только для рассматриваемых поселений (общин), но они не представительны для отдельных стран. Анкетированием было охвачено 617 польских респондентов, 400 российских респондентов, 599 болгарских респондентов и 326 канадских респондентов. Сбор данных осуществлен на рубеже XX-XXI вв.

2.1. Окружающая природная среда в оценках жителей малых городских и сельских поселений

Окружающая социальная среда в жизни людей сложилась в ходе исторических процессов и подвергалась изменениям под воздействием различного рода факторов. Естественно эти изменения влияли на жизнь людей и их отношение к месту проживания. В сознании людей изменения находили отражение в психологических оценках *«удовлетворенности или неудовлетворенности»* местом проживания.

Анализ отношения к окружающей социальной среде в ходе социологического исследования предусматривал выяснение этого отношения на двух уровнях. На первом уровне прослеживалась роль,

которую играет окружающая среда как элемент качества жизни в местном поселении и как предпосылка удовлетворенности местом жительства. На втором уровне было проанализировано общее отношение к окружающей среде со стороны жителей малых городов и поселков в Болгарии, Польше, России и восточном Квебеке.

В ходе исследования ставилась задача получить ответы на следующие вопросы:

Какие параметры качества жизни являлись, по мнению респондентов, наиболее важными в оценке их окружающей среды в местах проживания?

Имеет ли природная окружающая среда значение в качестве предпосылки удовлетворения и качества жизни в малых городских поселениях (общинах), а также выполняет она одинаковую или разную роль в районах Болгарии, Польши, России и Канады?

Каковы основные модели отношения к естественной окружающей среде в поселениях выбранных стран в Восточной Европе и Канаде?

Для того чтобы определить значение изменений в окружающей среде и тем самым их влияние на отношение к месту проживания людей, в исследовании был представлен набор **независимых переменных** (15), которые бы отразили отношение респондентов положительной или отрицательной оценкой:

- 1) отношение внутри семьи респондента;
- 2) социальные отношения на месте проживания;
- 3) занимаемая квартира (дом);
- 4) доходы, получаемые в данное время;
- 5) возможности найти работу вблизи;
- 6) качество здравоохранения;
- 7) условия для отдыха и развлечения по месту жительства;
- 8) качество естественной окружающей среды;
- 9) транспортные услуги между местом жительства и внешним миром;
- 10) качество услуг для населения;
- 11) деятельность общественных административных служб;
- 12) деятельность школ и образовательных учреждений;
- 13) деятельность местной церкви;
- 14) деятельность мэра (главы администрации);
- 15) деятельность политических партий.

Анализ данных опроса по вышеуказанной проблеме должен был показать первоначально **общий уровень удовлетворенности местом жительства в рассматриваемых странах**. Это отражено в табл.1 посредством оценочных параметров: «очень удовлетворен», «скорее удовлетворен», «неопределенное отношение» (противоречивые чувства), «скорее не удовлетворен», «совсем не удовлетворен».

Статистический анализ предусматривал применение к оценке данных коэффициента Пирсона (r) для корреляции связи между **зависимой переменной** (удовлетворенность местом жительства) и 15 **независимыми переменными**, характеризующими степень удовлетворенности респондентами различных сторон их жизни.

Анализ этих переменных был проведен для выяснения степени удовлетворенности людей местом проживания посредством составления матрицы корреляции коэффициента Пирсона (r)¹. Исследования показали, что значения переменных, определявших оценку отношения респондентов к месту своего проживания, в отдельных странах были различными. Данные табл.1 указывают на то, что около 66,2% всех респондентов заявили о положительном отношении к их месту проживания.

Таблица 1

Уровень удовлетворенности в малых городских поселениях окружающей средой (по странам) [2.1: 4]

Страны	Болгария		Канада		Польша		Россия		В целом	
	Число ответов	%	Число ответов	%	Число ответов	%	Число ответов	%	Число ответ.	%
Очень удовл.	64	10,5	200	61,3	140	22,5	24	6,0	426	21,9
Скорее удовл.	170	28,4	105	32,2	327	38,0	258	64,5	860	44,3
Неопр. отнош.	218	36,4	15	4,6	106	17,2	80	20,0	419	21,6
Скорее неудов.	112	18,7	6	1,8	37	6,0	32	8,0	187	9,6
Совсем неудов.	35	5,8	-----	-----	7	1,1	6	1,5	48	2,5
В целом	599	100	326	100	617	100	400	100	1942	100

¹ Коэффициент Пирсона (r) – коэффициент, способствующий выяснению связи между зависимой переменной и независимыми переменными. Бююль,А, Цеффель,П. SPSS/ Искусство обработки информации. – М. - СПб. – Киев. 2005. – С.257, 399.

Неопределенные (противоречивые) отношения были выражены у 21,6%, отрицательные только 12% респондентов. Отклонения в эмоциональном отношении к месту жительства между жителями отдельных стран весьма интересные. Очевидно, что жители малых городов в Канаде наиболее удовлетворены местом жительства (93% респондентов из этой страны, как оказалось, довольны, 5% проявили неопределенные отношения и только 2% были не удовлетворены).

Жители российских малых городских поселений занимают второе место, учитывая положительное отношение к месту жительства (70% - удовлетворены, 20% - неопределенное отношение, 9% - не удовлетворены). За ними следуют жители польских общин (60% - удовлетворены, 17% - неопределенное отношение, 7% - не удовлетворены). Наиболее отрицательную позицию о месте жительства заявили жители болгарских общин (39% - удовлетворены, 36% - неопределенные отношения, 24% - не удовлетворены).

Степень удовлетворенности местной окружающей средой в целом достаточно высокая во всех обследованных поселениях стран, за исключением Болгарии. Со статистической точки зрения важно различать три уровня удовлетворенности, отличающих местные общины в изучаемых странах. Первый уровень степени удовлетворенности окружающей средой «очень удовлетворен» и «скорее удовлетворен» заявили 93% респондентов канадских общин.

Вторыми по данным оценочным параметрам о степени удовлетворенности окружающей средой оказались российские и польские респонденты (70% и 60% респондентов).

На третьем месте по числу ответов респондентами об удовлетворенности окружающей средой в месте проживания оказались болгарские респонденты (39% болгарских респондентов так заявили). Можно указать, что доля жителей из малых городских общин, которые удовлетворены местной окружающей средой, не изменялась в Польше в течение примерно 10 лет и находится в пределах между 60-70%. Таким образом, системное изменение не оказало большого влияния ни на увеличение, ни на снижение уровня удовлетворения местом жительства.

Результаты этого анализа позволили сделать следующие выводы: во-первых, **качество социальных отношений**, существующее в данном городском поселении (общине), имеет самое большое влияние на качество местной жизни во всех исследуемых

общностях (0,304). **Доходы населения в месте проживания**, свидетельствующие о материальном состоянии жителей исследуемых мест, занимают второе место (0,312), **качество транспортных услуг** – третье (0,302), **качество естественной окружающей среды** – четвертое (0,293).

Таким образом, можно сказать, что качество естественной (природной) окружающей среды наряду с социальными отношениями и получаемыми доходами относится к тем факторам, которые определяют в значительной степени уровень качества жизни в рассматриваемых малых городских общинах.

Значение естественной окружающей среды в местах проживания людей приобретает в настоящее время все большее значение. В многочисленных исследованиях этой проблемы респонденты выделяют состояние природной среды как критерия и важного параметра интегрального показателя «качество жизни».

Международное исследование в соответствии с научным проектом *“Модели социального участия и социальная структура местных общин в Болгарии, Канаде, Польше и России”* среди переменных, характеризующих оценки *«удовлетворительно и неудовлетворительно»* социальной средой проживания и качества жизни в ней, выделило оценку, данную состоянию природной окружающей среды.

Эти оценки природной окружающей среды различаются в отдельных странах, причем эти различия заметны в сравнении оценок данной переменной в канадских, польских, болгарских и российских малых городских общинах.

В канадских общинах отношение их жителей к месту жительства определялось, прежде всего, качеством социальных отношений в данном месте (0,254), качеством услуг для населения (0,209), возможностями работы (0,157) и качеством работы местных структур власти (0,172). Оценка окружающей природной среды не дифференцирует общего отношения жителей в общинах Восточного Квебека.

В польских общинах переменные: качество социального окружения, материальное положение респондентов (0,180) и качество работы местных органов власти (0,213) связаны наиболее ярко с отношением к месту жительства (0,174). Переменные, характеризующие оценку естественной окружающей среды, играют незначительную роль в польских городских общинах (0,48), хотя для

польских респондентов природная среда важна при учете условия для отдыха и развлечений (0,132). Несколько иная ситуация наблюдалась в болгарских и российских поселениях. В них самым важным фактором, определявшим отношение к месту жительства, являлось качество социальных отношений в семьях респондентов (соответственно 0,171 и 0,323), а также и в их месте жительства (соответственно 0,163 и 0,299). В этих малых поселениях отношение к природной окружающей среде (соответственно 0,115 и 0,136) дифференцирует в гораздо большей степени отношение респондентов к месту жительства, чем в Польше и Канаде.

Это не означает, однако, что качество окружающей среды в российских или болгарских общинах оценивается выше, чем в канадских общинах. Наблюдалась противоположная тенденция. А именно, в Восточном Квебеке оценки окружающей среды были самыми высокими и наиболее однородными (0,81). Примерно 93% канадских респондентов положительно оценивали качество природной среды в их месте жительства. Однородность оценок не различала, таким образом, отношения респондентов к месту проживания.

Другими словами, в Канаде качество окружающей среды не представляло никакой главной угрозы, и, следовательно, не порождает различного отношения. Оно не являлось критерием, значительно отличающим качество жизни в данном месте. В восточно-европейских малых городских поселениях (общинах) качество окружающей среды оценивалось как очень критическое. Во многих из этих мест проживания респондентов вопросы экологии составляют основную угрозу и нерешенную социальную проблему. На такое положение в российской действительности указывают и данные Фонда «Общественное мнение», проводившего опросы среди населения страны (1600 респондентов в 42 регионах России). Результаты исследований данного фонда свидетельствовали о том, что 72% респондентов в России обеспокоены состоянием экологической ситуации, при этом 60% опрошенных россиян считают, что за последние годы экологическая ситуация в стране ухудшилась.²

.....

²Экология в России: оценка ситуации [Электронный ресурс]. – <http://www.fom.ru>; Экология хуже всех. Данные ВЦИОМ/ Хронометр – Иваново. 17.08.2010. N33. С.6.

Беспокойство у россиян вызывают такие факты, как антисанитария в населенных пунктах, вредное воздействие на природу производственных объектов и используемой техники. Например, в пос. Ильинский Ивановской области у населения вызывал тревогу факт заполнения шахт, из-под выведенных военных объектов, списанной продукцией с химическими элементами. Респонденты также отмечали неудовлетворительное качество питьевой воды, использование химических препаратов на полях, окружающих места проживания людей и т.д. Следовательно, состояние естественной окружающей среды является существенным критерием, различающим качество жизни в определенном месте.

В ходе исследования была поставлена задача определить силу и структуру отношения жителей в малых городских поселениях (общинах) Болгарии, Канады, Польши и России к окружающей природной среде.

Для того чтобы проанализировать общее отношение к окружающей естественной среде жителей малых городских поселений (общин) Болгарии, Канады, Польши и России, была построена шкала, составленная из положительных ответов респондентов на вопросы, касающиеся:

- 1) оценки качества природной окружающей среды;
- 2) обращения с окружающей средой как с общепризнанной ценностью;
- 3) общественного поведения, связанного с природной окружающей средой.

Таким образом, шкала включала все существенные изменения отношения к окружающей естественной среде за исключением когнитивного компонента.

Среди вопросов, заданных респондентам, были следующие:

1. Обсуждаются ли темы, касающиеся защиты экологии и угроз для цивилизации, в кругу Ваших знакомых и друзей? ДА – НЕТ.

2. С каким из следующих утверждений Вы согласны:

-важно развивать деловую деятельность, даже, если она иногда наносит вред окружающей среде;

-защита окружающей среды так важна, что ее не следует приносить в жертву экономическим целям?

3. Удовлетворяют ли Вас те усилия, которые предпринимают власти и жители, чтобы сохранить желаемое качество окружающей среды в месте проживания? ДА – НЕТ.

Исходя из ответов, каждый респондент был расклассифицирован на шкале от 0 до 5 баллов. Минимум в 0 баллов был дан респонденту, который не выразил положительного отношения к окружающей среде в любом из вопросов. Максимальное число баллов предоставлялось респонденту, высказавшему положительное отношение об окружающей среде в прямых вопросах и, кроме того, заявил об участии в местных действиях, направленных на защиту окружающей среды, и кто также поместил окружающую среду в список важного атрибута, влияющего на удовлетворение местом проживания. Данные об отношении к окружающей естественной среде представлены в виде табл.2.

Анализ табличных данных показывает, что уровень проэкологического отношения в обследованных малых городских поселениях (общинах) был довольно низким по 5-балльной шкале.

Самое высокое проэкологическое отношение было отмечено в городских поселениях (общинах) Восточного Квебека (2,3–2,5), жители польских поселений были на втором месте (в среднем 2,120), болгарские респонденты - третьими (в среднем 1,756) и российские респонденты - четвертыми (в среднем 1,660).

Таблица 2

Основная статистика шкалы проэкологических отношений в поселениях и странах [2.1: 4]

Страна	Населенные пункты	Среднее	Станд. отклон.	Медиана	Мин.	Макс.	Число респондент..
Болгария		1,756	,738	2,000	0	5	599
	Гавраилово	1,780	,803	2,000	0	5	200
	Бяла	1,713	,662	2,000	0	5	199
	Котел	1,775	,746	2,000	0	5	200
Канада		2,531	,721	,3,000	0	5	326
	С-Донат.	2,565	,684	3,000	0	5	92
	С-Жан.	2,298	,805	2,000	0	5	47
	С-Сипр.	2,576	,715	2,000	0	5	92
	С-Бланд.	2,568	,709	3,000	0	5	95
Польша		2,120	,898	2,000	0	5	617
	Поддебниц	2,065	,891	2,000	0	5	293
	Добронь	2,360	,903	2,000	0	5	186
	Земковиц	1,913	,841	2,000	0	5	138
Россия		1,660	,759	2,000	0	5	400
	Лух	1,677	,778	2,000	0	5	198
	Ильинское	1,644	,741	2,000	0	5	202

Это означает, что уровень проэкологического отношения в исследованных поселениях России и Болгарии был вполне схожим и значительно отличался от уровня подобного отношения, обнаруженного в канадских городских общинах. Между тем, уровень проэкологического отношения в местах проживания польских респондентов изменялся в статистически значимой форме как по отношению к уровню в Канаде, с одной стороны, так и к уровню в российских и болгарских местах проживания респондентов - с другой стороны.

От анализа общего уровня (интенсивность) экологического отношения и его колебания между странами перейдем к анализу структуры экологического отношения в отдельных странах, и где минимум был 0, а максимум 5, средние значения для всех проанализированных стран остаются ниже теоретического центра шкалы.

Попытаемся определить, какой из компонентов влияет на тот или иной уровень экологического отношения в исследованных общинах. Проэкологическое мнение, формируемое среди жителей указанных выше городских поселений, проследим на основании постановки оценочных измерений:

1) окружающая среда является таким важным вопросом, что ею нельзя жертвовать ради экономического развития (**ценностное** измерение отношения). Из общего числа респондентов по странам так считают: в Болгарии 83,2%, Канаде – 10,1%, Польше – 79,3%, России – 75,8%. В целом же от общего числа респондентов такое мнение высказывали 68,1% жителей этих поселений;

2) качество окружающей среды как атрибут места проживания (**оценочное** измерение отношения). Расстановка ответов была следующей: в Болгарии – 0,5%, Канаде – 92,5%, Польше – 10,4%, России – 6,5%. От общего числа респондентов так считают 20,3%;

3) положительная оценка попыток, предпринимаемых местными властями и жителями для сохранения качества окружающей среды в месте проживания (**оценочное** измерение отношения);

4) разговоры о защите окружающей среды знакомых и друзей (**поведенческое** измерение отношения). Этот показатель имел следующий вид: в Болгарии – 74,1%, Канаде – 69,0%, Польше – 76,2%, России – 74,5%. От общего числа респондентов этот показатель составил 74,0%;

5) участие в действиях, направленных на защиту окружающей среды (**поведенческое** измерение отношения). Данный показатель выглядел следующим образом: в Болгарии – 1,5%, Канаде – н/д., Польше – 3,7%, России – 1,0%. От общего числа респондентов – 1,9%.

Различия между оценками польских и канадских респондентов, а также между польскими, с одной стороны, болгарскими и российскими респондентами, - с другой, намного меньше, чем между канадскими, российскими, болгарскими городскими поселениями.

Этот показатель оценили в Болгарии 17,0%, Канаде – 81,6%, Польше – 2,9%, России – 9,8%. От общего количества респондентов подобная оценка нашла подтверждение у 34,6% опрошиваемых.

Если мы принимаем в расчет три анализируемых измерения экологического отношения: нормативное, оценочное и поведенческое, то не существует фундаментальных различий между заявленными моделями экологического поведения в общественных ситуациях между респондентами в отдельных странах. Это характеризуется тем, что если не принимать во внимание некоторые исключения, которые превосходят статистическую ошибку, то жители малых городских поселений (общин) в Болгарии, Канаде, Польше и России, как правило, не участвуют в местной деятельности,

нацеленной на охрану окружающей среды. Здесь не наблюдается никаких различий между местами проживания респондентов из Восточной Европы, а также между канадскими и восточно-европейскими малыми городскими поселениями. Одинаково однообразен, но на этот раз высокий уровень вовлечения жителей в формирование общественного мнения, связанного с вопросами окружающей среды во всех проанализированных странах.

Примененный тест Дункана и анализ его данных в исследовании обнаруживает статистически существенные отклонения экологического отношения между канадскими общинами, с одной стороны, и болгарскими и русскими общинами, - с другой стороны³. Это означает, что жители обследованных малых городских поселений сильно вовлечены в создание общественного мнения по отношению к окружающей их естественной среде, но, с другой стороны, они не участвуют в коллективных действиях, нацеленных на защиту этой среды. Таким образом, преобладающим отношением является отношение наблюдателя, а не непосредственного участника.

Окружающая естественная среда в качестве общепризнанной ценности и противовеса безжалостному первенству экономических ценностей гораздо чаще считается в восточно-европейских странах (от 83% до 76 %), чем в Квебеке (10 %). Вариации в этом отношении между Болгарией, Польшей и Россией статистически незначительные (соответственно 83,2 %, 79,3 %, 75,8 %). Вместе с тем, была обнаружена различная форма мнений в отношении оценочного измерения отношения. А именно, оказалось, что жители канадских поселений более удовлетворены качеством природной окружающей среды, в которой они живут (92,5 %), чем респонденты, представляющие восточно-европейские малые городские поселения.

³Тест Дункана (O.Duncan, социолог США) способствует выявлению структуры социоэкологического комплекса (процесса) и установлению зависимости между его элементами, а также приспособлению (адаптации) людей к среде обитания. Этот комплекс включает в себя ряд компонентов: население, среда, технология, культура, социальная организация. В данном тесте выявляется независимая переменная (коллективная адаптация людей к среде) и прослеживается характер ее связи с зависимыми переменными (технология, среда, социальная организация). – Introduction to Structural Education Models (Введение в структурные модели управлений. – Чикаго. 1966); Social Organization and the Ecosystem: Handbook of Modern Sociology (Социальная организация и экосистема. Учебник современной социологии. – Чикаго. 1964).

Последние очень редко упоминают природную окружающую среду в качестве положительного фактора их места жительства (Болгария – 0,5%, Польша –10,4 %, Россия-6,5%). С другой стороны, они более часто думают о том, что местные власти и жители заботятся об окружающей среде. Как оказалось, самооценка жителей исследуемых мест касательно их заинтересованности по поводу окружающей среды является статистически значительной. В соответствии с заявлениями респондентов, власти и жители восточного Квебека самым лучшим образом заботятся об окружающей среде (81,6 % положительных мнений), польские общины – на втором месте (49,2 % положительных мнений), болгарские – третьи (17 %) и русские общины – на четвертом месте (9,8 % положительных мнений).

Можно, следовательно, признать, что общий низкий уровень экологического отношения в изученных местах проживания респондентов формируются исходя из полного отсутствия участия респондентов в местных действиях, направленных на решение проблем естественной окружающей среды. Самое высокое положение, занимаемое канадскими респондентами на шкале экологического отношения, получается, в основном, из-за высокой оценки, приписываемой жителями Восточного Квебека качеству окружающей среды и озабоченности, которую демонстрируют жители общины по месту жительства. С учетом внутренней структуры отношения, можно различать два фундаментальных типа экологического отношения.

Первый из них характеризуется направленностью на экономические ценности и, одновременно, высокой степенью удовлетворения качеством окружающей среды в месте проживания, другой – с сильной направленностью на экологические ценности и низким уровнем удовлетворения качеством окружающей среды по месту жительства. Первый тип отношения наблюдался в общинах Восточного Квебека, второй – во всех проанализированных восточно-европейских общинах.

В свою очередь, учитывая силу отношения по уже упомянутой шкале от 0 до 5 баллов и склонность респондентов перекладывать ответственность за решение проблем окружающей среды на различные организации, можно было бы различать пять основных типов экологического отношения.

Первый тип отношения характеризуется слабой силой проэкологической ориентации и склонностью возлагать ответственность за решение экологических проблем по месту жительства исключительно на органы власти. Этот тип отношения не был многочисленно представлен во всем исследуемом населении. Его можно было чаще всего найти в России и реже всего в восточном Квебеке.

Второй тип отношения характеризовался одинаково малой силой отношения и склонностью перекладывать ответственность за вопросы окружающей среды как на жителей, так и на власти. Доля этого типа среди респондентов составила до 18 % .

Третий тип отношения характеризовался средней интенсивностью отношения и склонностью возлагать ответственность за решение этих проблем исключительно на власти, он проявился у 29 % респондентов и был наиболее обычным в Канаде (36,7 %) и в России (34,6 %) и наименее обычен в Болгарии (22,3 %).

Четвертый тип отношения характеризовался средней интенсивностью проэкологического отношения и возложением ответственности за вопросы окружающей среды как на власти, так и на жителей, был заявлен 27,6 % респондентов. Этот тип можно было чаще всего найти среди болгарских респондентов (39,2 %) и наиболее редко среди польских (15,2 %).

Пятый тип отношения, характерным для которого является высокая интенсивность отношения и ответственность только со стороны власти, был заявлен 17,5 % из всех респондентов. Этот тип отношения можно было найти чаще всего в Польше (25,5%) и реже всего в Болгарии (9,1%).

И, в конце концов, **шестой тип отношения** характеризовался также высокой интенсивностью экологического отношения, склонностью возлагать ответственность за экологические проблемы, как на власти, так и на жителей. Он был заявлен 19,3% респондентов. Это отношение преобладало в польских общинах (24,7%) и наиболее слабо было представлено в России (10,6%).

Если принять во внимание нормативное и эмоциональное измерение отношения, и ориентации на учреждения или граждан, или учреждения, как организации, ответственные за решение экологических вопросов, то будет очевидно, что в качестве результата такого комбинированного анализа переменных получатся

определенные характеристики, которые существенно различают респондентов из отдельных стран.

Доминантной моделью экологического отношения канадских респондентов является следующая: они отдают первенство экономическим ценностям перед экологическими и оценивают относительно высоко состояние окружающей среды в местах своего проживания, осознавая организационную ответственность за сохранение естественной окружающей среды в соответствующем состоянии в структурах власти.

Привычная модель отношения преобладает в польских и российских общинах. А именно, польские и российские респонденты отдают приоритет экологическим ценностям над экономическими, они высказывают отрицательную оценку современного состояния естественной окружающей среды в их месте жительства и пытаются возложить ответственность за состояние окружающей среды в основном на органы власти.

Однако другая модель экологического отношения преобладает в болгарских общинах. Жители болгарских общин, подобно польским и российским, оценивают экологические ценности более высоко, чем экономические. Что касается настоящего состояния естественной окружающей среды, они оценивают его весьма отрицательно. В отличие от польских и российских респондентов, они не перекладывают полную ответственность за поддержание ее хорошего состояния в их месте жительства исключительно на власти.

Факторы, определяющие степень отношения к окружающей среде в малых городских поселениях Болгарии, Канады, Польши и России

Вопрос, касающийся факторов, определяющих интенсивность отношения к окружающей среде, для исследования представлял немаловажный интерес. С целью их выяснения были выполнены лог-линейные уравнения регрессии, где **зависимой переменной** являлась позиция респондента на шкале отношения. **Независимыми переменными** являлись: размер местной общины, продолжительность проживания респондента в общине, уровень образования респондента, годовой доход, частота передвижений за пределы района, уровень местного политического отчуждения, более высокий статус профессии, частота просмотра телевизора и прослушивания радио, степень принятия традиционной жизненной

ориентации. Вводя независимые переменные в статистический анализ, предполагаем, что степень проэкологического отношения можно объяснить двумя моделями. **Первую модель** можно назвать рационализированной моделью. Она предполагает, что высокое проэкологическое отношение может наблюдаться в основном среди лиц с высшим образованием, имеющих высокий профессиональный статус, высокие доходы, они пространственно подвижны, часто используют средства массовой информации. Эта модель основывается, таким образом, на такой тип личности, который приобретает положительное отношение к окружающей среде из различных систем организационного образования.

Вторую модель можно назвать традиционной моделью. Она предполагает существование индивида с низким социальным положением, невысоким уровнем образования, низкой степенью мобильности, низким уровнем использования средств массовой информации и высоким уровнем принятия традиционных ценностей. Статистический анализ показал, что ни один из предложенных способов объяснения не нашел подтверждения в собранном и исследованном эмпирическом материале.

Таблица 3

**Модели регрессии по странам. Зависимая переменная:
шкала проэкологического отношения [2.1:4]**

Модельное резюме	БОЛГАРИЯ	КАНАДА	ПОЛЬША	РОССИЯ
R Площадь	,106	,071	,079	,041
F	2,405	1,350	2,160	1,148
	,010	,215	,021	,330
Показатели:	Бета	Бета	Бета	Бета
Размер общины	,480*	,127*	,177*	,000
Долгота проживания	,039	,080	-,034	,082
Уровень образования	,001	-,051	-,103	-,142*
Доход	,117	,046	-127*	,069
Традиционная ориентация	-,007	-020	,113	,041
Частота поездок за пределы района	,033	-,018	,040	-,013
Уровень политического отчуждения	-,037	,061	-094	,000
Частота просмотра телевизора	-,035	-,195*	,009	-,026
Более высокий статус в профессии	,061	-042	,061	-,073

Прежде всего, следует отметить, что предложенные уравнения для России и Канады статистически несущественны. Даже, если мы опустим здесь вопрос общей подгонки уравнений и проанализируем только значение бета коэффициента, будет казаться, что их важность ограничена отдельными предсказанными пунктами в отдельных странах.

В Болгарии единственное статистически верное отношение случается между размером общины и интенсивностью экологического отношения. Это может означать, что отношение к окружающей среде в Болгарии не зависит в значительной мере от качеств индивидуумов, а скорее от размера общины, где они живут.

В Канаде и Польше размер общины играет значительную роль, но наряду с этой переменной значительными факторами оказались также: в Польше – уровень дохода, а в Канаде – частота просмотра телепередач.

В России, как оказалось, только уровень дохода является статистически существенным показателем, объясняющим силу экологического отношения.

Если мы примем во внимание знаки, информирующие о направлениях корреляций, окажется, что в Болгарии сила проэкологического отношения возрастает вместе с ростом размера поселения. В Канаде сила проэкологического отношения растет вместе с ростом размера общины и меньшей склонностью жителей использовать средства массовой информации. В Польше отношение жителей более проэкологическое, чем больше размер общины и чем меньше доходы респондентов. И наконец, в России интенсивность проэкологического отношения тем больше, чем ниже доходы респондентов.

Помня о слабом обосновании статистического умозаключения, полагаем, что гипотезу можно было бы принять для последующего изучения, говоря, что проэкологическое отношение в восточно-европейских общинах в целом чаще проявляется у жителей сельских районов с низким социальным положением. С другой стороны, в Канаде, прежде всего теми, кто ведет образ жизни, не похожий на моду массовой культуры.

Выводы

Во-первых, окружающая среда наряду с качеством социальных отношений и качеством работы организационных структур - один из главных факторов, определяющих отношение к месту жительства.

Многие исследования показывают, что важность окружающей среды как элемента качества жизни увеличилась в последние годы. Однако она еще находится ниже таких ценностей, как качество социальных отношений, качество работы местных властей или уровень материальной жизни респондентов.

Во-вторых, проэкологическое отношение не характеризуется еще слишком большой интенсивностью. Только жители Канады получили среднее значение по шкале экологического отношения, которое было близко к среднему измерению на шкале. Проэкологическое отношение и поведение организуется, в основном, вокруг эмоционального и нормативного компонента. С другой стороны, оно лишено поведенческого элемента, т. е., например, участия в общественной деятельности, направленной на защиту окружающей среды в месте проживания.

В-третьих, подробный анализ обнаружил некоторые вариации в структуре проэкологического поведения в отдельных странах. В Канаде экономические ценности ценятся больше, чем экологические. Одновременно состояние окружающей среды в этой стране оценивается много выше, чем в восточно-европейских странах. Канадские респонденты возлагают ответственность за поддержание желаемого состояния окружающей среды в их месте жительства на власти. Жители болгарских, польских и российских общин в отличие от жителей Канады высоко оценивают окружающую среду как ценность, но одновременно они высказывают отрицательное мнение о состоянии окружающей среды в местах их проживания. Расхождение между восточно-европейскими общинами сводится к тому факту, что жители Польши и России возлагают ответственность за сохранение соответствующего состояния окружающей среды исключительно на власти, в то время как жители Болгарии полагают, что обычные граждане также играют важную роль в сохранении нормального состояния окружающей среды в их месте жительства.

В-четвертых, результаты статистического анализа предполагают, что проэкологическое отношение определяется, прежде всего, не качествами индивидов, а характерными чертами местных общин.

2.2. Социальная идентификация жителей малых городских и сельских поселений

Современные процессы глобальных изменений в странах Восточной Европы не прошли мимо социумов сельских поселений и малых городов. В недалеком прошлом малые города и сельские поселения были для их жителей не только местом проживания, заработка, приобщения к социокультурным традициям на конкретной территории, но и местом, где была возможность самореализации людей. В настоящее время модернизация социально-экономической жизни в восточно-европейских обществах обусловила изменение уклада жизни людей этих мест. В какой степени эти процессы сказались на социальной идентификации людей с их местом проживания, какие факторы ее определяют и какие типы социальной идентификации соответствуют происходящим изменениям в настоящее время? Ответы на эти вопросы стремилась получить группа социологов в ходе социологических исследований в малых сельских и городских общностях (местных общинах). Объектами исследований являлись в России поселки Ильинское и Лух в Ивановской области (400 респондентов), Польше города Поддебице, Добронь, Земковице (617 респондентов) и Болгарии поселения Гавраилово, Бяла, Котел (599 респондентов). Интерес к этой проблеме проявился и вследствие того, что существуют противоречивые оценки роли территории в общественной жизни, эмоционально-психических связей между индивидом и территорией. Исследование было сосредоточено на масштабе и главных моментах социальной идентификации людей с местными сельскими общинами в различном, культурном контексте Восточной Европы. В отличие от американских исследований подобной проблемы, где выяснялась в большей степени общинная привязанность людей, **наше исследование предусматривало выяснение сущности социальной идентификации, понимаемой как социально-эмоциональное и познавательное отношение с определенной местной общностью (общиной).**

Исходя из сущности понимаемой исследователями социальной идентификации, были выделены два направления, оценивающих отношение жителей к своему месту проживания.

Первое направление прослеживало степень познавательного отношения к месту проживания (знание респондентами вопросов местной жизни).

Для этого были предложены такие вопросы:

1. Как часто Вы разговаривали о важных проблемах X с другими жителями в течение последнего года? 0-редко; 1-по меньшей мере несколько раз в год.

2. Как часто Вы читаете местную прессу? 0-редко; 1-всегда или часто.

3. Пожалуйста, укажите имя настоящего главы администрации Вашего района, мэра или главы местного управления. 0-имя указано неверно; 1-имя дано правильно.

4. Укажите, пожалуйста, имя членов парламента (сенаторов), представляющих Ваш регион в национальном парламенте. 0-ни одного правильного имени; 1-по крайней мере, одно имя указано, верно.

5. Сколько жителей X Вы знаете? 0-по меньшей мере 5 человек; 1-более, чем 5 человек.

6. Насколько Вы интересуетесь деятельностью или планами деятельности местной администрации? 0-скорее не интересуюсь, или вообще нет интереса; 1-очень интересуюсь или довольно интересуюсь.

Другое направление оценивало состояние эмоционального отношения к месту проживания. Вопросы были заданы респондентам следующего содержания:

1. В какой степени Вы удовлетворены жизнью в X?

0-не удовлетворен; 1-удовлетворен.

2. Предположим, что по некоторым причинам, Вы должны покинуть X навсегда? 0-Нет; 1-Да.

3. Люди чувствуют связь с различными группами в различной степени. С какой из групп (объединений), перечисленных ниже, Вы чувствуете наиболее сильную связь? 0-другие группы; 1-местная община.

4. Какое из следующих утверждений лучше всего отражает Ваше отношение к X? 0-другие утверждения; 1-каждый имеет здесь самое лучшее или я чувствую себя здесь дома или здесь можно как-то свести концы с концами.

5. Вы в основном удовлетворены социальными отношениями в X? 0-Нет; 1-Да.

6. Вы, в целом, удовлетворены деятельностью местной администрацией? 0-Нет; 1-Да.

Анализ данных исследования разграничивался теориями моделирования, подчеркивающими важность различных факторов в качестве решающих моментов, определявших силу местных связей.

Первая из них, так называемая **линейная модель** «предполагала, что размер и плотность населения влияли бы в наибольшей степени на связи и отношения» [1]. Согласно сторонникам этой модели [2], увеличившееся количество населения и повысившаяся плотность населения имеют отрицательный эффект на силу психологических связей с местной общиной. Идеи этой модели объясняют психологические связи жителей с местом проживания вследствие урбанизации. Для проверки этой модели в нашем исследовании были выбраны из анкет такие показатели:

- 1) *величина населения в данной общине;*
- 2) *частота поездок, сделанных жителями данной общины за пределы административного округа.*

Вторая модель стратификации предполагала, что положение отдельной личности в социальной структуре определяет силу социальных и психокультурных связей с местной общиной. В этом отношении люди с более низким социальным положением имеют более слабое ощущение связей с местной общиной, чем люди с более высоким положением [3]. Индивиды с более высокой квалификацией вносят более важный вклад в долговечность и развитие данной социальной системы. Следовательно, они лучше вознаграждаются, чем люди с более низкими изменениями [4].

В нашем исследовании признаками модели стратификации были такие показатели:

- 1) *уровень образования респондентов;*
- 2) *ежегодные доходы респондентов;*
- 3) *принадлежность к профессиональной категории с более низким статусом (включая квалифицированных рабочих, неквалифицированных рабочих, фермеров, сельскохозяйственных работников).*

Многие исследования подчеркивают значение **местных корней** в качестве еще одной теории, объясняющей силу местного патриотизма [5]. *Число лет проживания* в качестве показателя местных корней часто анализируется совместно с остающимися показателями стратификации. Однако, по нашему мнению, это не может быть показателем общего социального классового положения человека, но оно (число лет проживания в данном месте) может быть

важным элементом статуса личности в местной общине, что позволило включить этот показатель в анализ. В наше исследование был включен также показатель неформальных связей - *число друзей у респондента*.

Некоторые социологи выделяют также существенную роль, которую играют такие показатели, как **местное участие** (участие в местных организациях) и **местное политическое отчуждение** в качестве психологических решающих аспектов связей с местом жительства «Ключом к психологической тождественности, по мнению Поплина, является вовлеченность, т.е. готовность со стороны личности участвовать в делах местной общины» [6]. Предположения Поплина опираются на теорию **социальной мобилизации**. Она полагает, что связи жителей с местной системой могут вытекать:

1) из способности местных лидеров мобилизовать жителей на действия для местной политической сцены;

2) чувства, что демократические правила соблюдаются в работе местных органов власти.

Исследование социальной идентификации включало в себя выяснение **уровня этих показателей** посредством суммирования положительных ответов респондентов на следующие вопросы в анкетах (для оценки политического участия):

- Вы голосовали в последних выборах в городскую администрацию (совет)? Да - Нет.

- Вы участвовали в собрании с кандидатом на место советника (члена совета)? Да – Нет.

- Вы участвовали в собрании городского или совета округа за последние два года? Да – Нет.

-Вы предлагали на рассмотрение члену совета некоторый вопрос, касающийся Вашего места проживания? Да – Нет.

И вопросов в анкетах (для оценки местного политического отчуждения):

- Люди, подобные мне, не имеют влияния на деятельность местных властей? - Да – Нет.

- Политика, проводимая местными властями, так сложна, что человеку вроде меня невозможно понять, в чем тут дело? – Да – Нет.

-Местные политики и активисты не заботятся о том, что думают люди, подобные мне? - Да – Нет.

-Связи и взятки – лучший способ улаживания дел в конторах и учреждениях нашего города (округа)? - Да – Нет.

- Каждый житель нашего города (округа) может предложить кандидата в члены совета на выборах в окружной (городской) совет? - Да – Нет.

В соответствии с проблемами - вопросами, сформулированными ранее, мы приняли **гипотезу:**

Во-первых, социальная идентификация жителей с местными общинами в анализируемых странах Восточной Европы продолжает быть вполне сильной. Следовательно, гипотеза о потере общины с учетом психического аспекта связей не находит существенного подтверждения в небольших общинах Восточной Европы. Принятие подобной гипотезы подсказано не только данными исследования в некоторых общинах Восточной Европы, но и некоторыми данными американских исследований.

Во-вторых, мы предполагаем, что психологические связи с общинами в анализируемых странах Восточной Европы будут определяться тем же самым перечнем факторов стратификации, как доход, образование и профессиональный статус.

Результаты исследований в указанных малых городах и сельских поселениях Болгарии, Польши и России показали, что жители всех территориальных общностей положительно относятся к их месту жительства. Наиболее высокое эмоциональное отношение в социальной идентификации по странам было проявлено польскими респондентами (4,73), более низкое - жителями болгарских местных общин (4,06).

Высокая степень эмоциональной идентификации среди жителей польских общин подтверждается данными других исследований, проведенных на представленных выборках для целой страны и анализом типа изучения случая. Следует также заметить, что преобладание положительного отношения к месту жительства в Польше было постоянным, начиная с 1970 года.

Такой **высокий уровень эмоциональной идентификации жителей польских общин** в основном обусловлен высокой степенью удовлетворенности, получаемой ими от жительства в данной местности в целом (социальными отношениями и работой местных учреждений и служб в их месте проживания). По сравнению с болгарскими и русскими респондентами, польские респонденты более редко выбирают место жительства в качестве основного

критерия для территориального сопоставления. Самыми важными показателями сравнения для них были соседи и вся страна.

Болгарские респонденты очень часто выбирают место жительства и местную общину в качестве показателя территориального сравнения. Вся страна в качестве территориального элемента сравнения не появлялась в их выборе почти совсем. Их высокий уровень установления связей с местной общиной можно объяснить тем фактом, что две изученные болгарские общины были маленькими и не имели четко отделенных соседей - люди знали друг друга и относились (имели связи) к окружающим населенным пунктам своей деревни, как к их общности. Согласно данным обследования, из общего числа 599 болгарских респондентов более половины родились и постоянно живут в наблюдаемых местных общинах. Более того, следует учесть, что Болгария маленькая страна в сравнении с Россией и Польшей, территориальные формы и расстояния в ней имеют другое значение. Это показывает, что в Болгарии существует слабая мобильность и тенденция оседать в одном месте, люди (особенно пожилые) тесно связаны с их местом рождения (жительства). Стоит отметить, что люди из самой маленькой болгарской общины - Бяла имеют самый низкий уровень эмоционального отношения к месту жительства, явно отличающийся от всех других общин. Возможным объяснением их неудовлетворенности местом жительства могла быть высокая безработица, особенно среди большой группы шахтеров, которые работали до недавних пор в шахте как раз за деревней (эта группа населения достаточно велика, включая их семьи). Это небольшая община не родившихся здесь жителей, и сейчас их ситуация стала сложной после закрытия шахты.

Российские респонденты, в свою очередь, проявили самую большую ностальгию и тесную связь с местной общиной. Показатель эмоционального отношения у них к месту проживания был высоким (4,42). В русских общинах главные показатели территориального сравнения, по-видимому, это соседи и место жительства, а не вся страна.

Эмоциональное отношение в социальной идентификации поляков было более однородным, в то время как отношение болгар было наиболее дифференцированным.

Интересно, что как в Польше, России, так и Болгарии самые низкие средние величины эмоционального отношения были

зарегистрированы в самых малых общинах отдельных стран (Земковице, Бяла, Ильинское, соответственно 4,63 - 3,49 - 4,24).

Сравнивая ответы респондентов на аналогичные вопросы, включенные в наше обследование, с ответами на вопросы у проводившего исследования в Соединенных Штатах [10], кажется, что заявленная сила эмоциональных связей жителей в восточно-европейских общинах в среднем больше, чем в американских общинах. А именно, средняя доля респондентов, заявляющих о привязанности к месту жительства (*я чувствую себя здесь, как дома*), в американских общинах (штат Айова) составляет около 67,6% по сравнению с 96,9% в русских общинах, 71,5% в Болгарии, 67,9% в Польше. Чувство утраты и переживания, связанного с возможным отъездом из населенного пункта навсегда, объявлено у 76,8% респондентов из России, 72,8% в Польше, 51,9% в Болгарии и 39,8% в США (Айова).

Какие факторы влияют на уровень эмоционального отношения респондентов к месту жительства. Исследования показали, что первый из них **длительность проживания**, второй - **местное политическое отчуждение**. Этот фактор был обнаружен во всех странах и в целой выборке. Следовательно, можно было бы принять, что первичной предпосылкой, укрепляющей местные связи в странах Восточной Европы в настоящее время, является качество работы местных органов власти. Чем больше местные политики и местные органы власти работают в соответствии с социальными ожиданиями, тем больше вероятность, что чувство социальных связей жителей с общиной – не только в качестве места рождения, но так же, как главного пространства гражданской деятельности – будет укрепляться.

В **болгарских общинах** социальная идентификация, определяемая посредством установления уровня эмоциональных отношений, характеризовалась, прежде всего, длительностью проживания в местной общине и сетью социальных связей. Это означает, что в условиях болгарских общин основная тенденция такова: чем больше число прожитых лет в общине и чем больше число друзей у респондента, тем больше степень местной идентификации в этих общинах. В этой стране показатель политической активности не играл такую важную роль, как местные корни, выражающие продолжительность жизни в данном месте и факт наличия друзей.

В **Польше** ситуация совсем иная. Социальная идентификация – это, прежде всего, оценка восприятия местных политических событий. В польских общинах отношение жителей к местным властям и чувство политического отчуждения - это главные факторы эмоциональных связей с местной общиной. В Польше такой показатель, как частота поездок за пределы административного района, не имел существенного значения.

Самая сложная ситуация наблюдалась в **российских общинах**. Социальная идентификация, устанавливаемая посредством эмоционального отношения, в пп. Лух и Ильинское определяется с почти равной силой тремя показателями, т.е. *уровнем образования респондентов, их уровнем местного политического участия и продолжительностью проживания*. Следует подчеркнуть, что только в русских общинах критерии, характеризующие модель стратификации для объяснения психологических связей жителей с их местом жительства, играют значительную роль.

В процессе социологического исследования социальная идентификация жителей малых городов и сельских поселков выяснялась и в направлении их познавательного отношения (знание вопросов и интерес к делам) к месту жительства. Как показал анализ ответов респондентов во всех исследуемых странах, степень интереса, демонстрируемая к делам территории и знания жителей об их месте жительства были в основном высокими, однако уровень познавательного отношения людей был несколько ниже, чем уровень их эмоционального отношения к месту жительства. Аналогичные тенденции наблюдались и в других исследованиях. В разрезе исследуемых стран это отношение социальной идентификации выглядело следующим образом.

Статистика измерения познавательного отношения социальной идентификации по странам и общинам показала, что самый высокий уровень интереса к местным делам был обнаружен у русских (4,71) и самый низкий у болгарских(3,98) респондентов.

Высокое и почти одинаковое среднее значение познавательного отношения социальной идентификации в **России** может быть обусловлено специфическими социальными чертами русского народа, стремящегося в целом к общественной жизни и делам. В течение нескольких десятилетий русские люди воспитывались в коллективизме для обязательного участия в общественных вопросах как в местных общинах, так и во всей стране. Многие годы

официальная власть рассчитывала на образование как на средство укрепления определенной идеологии, но, тем не менее, есть и некоторые положительные результаты: повышенный интерес и желание узнать больше о месте жительства на индивидуальном уровне. Поэтому не удивительно, что образование как фактор стратификации наиболее важен в социальной идентификации русских людей. В этом случае, маленькая деревня или город – это микромир, который предопределяет долгую традицию социальной жизни, т.к. русские люди всегда жили в группе или общине. Процесс ликвидации частной собственности после 1917 года в России повлиял на несколько поколений русских людей таким образом, что они не знают, что такое частная собственность.

Прямо противоположная ситуация с болгарами и особенно с поляками – они знают, что это такое быть владельцем собственности, и они были ориентированы на более индивидуалистический уклад, более заинтересованы в их личных делах, чем общественных. В Польше, даже во время коммунистического правления, частная собственность сохранялась в различных секторах экономической и социальной жизни.

Польские респонденты заняли второе место. Следует, однако, подчеркнуть, что уровень интереса к делам местной общины в Болгарии и Польше почти идентичен. Почти так же, как в случае измерения эмоционального отношения, самые низкие показатели интереса к местным делам были зарегистрированы в Гавраилово и Добронь, т.е. в общинах, расположенных ближе всего к большим городам, и самые высокие – в общинах, удаленных от больших городов (Земковице и Бяла). Тем не менее, эти различия статистически не существенны. Интересно отметить, с другой стороны, что жители Земковице и Бяла имеют самые низкие показатели на шкале измерения эмоционального отношения в социальной идентификации. Это приводит к гипотезе – интерес, проявленный к делам общины как в Земковице, так и в Бяле, вытекает вероятнее всего из отрицательной оценки места жительства.

Что касается Поддебице и Котел (Польша) – это маленькие города, в которых их социальная жизнь и социальная инфраструктура более развиты и разнообразны, следовательно, нормально, что люди больше интересуются делами общины и хотят знать больше об их месте жительства.

В ходе измерения познавательного отношения в социальной идентификации жителей малых городов и сельских мест был проведен анализ **факторов**, определяющих уровень знаний о делах в месте жительства. Такими факторами, дифференцирующими наиболее сильно уровень знаний и интереса к местным делам, являются: **уровень местного политического участия респондентов и их образование**. Это означает, что чем выше уровень образования и участие в местной политике респондентов, тем выше их интерес к местным делам. Определяющая роль *местного политического участия* была обнаружена во всех рассмотренных странах и в целой выборке. Статистически значительное влияние образования наблюдалось в болгарских и русских общинах и во всей выборке. Модели, объясняющие уровень интереса к местным делам, в отдельных странах более похожи друг на друга. Следовательно, можно было бы выдвинуть гипотезу о том, что знание, интерес к местным делам определяются одними и теми же и очень похожими факторами в различных странах вне зависимости от культурного фона (предпосылок). Общие решающие факторы более очевидны здесь, чем в случае измерения эмоционального отношения в социальной идентификации.

Анализ эмоционального и познавательного отношения в социальной идентификации жителей малых городов и сельских поселений обусловил необходимость рассмотрения вопроса об **общей оценке уровня социальной идентификации с местом проживания** в исследуемых странах Восточной Европы. Самый высокий уровень местной идентификации был зарегистрирован в **российских малых поселениях** (9,13 пунктов на шкале от 0 до 12 пунктов). Более низкий уровень наблюдался в **польских малых городах** (8,81) и самый низкий ++++++-- в **болгарских общинах** (8,04). Вариации в силе идентификации между отдельными странами больше, чем расхождения между общинами внутри исследуемых стран. Расхождения между уровнем местной идентификации в России и Польше меньше, чем между польскими и болгарскими общинами. Самое большое различие средних величин обнаруживается между болгарским и русским случаями (Россия -9,13; Болгария -8,04). Социальная идентификация, определяемая по странам и местам проживания респондентов, показывает, что общий уровень местной идентификации в анализируемых малых городах и сельских поселениях определяется, прежде всего, двумя типами показателей:

уровнями местного политического участия и местного политического отчуждения; продолжительностью проживания в данной местности. Следовательно, теория политической мобилизации внутри местной системы и теория местных корней могут дать самое лучшее объяснение психологических связей с местом жительства в анализируемых общинах Восточной Европы. Поэтому, чем более эффективна мобилизация населения на политическое участие и, одновременно, чем сильнее корни, тем выше степень местной идентификации. И, таким образом, **основа глобального воздействия – это эффективность действия местных властей**. Можно сказать, что местный патриотизм и качество местной политики становятся глобальной проблемой [13].

Наряду с факторами, определяющими уровень местной идентификации во всех или в большинстве анализируемых стран, существуют также факторы, специфические для данной страны. Наиболее очевидный расклад факторов, определяющий местные психологические связи, наблюдался в **польских** малых городах. Идентификация польских респондентов с их местом жительства определяется исключительно степенью участия в местной политической жизни и уровнем местного отчуждения, испытываемым ими. Таким образом, местная политика является основой для развивающихся местных психологических связей в польских условиях. В **русских** сельских населенных пунктах модель, объясняющая силу психических связей с местом жительства, складывается из двух показателей, подтверждающих теорию политической мобилизации (**чувство местного политического отчуждения**) и теорию местных корней (**продолжительность проживания**). Следует отметить, что степень проявления этих показателей похожа в Польше и России. С другой стороны, более сложная ситуация существует в **болгарских общинах**, т.к. в этой стране *продолжительность жизни в данной общине* имеет первостепенную важность для характера местных психологических связей. Признаки, связанные с теорией политической мобилизации, занимают второе место и признак, характеризующий неформальность отношений, *поддерживаемые контакты с друзьями* - третье место. В Болгарии и России фактор **«продолжительность проживания»** был традиционно важным, в этих двух странах население, особенно в сельских районах, не очень мобильное и связи с местом рождения (местом жительства) устойчивы и долговременны. В отличие от них

поляки были подвижными людьми, даже во времена социализма, более независимыми и могли свободно выезжать за границу. Вот почему этот фактор для них не так важен. Существует разумное объяснение для совпадения также и второго фактора, им является **«уровень местного политического участия»**. Частые выборы в двух странах в годы после изменений, повышенная политическая и гражданская активность могут быть причинами для повышенного политического участия. **«Тесные социальные связи и контакты»** среди болгар и поляков из изученных общин являются третьим фактором, который определяет их общую оценку социальной идентификации. Высокий **уровень местного политического участия**, зарегистрированный во всех трех странах, можно было бы истолковать с точки зрения положительных политических изменений, произошедших в них в конце 80-х годов. Последние вызвали волну в социальной и политической активности людей в этих странах и пробудили их гражданское сознание. Они начали определять, кто собирается ими управлять, они решали их собственные местные проблемы сами и начали осознавать себя в качестве фактора во многих проблемах. Однако это долгий процесс с двух сторон, который зависит от необходимости коренного изменения громоздких тоталитарных административных структур. Следовательно, разочарование от высоких ожиданий от политической демократизации в основном среди изученных поляков и россиян проявляется в их высокой величине местного политического отчуждения – фактора, который отрицательно влияет на уровень общей социальной идентификации с местной общиной.

В процессе анализа социологических данных были обозначены **типы социальной идентификации** людей с местами их проживания в Болгарии, Польше и России (таких типов пять, они выделены на основе анализа измерения показателей познавательного и эмоционального отношения). **Первый тип** характеризуется относительно высоким уровнем интереса к делам общины и низким уровнем эмоциональных связей с данным населенным пунктом. Примерно 207 респондентов заявили о таком типе отношения, что составляет 12,8% от всей опрошенной выборки. **Второй тип** идентификации характеризуется высоким уровнем знаний об общине и, одновременно, высоким уровнем эмоциональных связей с ней. Такое отношение было заявлено 548 респондентами или 33,9% от выборки. **Третий тип** идентификации характеризуется низким

уровнем знаний об общине и высоким уровнем эмоциональных связей с ней. Это противоположное отношение к первому типу. О нем заявили 230 респондентов или 14,2% выборки. **Четвертый тип** – это отношение, характеризующееся как низким уровнем знания об общине, так и низким уровнем эмоциональных связей с ней. Это отношение было представлено лишь 158 респондентами, т.е. 9,8% выборки. Наконец, **пятый тип** характеризуется средним уровнем знаний и интереса, проявляемого к делам общины, и средним уровнем эмоциональных связей с местной общиной. Этот тип отношения был заявлен 473 респондентами или 29,3% выборки. Таким образом, различались два типа идентификации, которые характеризуются при сопоставлении и противопоставлении эмоционального и познавательного аспектов на трех уровнях: низком, среднем и высоком.

Более подробный анализ показал, что **первый тип идентификации**, характеризующийся высоким уровнем интереса к делам общины и низким уровнем эмоциональных связей с местом жительства, был проявлен главным образом болгарскими (43%) и русскими респондентами (31%). Такое отношение более часто заявлялось респондентами из малых городов с числом жителей свыше 7000. Респонденты, принадлежащие к православной церкви, и те, кто не принадлежит ни к какой церкви, заявляют в первую очередь этот тип отношения. Другие характеристики респондентов, относящихся к первому типу идентификации, включают в себя: среднее школьное образование, относительно частые поездки за пределы их административного округа, наиболее высокий уровень политического отчуждения, возраст от 41 до 50 лет и относящиеся к профессиональной категории управленцев. Эти лица имеют небольшое число друзей – обычно один или два друга, большинство из них женаты и замужем. **Второй тип** (высокий уровень знания и высокий уровень эмоциональных связей) представлен в основном польскими (42%) и русскими респондентами (34%). Такое отношение преобладает среди жителей малых городов (ниже 7000 жителей) и очень малых городов (2000 до 5000 жителей). Большинство из них заявляют о принадлежности к православной и католической церкви, они имеют более высокий уровень образования и предпринимают поездки за пределы их административного округа несколько раз в месяц. Респонденты, проявляющие высокий уровень знания и высокий уровень эмоциональных связей с местной общиной,

несколько старше, чем респонденты, относящиеся к первому типу. Они характеризуются самым низким уровнем политического отчуждения и большим числом друзей. Эта категория включает в себя в основном управляющих, специалистов и фермеров. Большинство из них семейные люди. **Третий тип** (низкий уровень знания и высокий уровень эмоциональных связей с местной общиной) представлен главным образом польскими респондентами (52%), теми, кто принадлежит к католической церкви, и жителями деревень и малых городов. Этот тип отношения преобладает среди старших лиц, вдов и вдовцов. Большинство представителей этого типа идентификации почти никогда не выезжают за пределы их административного округа. Более того, большинство из этих респондентов имели начальное школьное образование, они характеризовались высоким или низким уровнем политического отчуждения. С учетом профессионального статуса, большая их часть была неквалифицированными рабочими и пенсионерами. Эти лица характеризовались высокой степенью социальной изоляции, т.к. эта категория включала в себя самое большое число лиц, не имеющих никаких друзей. **Четвертый тип** (низкий уровень знания об общине и низкий уровень эмоциональных связей с местной общиной) представлен в основном болгарскими респондентами (63%). Этот тип идентификации типичен, прежде всего, для жителей самых малых обследованных общин (менее 2000 жителей). Среди них преобладают респонденты в возрасте от 20 до 30 лет и неженатые лица. Большинство из них имеют среднее профессиональное образование. Они характеризуются самой высокой пространственной мобильностью и самым высоким уровнем политического отчуждения в местной общине. Они представляют самую большую долю среди всех респондентов, не относящихся ни к какой церкви. Учитывая их профессиональную структуру, это обычно неквалифицированные рабочие с 2 или 4 друзьями. И, наконец, **пятый тип** идентификации (средний уровень знания и средний уровень эмоциональных связей с местной общиной) представлен в равных пропорциях как польскими (37%), так и болгарскими респондентами (37%). Большая часть этих респондентов – это лица среднего возраста с равными долями среди подвижных и неподвижных лиц, принадлежащих к православной церкви, католической церкви и тех, которые не принадлежат ни к какой церкви. Они характеризуются средним уровнем политического отчуждения, имеют профессиональное или среднее школьное

образование. Здесь можно найти почти равные пропорции представителей разных профессий. Представители этого типа идентификации также различаются значительно с учетом числа их друзей.

Анализ пяти четких типов идентификации с местной общиной, при всем том, что они до некоторой степени условны, позволил обнаружить следующие зависимости: **ВОЗРАСТ** в качестве демографической характеристики влияет на местные связи и идентификацию с местной общиной. Самые молодые имеют самую слабую идентификацию, в то время как самые старшие очень эмоционально относятся к ней. Среднее поколение (40-60 лет) проявляют колебания между первыми двумя типами и средними значениями идентификации с местными общинами (5-й тип). **ЧИСЛЕННОСТЬ** населения в качестве уровня урбанизации, по-видимому, не влияет на связи респондентов из трех стран и их чувства. Большая численность населения не характеризуется слабыми эмоциональными связями с местными общинами, как об этом заявлено в теории урбанизации (см. 2-й и 3-й типы). Однако в двух болгарских общинах с менее чем 2000 жителей наблюдались слабые связи и чувства. **МОБИЛЬНОСТЬ** (частота поездок за пределы местной общины) воздействует больше на местные социальные связи людей. Чем больше они выезжают за пределы их места жительства и имеют возможность сравнивать свою жизнь с другими людьми и общинами, тем выше становится их «интерес-знание» в измерении идентификации. Исключение составляет 4-й тип, где молодые люди еще неженатые (21-30 лет) путешествуют каждый день, и где зависимость полностью обратная: малое знание - слабые связи (чувства). **СТАТУС** респондентов, т.е. их уровень образования и профессия также не доказывают предположение теорий стратификации о том, что положение индивида определяет силу чувств к местной общине. В нашем исследовании люди с более высоким профессиональным и образовательным статусом имеют более слабые связи и чувства к местной общине (см. 1-й тип) и как раз наоборот: люди с более низким статусом с начальным образованием показывают сильные связи (см. 3-й тип). Исключение наблюдается только с 4-м типом. **СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ** и связи показывают прямую зависимость между типом идентификации и числом друзей опрашиваемых лиц (см. 2-й тип и 4-й тип). И противоположную корреляцию мы находим с местным политическим

отчуждением, как решающим фактором – чем выше он, тем слабее становится общая идентификация с местом жительства (соответственно эмоциональная или познавательная стороны).

Анализ типов идентификации в отдельных странах и общинах позволяет сделать выводы:

- **два типа отношений** преобладали как в Болгарии и Польше, так и в России;

- **первое** такое отношение характеризовалось высоким уровнем интереса, проявляемым к местной общине, а также сильными эмоциональными связями с местом жительства (этот тип отношения был представлен 42% респондентов в России, 37% - в Польше и 25% - в Болгарии);

- **вторым** преобладающим типом идентификации было отношение, характеризующееся средним уровнем знания и интересом и средним уровнем объявленных эмоциональных связей с местом проживания (этот тип идентификации был представлен 29% из болгарских, 29% русских и 29% польских респондентов);

- в России типы идентификации жителей с местом проживания более связанные, чем в Болгарии и Польше;

- основное различие между отношением жителей к месту проживания в Болгарии и Польше сводится к тому факту, что в **Болгарии** преобладает отношение, характеризующееся относительно высоким интересом, проявляемым к делам местной общины, и низким уровнем эмоциональных связей с местом жительства;

- в **Польше** преобладает тип идентификации, характеризующийся низким уровнем знания и интереса, проявляемым к местной общине, и высоким уровнем эмоциональных связей с ней.

Преобладание отдельных типов отношения в проанализированных странах можно объяснить следующим образом. В Польше высокий уровень эмоциональных связей респондентов с местной общиной, сопровождаемый низким уровнем интереса к делам общины, вытекает из относительно высокого уровня удовлетворения, извлекаемого из работы различных учреждений внутри местных систем. В этой ситуации респонденты, представляющие польские населенные пункты, с одной стороны, сильно связаны с местными общинами и, с другой стороны, благодаря более эффективной работе местных органов, они чувствуют себя свободными от обязательства интересоваться

проблемами местной общины, потому что это сфера деятельности соответствующих властных органов. Противоположная ситуация может быть найдена в Болгарии. Респонденты из этой страны в наибольшей степени разочарованы и не удовлетворены деятельностью различных учреждений. Их больший интерес к местным делам, чем в случае с Польшей, следует из их большего местного патриотизма и он также необходим до некоторой степени, т.к. они должны дополнять деятельность местных органов власти своей социальной активностью. С другой стороны, в **России** высокая степень удовлетворения деятельностью учреждений является, прежде всего, результатом низкого уровня требований, адресованных к этим заведениям.

Выводы

Данные исследования, проведенные среди местных общин в Восточной Европе, не подтверждают точность гипотезы о потере социальных связей жителей с их местом проживания. Община в качестве места не является также социальным вакуумом. Жители связывают свою жизнь с местом жительства и рассматривают его как социальную среду для сравнения с другими местами проживания людей. Тем не менее, местная община является для них не единственным и исключительным миром.

Наши исследования также показали, что местная идентификация жителей из выбранных стран Восточной Европы с их местом жительства носит, прежде всего, эмоциональный характер и не имеет природы «познавательного интереса». Это означает, что чувство, как источник знания о социальном мире, типичном для традиционной культуры, здесь преобладает над интересом и знанием, как источником социального познания, типичного для гражданского общества. Жизнеспособность сельских и малых городских местных общин в Восточной Европе является результатом все еще сильных коллективистских традиций, но это не акт гражданского выбора. Эти эмоциональные связи, по-видимому, являются ценным культурным достоянием. Однако эмоций и традиций недостаточно для соответствия современным проблемам. *«Население нуждается в знаниях о факторах, влияющих на их собственные обстоятельства, и они должны быть свободны, чтобы строить союзы и отношения с другими людьми из других населенных пунктов, а также с более высокими уровнями»* [14]. Воздействие глобальных процессов на местные системы несомненно. И все же, как может прозвучать не

парадоксально, но именно они проложили дорогу для осмысления важности местных факторов в современной социальной и политической жизни, несмотря на то, что глобальная идентификация стремится к разрушению этих факторов в условиях отдельных стран, регионов и даже общин. Это можно было бы увидеть в нашем исследовании на примере частично совпадающих и частично различных факторах, объясняющих уровень местной идентификации в каждой стране. Обычный коренной элемент здесь – это существующая важность теории политической мобилизации. **Особая природа болгарских общин** отражается в большом значении теории местных корней и сетевой теории. С другой стороны, **специфическая черта в Польше** – это почти полное доминирование политической мобилизации в качестве определяющего фактора местной идентификации. В свою очередь, в **российских общинах** политическая мобилизация в качестве решающего фактора идентификации столь же важна, как и местные корни.

Эмпирические модели идентификации жителей с местными общинами имеют тенденцию также варьироваться в отдельных странах. Ведущей моделью в **Болгарии** является тип идентификации, характеризующийся относительно небольшим чувством эмоциональных связей и относительно высоким уровнем интереса к местным делам. В **Польше**, в отличие от Болгарии, преобладает эмпирическая модель, характеризующаяся высоким уровнем эмоциональных связей и низким уровнем знания и интереса к местным делам. В свою очередь, в **России**, очевидно, преобладает связанный тип. Высокий уровень эмоциональных связей сопровождается здесь высоким уровнем интереса, проявляемого к местным делам. Таким образом, наряду с их общими факторами современные существенные характеристики местных общин формируются как общими факторами, так и специфическими вариациями, которые можно наблюдать как на уровне теории, так и на уровне практической деятельности.

Таблица 4

**Статистика познавательного измерения социальной
идентификации по странам и поселениям [2.2:16]**

Показатели	В среднем	Стандартное отклонение	Количество респондентов	Мин.	Макс.
РОССИЯ	4,71	1,094	400	0	6
Лух	4,60	1,097	198	0	6
Ильинское	4,81	1,085	202	0	6
ПОЛЬША	4,08	1,282	617	0	6
Поддебнице	4,18	1,243	293	0	6
Добронь	3,85	1,329	186	0	6
Земковице	4,19	1,266	138	0	6
БОЛГАРИЯ	3,98	1,335	599	0	6
Гавраилово	3,58	1,426	200	0	6
Бяла	4,27	1,141	199	0	6
Котел	4,10	1,330	200	0	6
В целом	4,20	1,292	1616	0	6

Таблица 5

**Статистика общей шкалы идентификации по странам и
поселениям [2.2:16]**

Страны и поселения	В среднем	Стандартное отклонение	Число респондентов	Мин.	Макс.
РОССИЯ	9,13	1,960	400	0	12
Лух	9,21	1,975	198	0	12
Ильинское	9,05	1,947	202	0	12
ПОЛЬША	8,81	2,013	617	0	12
Поддебнице	8,90	2,018	293	0	12
Добронь	8,67	2,093	186	0	12
Земковице	8,82	1,894	138	0	12
БОЛГАРИЯ	8,04	2,287	599	0	12
Гавраилово	7,80	2,602	200	0	12
Бяла	7,76	1,981	199	0	12
Котел	8,56	2,154	200	0	12
В целом	8,60	2,153	1616	0	12

Таблица 6

**Статистика эмоционального измерения социальной
идентификации по странам и поселениям [2.2:16]**

Страны/ малые поселения	Среднее	Стандартное отклонение	Количество респондентов	Мин.	Мах.
Польша	4,73	1,437	617	0	6
Поддебнице	4,72	1,456	293	0	6
Добронь	4,82	1,405	186	0	6
Земковице	4,63	1,445	138	0	6
Россия	4,42	1,399	400	0	6
Лух	4,61	1,398	198	0	6
Ильинское	4,24	1,381	202	0	6
Болгария	4,06	1,574	599	0	6
Гавраилово	4,22	1,678	200	0	6
Бяла	3,49	1,377	199	0	6
Котел	4,46	1,493	200	0	6
В целом	4,41	1,508	1616	0	6

Таблица 7

**Модели регрессии для познавательного измерения социальной
идентификации [2.2:16]**

Модели регрессии	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4	
Страна	БОЛГАРИЯ		ПОЛЬША		РОССИЯ		Вся выборка	
R Площадь	,252		,300		,243		233	
F	4,05		11,96		4,60		17,13	
	,000		,000		,000		,000	
Независимые переменные	Бета	t	Бета	t	Бета	t	Бета	T
Длительность проживания	,161	1,676	-,053	-1,02	,212	2,661	,047	1,186
Количество населения	,132	1,590	,139	2,667	,144	1,907	,120	2,947
Частота поездок за пределы р-на	-,012	-,116	-,066	-1,205	-,013	-,164	,032	,741
Уровень местного полит. участия	,261	2,674	,373	6,592	,236	2,944	,306	7,389
Уровень местного полит. отчужд.	-,146	-1,605	-,088	-1,613	-,074	-,922	-,083	-2,044
Число друзей	,013	,154	,190	3,649	,021	,270	,064	1,608
Годовой доход	-103	-1,059	-,012	-,224	-,008	-,100	-,100	-2,258
Уровень образования	,201	2,077	,102	1,721	,280	3,275	,253	6,282
Более низкий профессионал. статус	,119	1,486	,056	1,086	-,110	-1,359	,030	,769

Таблица 8

**Модели регрессии социальной идентификации в выбранных странах
Восточной Европы [2.2: 16]**

Показатели	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4	
Страны	БОЛГАРИЯ		ПОЛЬША		РОССИЯ		Вся выборка	
R Площадь	,305		,203		,223		,203	
F	5,27		7,09		4,10		14,37	
	,000		,000		,000		,000	
Независим. переменные	Бета	t	Бета	t	Бета	t	Бета	t
Длительность сроков проживания	,412	4,449	,022	,404	,274	3,391	,141	3,515
Число жителей	,084	1,041	,081	1,457	-,019	-,242	,141	3,390
Число поездок за пределы р-на	-,004	-,041	,073	1,242	,094	1,137	,120	2,736
Уровень местного политическ. участия	,217	2,311	,245	4,064	,227	2,791	,218	5,173
Уровень местного политическ. отчуждения	-,182	-2,069	-,259	-4,431	-,206	-2,538	-,224	-5,413
Число друзей	,161	1,937	,110	1,979	,037	,474	,098	2,440
Годовой доход	,032	,339	-,030	-,522	,026	,316	,033	,737
Уровень образования	,092	,993	,043	,681	,136	1,564	,103	2,513
Более низкий профессион. статус	,138	1,788	,034	,620	-,001	-,012	,066	1,716

Таблица 9

Характеристика типов идентификации с местным населением в Болгарии, Польше и России [2.2:16]

Показатели	1-й тип	2-й тип	3-й тип	4-й тип	5-й тип
Центры окончательного кластера	Высокое знание (4,96) Низкое чувство связей(2,2)	Высокое знание (5,12) Высокое чувство связей(5,7)	Низкое знание (2,52) Высокое чувство связей(5,3)	Низкое знание (2,42) Низкое чувство связей(2,3)	Среднее знание (4,22) Среднее чувство связей (4,1)
Семейное положен.	Женат, Замужем	Женат, Замужем	Женат, Замужем	Женат, Замужем	Женат, Замужем
Образование	Среднее	Высшее	Начальное	Начальное профессион	Среднее профессион
Возраст:	41-50 лет	51-60 лет	61-70 лет	21-30 лет	41-50 лет
Профессия	Менеджер	Управляющие, фермеры	Неквалиф. рабочие, пенсионер	Неквалиф. рабочие	Все профес. категории
Частота поездок за пределы района	Дважды в неделю	Несколько раз в месяц	Почти никогда	Каждый день	Любая частота
Число друзей	1-2	7 и более	Нет друзей	2-4	Любое число друз.
Уровень политич. отчужден.	Самый высокий	Самый низкий	Низкий и высокий уровень	Самый высокий	Средний
Принадлежность к церкви	Православная, не принадл.	Католич. и православная	Католич.	Не принадлеж. к церкви	Православ., католическ. не принадлеж.
Количество населения	1000-2000 жителей	2000-5000 жителей	2000-5000, св. 7000	1000-2000 жителей	Свыше 7000 жителей
Страна	Болгария + Россия	Польша и Россия	Польша	Болгария	Болгария, Польша, Россия

2.3. Экономическая кооперация и взаимоотношения людей в сельских и малых городских обществах

Исследование по данной проблеме проводилось международной группой ученых из Болгарии, Польши и России в соответствии с проектом *«Модели социального участия в сравнении с социальной структурой местных общин»*. Эмпирические данные были получены при сравнительном анализе выбранных форм индивидуального и коллективного поведения, типов общественного действия людей в сельских и малых городских сообществах Польши, России, Болгарии (обследованы 3 польских, 3 болгарских и 2 русских административно-территориальных поселения, число респондентов составило 1616 человек). Ведущая гипотеза касалась оценки изменений в отношениях жителей различных территориальных единиц, измеряемых по размаху и интенсивности неформальных актов сотрудничества (взаимопомощи) в пределах широко понимаемой экономической сферы. Было выдвинуто предположение об уменьшающемся значении известных форм взаимопомощи для жителей современных местных общин, включая также и неформальную экономическую помощь. Одновременно формулируется тезис об изменяющемся содержании и формах такого сотрудничества, которое, прежде всего, выражается в последовательном внедрении монетаризации, т.е. рыночных отношений.

В содержании гипотезы предполагается тезис о динамике этих процессов в зависимости от страны или типа населенного пункта. Так как разнообразные формы добровольного сотрудничества стали рассматриваться как важное выражение связей солидарности, укрепления социальных контактов и взаимодействий внутри первичных структур, то их разложение следует рассматривать как важный сигнал постепенной индивидуализации. По мнению авторов, **индивидуализация** истолковывается как выражение расширяющейся сферы индивидуальной свободы, которая была ограничена, с одной стороны, тоталитарной системой, сменившейся на авторитарную систему и, с другой стороны, постоянно присутствующими элементами типа сообщества, характерными для первичной группы. Более широкая структура возможного анализа это также экономические отношения. Рыночная экономика подразумевает (и очень часто вызывает) новый социальный порядок, отсюда предпочтения и ценности действующих субъектов имеют тенденцию

к их изменению. Это касается проблем не только стран Центральной и Восточной Европы.

Исследователь социальных процессов в странах Центральной Европы Р. Дарендорф, рассматривая изменения в них в сравнении со странами Западной Европы, описывал эту ситуацию следующим образом: *«У нас была мечта. На деле это были отрицательные мечты. Вы мечтали о мире без цензуры, очередей, без политической полиции и колючей проволоки на ваших границах, вы не мечтали о нищете, безработице, больших социальных различиях. Вы мечтали об идеальном мире, который в действительности никогда не существовал. Мы тоже мечтали о таком идеальном мире. Разница в том, что мы верили, что однажды мы построим такой мир, а вы – позади железного занавеса – верили, что он существует»* (Дарендорф, 1996). Согласно автору, среди самых больших современных опасностей, стоящих перед лицом европейских обществ, - необходимость поиска нового равновесия между процветанием, социальным согласием и личной свободой. Конкуренция - ставка, в которой все более часто это «успех и богатство» или «поражение и бедность» разрушает социальные связи, солидарность и сотрудничество. Соперничество стало величиной, выталкивающей солидарность и социальные связи, благодаря которым могли действовать защитные структуры.

Традиционные формы сотрудничества внутри местной общины (на примере Польши)

Исследуя формы добровольного сотрудничества, было разумно вернуться к оценкам этого феномена прошлых лет. «Участие в различных формах социальной ассоциации человеческих существ и их сотрудничество для того, чтобы осуществить определенные интересы, ценности или цели, представляет собой постоянную характеристику человеческого общественного существования. Оно появляется на всех ступенях развития и предполагает разнообразные формы» (Misztal, 1977, p. 274). Однако во временной перспективе, которая нас интересует здесь, будет достаточно отметить только изменяющиеся формы общественной жизни в местных общинах в течение последнего века. Для анализируемых стран это был период интенсивных социальных изменений, связанных с периодическими изменениями политической, экономической и социальной системы.

Самый последний вызов времени связан с необходимостью продолжения процесса модернизации, широко затрагивающей сферы экономической, политической, социальной и культурной жизни и обуславливающей системные изменения, революцию в сфере знания и информации. Тем самым она способствует продолжающейся глобализации экономических процессов, политической и социальной жизни, а также сферы культуры.

Таким образом, процесс модернизации часто воспринимался как особый тип социального изменения, состоящего в переходе от традиционного к современному обществу. Между тем преобразование характера социальных связей в этих сообществах было одним из наиболее часто анализируемых факторов в происходящих изменениях.

По классическому мнению польских социологов, традиционная местная община нашего века и ее основные институциональные инструменты были истолкованы следующим образом: *«Деревня образует совершенную местную общину почти в такой же мере, как это было несколько сотен лет назад. Совершенная община в смысле замкнутого сообщества заключает в себе почти все формы коллективной жизни ее жителей и находящейся в противопоставлении к другим аналогичным сообществам: другим деревням, а также группам и организациям, остающимся за ее пределами»* (Чарновски, 1965, р. 173).

Согласно другому автору, эта традиционная местная община удовлетворяла наиболее важные, привычные и элементарные социальные нужды, и *«она регулировала все виды деятельности и поведения ее членов, включала в себя человеческие индивидуумы со всеми их жизненными интересами, давая однообразное направление этим интересам»* (Халасински, 1938, pp. 130, 136).

Деревня регулировала все области жизни через формальные способы взаимодействия, общения и через обычаи и правила, разработанные на практике. Эта всеобъемлющая природа функций, осуществляемых традиционной общиной, была связана с преобладающим характером ручного труда и с необходимостью полагаться на своего соседа, а также с типом выживания (существования) крестьянского хозяйства, социальным разделением труда внутри деревни, малой подвижностью ее жителей, изоляцией населения деревни от жизни и учреждений всего общества, других профессий, национальной культуры, учреждений образования и

государственной власти. В результате широкой сферы нужд, удовлетворяемых внутри деревни, здесь развивались связи между ее жителями.

Традиционная местная община характеризовалась посредством специфических взаимодействий:

- структурно-функциональных взаимодействий, вытекающих из экономической структуры, состояния производительных сил и политической структуры тогдашнего общества;

- соседских и родственных отношений;

- деревня являлась расширенной группой родственников и через подобные родственные связи, простирающиеся на широкие круги жителей, она создавала чувство единства и, одновременно, она налагала обязательство сотрудничать и оказывать соответствующие услуги для семей и их членов, вовлеченных в эти отношения. С одной стороны, соседство было «закрытым», т.к. оно реализовывало себя внутри деревенских границ, в то время как, с другой стороны, оно было «широким», потому что состояло не только из ближайших жителей, а также из соседей, владевших прилегающими полями, но и потому что имело обширный спектр взаимных услуг. Такая структура имела характеристику функциональности: ферма, относительно обеспечивающая существование, семья, работающая на ней, круг родственников и соседей и деревня с ее новыми всеохватными функциями, направленными на то, чтобы влиять друг на друга и поддерживать друг друга. (Turowski, 1965).

Такое развитие взглядов на крестьян, крестьянские общины и на личность крестьянина в социологии находилось под влиянием работы В. И. Томаса и Ф. Знанецки *«Польский крестьянин в Европе и Америке»*. Она оказала мощное воздействие, согласно Я.Щепански, на консервацию определенного способа жизни крестьян в сельских поселениях и внутри основных (первичных) групп. И, следовательно, были сделаны выводы относительно контроля, осуществляемого общиной над поведением ее членов. Теория первичной группы, сформулированная в рассматриваемой работе, была принята в качестве обязательной в социологии на протяжении долгих десятилетий. Работа Томаса и Знанецки в ее теоретической основе *"проложила путь к поддержанию представления о деревне, как сплоченной общине, формирующей постоянно очень похожие личности крестьян, имеющих очень немногие индивидуальные черты,*

и даже если бы такие существовали, они бы постоянно подавлялись» (Щепански, 1991, р. 80-91).

Именно в такой местной общине развивалась организация сотрудничества ее жителей друг с другом, которую называют «кооперация» или «соседская помощь». Выражением солидарности и объединения деревенской общины *«.. были и есть, прежде всего, многочисленные формы соседской помощи, обычно называемой взаимной поддержкой, оказываемой взаимно заинтересованными индивидами, или для их взаимной выгоды»* (Завистович-Адамски, 1962, р. 6).

Исследователи данного феномена сельской жизни различают три формы сотрудничества:

1. Система соседской взаимопомощи.

Этот вид помощи можно найти в нормальных условиях (включенная помощь) в пределах сезонных работ на ферме, а также в виде капиталовложения на ферме;

- в особых условиях (оказание помощи отдельному человеку в ситуации внезапной катастрофы);

- работа, сделанная в оплату некоего прежнего обязательства, осуществляемая менее состоятельными жителями поселения для более состоятельных фермеров в обмен на различные услуги или выгоды; она отражает зависимость бедной стороны от богатой стороны и создает возможности злоупотреблений, эксплуатации (рассматриваемая зависимость известна в литературе как «покровительство»).

2. Кооперация всей сельской общины для общего блага.

Она означает коллективные усилия деревенской общины, осуществляемые для того, чтобы удовлетворять ее общие нужды. Масштаб данной деятельности имеет тенденцию к варьированию, т. к. потребности отдельных деревень, живущих в различных социо - экономических условиях, не являются единообразными. В большинстве случаев такая деятельность связана с выкорчевыванием земли, освоением целинных земель, строительством дорог, проектов коммунальных сооружений, т.е. всего того, что должно было служить всей деревне. Принцип индивидуального взаимного обмена услугами здесь не присутствует.

3. Кооперация в рамках экономического партнерства.

Экономическое партнерство является некоего рода постоянным сообществом с определенной организационной структурой. Его нормальная структура соответствовала велениям обычного права, и поэтому оно классифицируется среди форм традиционной кооперации. Члены экономического партнерства объединялись на добровольных принципах, определяя себе масштаб их совместной деятельности. Таким образом, это партнерство являлось ассоциацией пайщиков, распределяющих продукт их совместных усилий согласно определенным правилам, установленным заранее, причем основу этих правил составлял вклад, сделанный в виде труда, инструментов, животных на ферме и земли. Такое партнерство обычно устанавливалось для достижения определенной экономической цели. Известны многочисленные случаи совместного использования пахотных земель, лесов, рыбных вод или совместное производство строительных материалов.

Прогрессивный процесс постепенного разрушения традиционной местной общины, наблюдаемый в XX веке, нашел, прежде всего, выражение в разложении прежнего структурно-функционального взаимодействия и, более широко, в ослаблении отношений и связей среди жителей одной и той же деревни. Процесс разъединения коснулся, прежде всего, функций и связей деревенских общин. Как было подчеркнуто Туровским, в традиционных общинах исчезают прежние социальные связи под влиянием процессов возникновения промышленного, урбанизированного общества, основанных на углублении разделения труда, профессионализации и рационализации видов деятельности. С другой стороны, в сельские места приходит процесс дезинтеграции, выражающийся в том, что деревня перестает быть группой «чьих-то» родственников, сфера соседства сокращается и превращается из «закрытого соседства» в «открытое соседство». В это же время бывшая социальная структура сельского общества трансформируется и вследствие этого исчезает и ликвидируется изоляция деревенской общины (Туровский, 1965). Самым важным следствием распада традиционной местной общины является исчезновение связей между отдельными фермами, домашними хозяйствами, а появляются связи в процессе экономического сотрудничества в виде формальных действий взаимопомощи или взаимодействия ради общего блага.

Новые формы интеграции местных общин были развиты на уровне формальных установлений учреждений (объединений). Ряд функций, осуществлявшихся ранее сельскими общинами, был взят на себя целевыми (плановыми) учреждениями и организациями. «Их роль не ограничивается введением нового типа социальных связей в деревне, но она также выражается в социо-пространственном расширении прямых связей прежнего типа» (Пиотровский, Ковальский, Пенк, Пилиховский, 1973, р. 65-66). Эти учреждения и организации в условиях «реального» социализма очень часто не выполняли их функций в соответствии с ожиданиями жителей. Это привело к появлению групп интересов, феномену в сельских общинах, являвшемуся инструментом защиты их интересов посредством различных групп неформального влияния, как описаны В. Адамски в 60-х годах (Adaniski, 1967).

Ян Щепанский, анализируя условия системного изменения в 70-е годы XX века в Польше, указывал на то, что «... сила класса крестьян в отношении социалистических властей заключается в способности и возможности крестьян уходить в самодостаточность, т.е. проще говоря, в ограничении производства до той степени, которая необходима для удовлетворения потребностей своей собственной семьи, а также в ограничении потребления промышленных продуктов. С другой стороны, в 70-е годы политика, проводимая ПОРП, изменилась до такой степени, что было возможно основывать специализированные фермы под лозунгом увеличения производства, это проложило путь к появлению больших ферм, уже ориентированных на рынок. Таким образом, был ускорен процесс перехода от крестьянина к фермеру, который не был предусмотрен в какой-либо модели социалистического общества» (Я. Щепанский, 1993, р. 47-48). Параллельно были сделаны попытки организовать социалистическое сельское хозяйство через социализацию владения землей и объединения сельского хозяйства в систему государственной экономики с центральным планированием. На практике оказалось невозможным обобществить землю и она была передана в руки частных фермеров. В этом случае их связь с государством выстраивалась «...посредством цен, налогов, государственных контрактов, наград, соревнования и т.п. Такая политика постепенно включала фермеров в систему социалистических организаций, снимала с них заботу о продаже урожая, поставках удобрений, семян, машин и т. д., эти вопросы

решались уже государственными учреждениями» (Я. Щепанский, 1993, р.47). Следовательно, сельское хозяйство было связано с государственной экономикой через различные связи и, хотя «такие акции (шаги) государства часто критиковались за бюрократичность, организационную инерцию, но они все-таки действовали (Я. Щепанский, 1993, р. 100-101).

Другим важным следствием деятельности государства в сельском хозяйстве являлась его роль как посредника в экономических отношениях (через монополию в приобретении урожая и в перерабатывающей промышленности). Отражением этого стало неучастие крестьянского хозяйства в рыночных отношениях и тем самым ограничение роли рынка. Это приводило к тому, что крестьяне не могли принимать собственные решения независимо от решений центрального планирования. В конечном итоге образованный административный аппарат в сельскохозяйственном секторе становился управляющим действиями любой сельскохозяйственной единицы и формировал цели своих действий только для самого себя. Такой административный аппарат в сельском хозяйстве стал мощным фактором, ограничивающим самостоятельность фермеров» (Я. Щепанский, 1988, р. 21-22).

Конечно, системные изменения 1999 года имели также значительные последствия для местных общин. Они стали свидетелями преобразований, идущих во всех направлениях. Нас в плане анализа изменений интересовали только те изменения, которые относятся к неформальной (добровольной) кооперации, ее интенсивности проявления в экономической области среди жителей местных общин в трех анализируемых странах.

Новые формы неформальной экономической помощи - кооперации в сельско-городских общинах: эмпирические результаты

Эмпирические данные, представленные в данном разделе работы, были собраны в рамках Международного исследовательского проекта *«Модели социального участия в сравнении с социальной структурой местных общин в Болгарии, Канаде (Восточный Квебек), Польше и России»*. Кроме того, исследованию были подвержены 3 общины в Аргентине. В общей сложности было собрано более 2000 анкет, содержащих один и тот же набор вопросов в каждой стране.

Рассматривая вопрос о способах участия в более или менее формализованных типах экономического сотрудничества, были проанализированы знания респондентов об их доле участия в действиях общины, нацеленных на решение проблем, которые были важны для местной окружающей среды. Предмет (объект) нашего исследования включал в себя также различные виды неформальной помощи (взаимной или асимметричной), под которой мы подразумеваем только помощь, оказанную другими или полученную от других домашних хозяйств в виде работы, материальной помощи (взятой в долг или подаренной) или финансовой помощи. В ходе исследования необходимо было получить информацию о том, как в этих трех разных (с точки зрения экономических, культурных или исторических предпосылок) европейских странах развивались формы социального участия в местных общинах, неформальные экономические отношения между домашними хозяйствами. С этой целью были проанализированы такие параметры, как: поведение домашних хозяйств и их мнение относительно масштаба вышеупомянутых процессов в данной общине как в прошлом, так и в настоящее время, причины рассматриваемых процессов и тех способов, которыми они отличались друг от друга. Также проанализирована статистическая объяснительная способность **независимых переменных**: пол, уровень образования, основной источник дохода, самооценка личного материального благосостояния, социальный статус, характеристика места проживания (дом, снимаемая или собственная квартира). В процессе объяснения 22 зависимых переменных, используя 6 зависимых переменных, оказалось, что наиболее частое и существенное различие (используя меру Крамера V силы отношения) заключалось в переменной, описывающей страну происхождения исследованных объектов (она объяснила статистически важные различия для 17 зависимых переменных). Следующие 5 независимых переменных (уровень образования и т.д.) объяснили на статистически важном уровне схожее число зависимых переменных (9-12). Мы выявили, что пол был фактором, имеющим наименьшее влияние на поведение и мнение респондентов.

Рассмотрев основную цель исследования и вышеупомянутые результаты, дальнейший анализ был сконцентрирован на демонстрации форм взаимопомощи, которую члены местных общин оказывают друг другу в трех исследованных странах. Следует

подчеркнуть, что предварительный статистический анализ, проведенный отдельно в отношении каждой из стран, не обнаружил значительных различий в способах оказания взаимной помощи в каждой из общин. Страна оставалась наиболее существенным фактором различия в отношении поведения и мнений респондентов. Доказательством, отражающим заявления о действиях общин в проанализированных местностях (странах), являются данные в табл.10.

Таблица 10

Мнения о действиях общин в проанализированных местностях (странах)[2.3:9]

Страна	Да, %	Нет, %	Я не знаю,%	В целом, (%)
Польша	28,9	35,1	36,0	38,2
Россия	4,3	36,9	58,8	24,7
Болгария	16,2	26,3	57,5	37,1
В целом	18,1	32,3	48,6	100,0
Число	292	520	800	1612

Исследование, основанное на знании членов обследованных общин, оправдывает утверждение, констатирующее, что существует низкий уровень активной деятельности в рассматриваемых общинах в связи с организацией действий, нацеленных на решение проблем, которые важны с точки зрения местной окружающей среды. Вне всякого сомнения, знания о подобных мероприятиях, которые имеет часть населения, низко (особенно в Болгарии и России) и они прямо пропорциональны уровню образования и материальному состоянию. Участие домашних хозяйств в делах общины рассмотрено в табл. 11.

Таблица 11

Уровень участия домашних хозяйств в делах общины в последние 2 года [2.3:9]

Страна	Да, %	Нет, %	В целом, %
Польша	9,9	90,1	36,6
Россия	2,4	97,6	24,2
Болгария	3,2	96,8	39,2
В целом	5,5	94,5	100,0
Число	83	1440	1523

Уровень участия жителей в социальных действиях, которые предпринимались во имя общего блага, оказался низким. Он был

выше среди людей с высшим образованием. Участие в делах общины предпринимались в Польше чаще, чем в двух других странах.

Частота неформальной (взаимной) помощи, которая происходит в местной среде по отношению к экономической, проанализирована в табл. 12.

Таблица 12

Частота неформальной (взаимной) помощи, которая происходит в местной среде в отношении экономической деятельности с учетом дома, жилья и т.д.[2.3:9]

Страна	Всегда, %	Часто, %	Время от времени, %	Нет, %	Другие, %
Польша	9,2	17,9	46,8	15,9	10,2
Россия	2,2	36,1	35,6	10,4	15,7
Болгария	11,4	22,9	53,4	2,0	10,3
В целом	8,3	23,9	46,5	9,4	11,9
Респонденты	134	386	750	151	191

Таблица показывает, что существуют различия в интенсивности социальной деятельности в каждой из исследованных стран (такое мнение часто встречается в России, в то время как в Польше оно отличается в наибольшей степени). Фермеры и пенсионеры более часто признают существование и значение таких процессов, чем другие слои населения.

Динамика взаимопомощи в местной окружающей обстановке проанализирована в мнениях респондентов в табл. 13.

Таблица 13

Динамика взаимопомощи в местной окружающей обстановке (как это отражается в мнениях жителей)[2.3:9]

Страна	В прошлом более часто, %	Нет изменений, %	Более часто сегодня, %	Трудно сказать, %
Польша	39,3	29,2	2,2	29,4
Россия	41,6	35,5	3,3	19,6
Болгария	77,9	11,4	1,2	9,5
В целом	54,3	24,1	2,1	19,7
Число	867	385	33	312

Более чем 10 лет тому назад члены местных общин помогали друг другу более часто. Гипотеза, предполагающая, что явление взаимопомощи исчезает, оказалась верной. Она поддерживается мнением тех респондентов, которые полагают, что люди больше

помогали в прошлом (44%). Следует также подчеркнуть, что значительная часть респондентов не признавало каких-либо изменений в области взаимопомощи (29%). В Польше каждый третий респондент был не способен осознать эту разницу.

Формы вознаграждений за полученную помощь в местной среде проанализированы в табл. 14.

Таблица 14

Формы вознаграждений за полученную помощь в местной среде[2.3:9]

Страна	Оплата деньгами,%	Оплата, иногда взаимопомощь,%	Только взаимопомощь, %	Другие, %
Польша	2,0	10,8	68,7	18,5
Россия	6,5	42,5	23,6	27,4
Болгария	6,9	21,5	59,8	11,8
В целом	5,0	23,0	53,8	18,2
Число	77	350	821	229

Важная черта анализа состоит в дифференциации форм неформальной кооперации в местной среде, которые оказываются на «сером» рынке. Принятие вознаграждения в виде денег (оплаты) в качестве критерия, означает, что часть этих действий должна классифицироваться как относящаяся к рынку. Это явление наиболее выражено в России. Польша, поскольку дело касается этого вопроса, размещается на противоположном полюсе.

В процессе исследования определились типы участия в экономической «соседской помощи» членами домашних хозяйств в последние 12 месяцев (табл. 15.).

Таблица 15

Типы участия в экономической деятельности по оказанию помощи в местной среде [2.3:9]

Страна	Тип 1, %	Тип 2, %	Тип 3, %	Тип 4, %
Польша	22,3	20,2	3,9	53,5
Россия	33,1	17,4	7,4	42,1
Болгария	39,8	12,2	3,7	44,2
В целом	31,5	16,6	4,7	47,2
Число	501	264	75	752

Тип 1–лицо, которое помогало другим и получало помощь от них.

Тип 2 – лицо, которое только давало.

Тип 3 – лицо, которое только брало.

Тип 4–лицо, которое никогда никому не помогало и не принимало ничьей помощи.

Наряду с ними выделим типы участия в деятельности общины (в последние 2 года) и в экономической «соседской помощи» (социальная поддержка сообщества) членами домашних хозяйств в последние 12 месяцев (табл.16).

Тип 1 – участие в обеих формах действия.

Тип 2 – участие только в действии общины.

Тип 3 – участие только во взаимопомощи (сотрудничестве).

Тип 4 – лицо, не участвующее в этой форме.

Таблица 16

Типы участия в деятельности общины в экономической «соседской помощи» (социальная поддержка сообщества) членами домашних хозяйств в последние 12 месяцев[2.3:9]

Типы участия	Польша	Россия	Болгария	В целом
Тип 1, %				
Тип 2, %	10,0	2,5	2,2	5,5
Тип 3, %	40,5	39,8	43,4	44,8
Тип 4, %	49,5	39,8	43,4	44,8

Выводы

Анализ основан на исследовании группы в 1199 респондентов. Некоторые из них (47,2%) участвовали в подобных процессах кооперации различными способами и в различной степени. Общее число проанализированных фактов предоставления помощи составило 725 (это означает 1,43 действия помощи на одну активную личность) и 490 случаев получения помощи (в среднем 1,34 на человека). Самая большая помощь (65%) была оказана соседям, друзьям и знакомым; в каждом из 5 случаев лица, получившие помощь, принадлежали к семье тех, кто им помогал.

Получение помощи от других характеризуется тем же отношением. В 90% случаев (чуть меньше в Польше) помощь (услуга) оказывалась в виде работы, доля таких случаев была 85%. В 8% случаев работа оплачивалась. Конечно, мы не включаем их в категорию взаимопомощи, но относим к так называемой «серой экономике». Помощь была также оказана в виде раздела материальных ценностей (в общем, 22%), это было более характерно в России и Болгарии.

Еще большие различия между этими странами были определены в процессе анализа таких форм помощи, как получение дара или оказания взаимопомощи в виде дотаций, займа денег (в Польше это имело место в каждом из 5 случаев; в Болгарии более чем половина, в России 70%). По нашему мнению, вышеупомянутые результаты указывали на формирующийся процесс формальной рационализации, который происходит в польских местных общинах, и на сохранении традиционных форм взаимопомощи в местных общинах в России и Болгарии.

Мы также хотели бы подчеркнуть, что число людей, которые не получают поддержку от социального сообщества (в той области, что нас интересует) кажется значительным (52% в общем). Оно самое большое в Болгарии (71,5%) и это большей частью лица, имеющие самый низкий уровень образования, работники физического труда, пенсионеры, безработные, а также лица, которые сами считают себя самыми бедными в своих общинах. По нашему мнению, важно подчеркнуть, что бедность таких людей вызвана, скорее всего, фактом их относительно частого исключения от поддержки со стороны социального сообщества. Другие виды подобной неформальной кооперации принимают разный масштаб в зависимости от страны, в которой это происходит.

Полученные результаты позволяют подтвердить сформулированные ранее гипотезы, указывая на различные способы изменений в традиционных формах взаимопомощи, как ответ на размах и скорость современных процессов системного преобразования, составляющих часть более общих процессов глобализации.

В процессе глобализации во все в возрастающей мере происходит индивидуализация социальной жизни, расширяются масштабы и возможности личной свободы, что является характерным для малых городских общин стран Восточной и Центральной Европы. В то же время наблюдаются и различия в характере и динамике вышеупомянутых процессов в зависимости от того, происходят ли они в Польше, России или Болгарии.

3. ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ КАПИТАЛЕ ЖИТЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННЫХ ГОРОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация, ускоряющая процесс вхождения постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы в рыночные отношения, способствовала развитию нового социально-экономического уклада в них и на этой основе вызвала изменения в социальных сетях (взаимосвязях) городской среды, социально-психологических установках жителей промышленных городов. Наиболее четко эти изменения проявились в городах с доминировавшим в них моноэкономическим развитием. К таким городам можно отнести, в первую очередь, текстильные центры обеих стран, в которых произошло резкое «обрушение» исторически традиционного для них производства.

В качестве объекта исследования происходящих изменений в социальной жизни промышленных городов были выбраны бывшие центры текстильной промышленности: Иваново (Россия) и Лодзь (Польша). Обстоятельства похожести историко-экономического развития этих городов в дореволюционное время и в период социалистических преобразований (нередко эти города называли как «города-побратимы») также повлияли на выбор их в качестве объекта исследований. Группа социологов из России и Польши провела исследование изменений в социальном капитале городских обществ, которые нашли своеобразное отражение в сознании и мнениях, оценках респондентов-жителей Иванова и Лодзи. Результаты эмпирических исследований, полученные в рамках проектов: *«Структура и обусловленность общественных связей в периферийных городах Центральной и Восточной Европы в эпоху глобализации»* (грант Лодзинского университета); *«Социальный капитал и его экономическая база»* (грант Лодзинского университета); *«Текстильные города в условиях глобализации: динамика социальных изменений»* (грант РГНФ NN 09-03-54705 а/ц) были осмыслены на кафедре социологии Wsie i Miasta (сельских и городских поселений) Института социологии Лодзинского университета (Польша) и кафедре социально-экономических теорий Ивановского государственного химико-технологического университета (Россия). Эти результаты касаются только городов Иваново и Лодзь. Все данные были получены на основе интервью,

проведенных среди жителей города Лодзи (выборку и группировки сделал М. Фриковски, исследование проходило под руководством А. Михальска-Зила и А.Буйвиска), в котором приняло участие 797 респондентов (в среднем каждый тысячный житель Лодзи дал интервью). В городе Иваново исследования проводились с 2005 по 2009 гг. (выборку и группировку по районам города осуществляли Столбов В.П. и Литова Э.П.), было проведено 4 этапа исследований, на каждом по 500 анкетных опросов (каждый тысячный житель города Иваново). Анкета в обоих случаях исследования содержала более ста вопросов. На основе исследований объективных данных, общедоступных публикаций, опираясь на мнения и оценки жителей Иваново и Лодзи, прослеживались изменения в социальной жизни горожан, отраженные в их оценках изменений, которые протекают на фоне глобализации. На материале исследований в Иваново был составлен мониторинг изменений в социальном капитале жителей города, что позволило сравнить с данными в лодзинских исследованиях.

Одним из наиболее интересных и плодотворных направлений, развиваемых в настоящее время в социологии, социальной психологии, экономической социологии в теоретическом и прикладном аспектах, является исследование проблемы развития социальных сетей внутри общества, характеризующихся отношениями взаимосвязи между индивидами, индивидами и группами, между самими социальными группами (общностями). Основными константами в конструкции социальных сетей и социальных взаимосвязей являются: социальный капитал, доверие, этические нормы, принципы, убеждения. Формирование и развитость этих категорий определяет социальный климат в жизнедеятельности общественных структур (активность и инициативность людей, устойчивость коллективов, взаимную поддержку людей в сложных производственных и житейских ситуациях) и стабильность общества. Анализ состояния развитости этих категорий позволяет находить возможные пути решения социально-экономических проблем по обеспечению динамизма общественных процессов и преодолению негативных явлений во взаимоотношениях между людьми и между социальными группами.

Немаловажным при анализе изменений в социальном капитале являлся учет оценок (позитивных или негативных), высказанных респондентами к деятельности городских социальных институтов и

проводимой ими политики в городском обществе. Наряду с этим в исследовании рассматривалась проблема доверия или наоборот отчуждения по отношению к власти со стороны горожан. Респонденты характеризовали жизнь в городской среде с позиции их представлений о социальном самочувствии людей, выраженном в категориях «социального ожидания», «социального беспокойства», «социального комфорта или дискомфорта». Развитие социальных связей и состояние социального капитала в городском обществе настолько важны, что их можно свести к формуле: *«Общество без социального капитала, социальных связей (сетей), а также доверия между людьми – ничто»*.

Состояние социального капитала предполагает использование социально-психологических категорий: доверие, социальный комфорт или дискомфорт, социальное самочувствие применительно к различным уровням социальных сетей. В анализе этих категорий предполагается видеть возможный ресурс не только для выяснения развития городской среды промышленного центра, но и для решения прикладных целей - каким образом можно повлиять на изменения в социальных взаимоотношениях между людьми в лучшую сторону.

Городская среда, как объект социологии, в которой формируется социальный капитал и его составляющие, не всегда находит признания среди отечественных социологов, что вряд ли можно считать правильным. Как предмет социологического исследования городская среда, по мнению авторов – это социальный вопрос, который, по словам американского социолога Р. Парка, *«остается одновременно и возможностью, и неясной загадкой»*. Этот же социолог отмечал, что *«социальный вопрос — это в принципе городской вопрос. Речь идет о том, чтобы в условиях городской свободы достичь социального порядка и контроля, который спонтанно осуществлялся»*.

Социология городской среды по своему содержанию представляет систему социальных сетей, характеризующихся отношениями между индивидами, социальными группами (общностями) горизонтального и вертикального направления. Они возникают по поводу взаимосвязи и взаимоподдержки между людьми, доверия или наоборот отчуждения между ними, мотивации городскими жителями оценок деятельности социальных организаций и учреждений в решении проблем социальной справедливости и

безопасности, участия (неучастия) жителей в городских политических и культурно-зрелищных мероприятиях и др.

3.1. Теория социального капитала

Теория «социального капитала» в современной социологической науке - одна из новых проблем научного знания. Ее разработкой занимались Дж. Коулман, Н. Лин (концепция социальных связей), П. Лазерфельд (социальные отношения), М. Глукман (концепция социальной ориентации), Т. Хофферон (концепция дефицита социального капитала в семье), Големан (концепция оценки религиозной среды в социальном капитале) и Ф. Фукуяма. Само понятие «социальный капитал» встречается в научной литературе, справочниках и научных обзорах, интегрирующих социологические, политологические и экономические аспекты этой проблемы.

Содержание понятия «социальный капитал» характеризуется набором ресурсных элементов социальных отношений, отражающих степень развитости взаимодействия индивидов между собой в рамках той или иной общности. Сами по себе ресурсные элементы включают в себя такие представления в сознании людей, как: взаимное доверие (недоверие), взаимные обязательства, сплоченность, дружеские контакты, свобода индивидуальной мобильности, принадлежность к определенной социальной общности (профессиональной, художественно-творческой, родственной, соседской), социальные нормы и социальный контроль. Все эти ресурсные элементы могут быть измерены посредством социологических исследований.

На локальном уровне (городская среда) социальный капитал характеризует состояние развития социальных связей и взаимосвязей между жителями города, оценку ими деятельности социальных институтов города, состояние жизни людей (уровень благосостояния, степень социальной напряженности или комфортности, отношение индивидов к общественным мероприятиям «регулируемой демократии», солидарность или разобщенность людей и т.д.). В то же время социальный капитал на данном уровне может рассматриваться и в качестве социального инструментария блокировки отрицательных явлений в социальных сетях.

Прикладное использование категории «социального капитала» и его составляющих применительно к анализу состояния городского

социума промышленных текстильных центров российского Иванова и польской Лодзи позволит выявить и обрисовать ряд тенденций в изменениях социальной жизни горожан. Получили развитие (или сохранились) взаимоотношения между людьми в новых условиях, используются традиционные нравственно-этические нормы в их взаимоотношениях (доверия, уважения, честности, порядочности, корпоративности, солидарности, инициативности) или сформировались новые отношения коммерческого типа, возросли способности у людей к их самореализации (инициативности) или сохранились традиционные представления об опоре в проблемных ситуациях на государственные службы. Вместе с тем прикладное использование категории «социального капитала» поможет объективной оценке факторов в городской среде, влияющих на ее изменение, и в то же время способствующих созданию условий для оценки качественного потенциала самого социального капитала.

Существует два подхода использования понятия социального капитала для изучения процессов, связанных с развитием общественных процессов в городской среде. Первый характеризуется тем, что ряд социологов рассматривает социальный капитал как плодотворный концептуальный инструмент политики, и в этом качестве он может влиять на экономические процессы. В реальной практике хозяйствующий субъект функционирует в определенной сети экономических и социальных связей, скрепленной каналами поступления информации, общими правилами ее интерпретации и образцами поведения. Участники данной сети, имея общие ценностные ориентации, формируемые посредством культурных механизмов – через религию, традиции, исторические обычаи, а также практикой совместного решения проблем выживания и приспособления к новым экономическим условиям - одинаково воспринимают поступающую к ним информацию и точнее интерпретируют действия других участников сети. Это снижает степень неопределенности, сокращает издержки координации в рамках данной сети, способствует появлению норм взаимной поддержки. В таком понимании социального капитала рассматривается его влияние посредством социокультурных факторов на экономическое взаимодействие. Среди таких факторов следует выделять: социальные нормы, социальную мобильность, мотивацию хозяйствующих субъектов, выступающих в качестве

факторов, повышающих эффективность функционирования экономической деятельности.

Второй подход отличается от предыдущего тем, что представители различных лагерей научного знания как: историки, политологи, антропологи, экономисты, социологи видят содержание социального капитала в пределах своей области и исключают его междисциплинарное содержание, что явно не создает условия для нахождения общего языка в формировании теории социального капитала.

В социально-экономическом знании чаще всего социальный капитал определяется как социальные связи и отношения, экономические действия и ресурсы, разнообразные нормативные отношения, в основе которых лежат этические принципы ответственности и доверия, а также определенные индивидуально-личностные качества субъекта, которые существенно воздействуют на суммарную величину состояния социального капитала. Анализ этой категории позволяет выявить и охарактеризовать ресурсы социальных связей и отношений, необходимых для существования и нормального функционирования общества, его институтов и учреждений. Оно также позволяет характеризовать человеческие качества, необходимые для сохранения конкретного уровня общества, его стабильности, преемственности или изменчивости.

В экономической науке социальный капитал используется преимущественно в трактовке Дж. Коулмана, где он предстает в качестве инструмента, который позволяет использовать экономические принципы рационального поведения в анализе социальных систем. По мнению Дж. Коулмана, социальный капитал – это не просто элемент внешней среды, независимый от действий хозяйствующего субъекта, это – его особый ресурс, в который он готов инвестировать. Ученый пишет: *«акторы сознательно устанавливают отношения и поддерживают их до тех пор, пока они выгодны»*. С экономической точки зрения важно, что социальный капитал, как особый ресурс, дополняет и способен замещать другие экономические ресурсы и, таким образом, ведет к снижению как производственных, так и трансакционных издержек. В трактовке Дж. Коулмана, социальный капитал – это любое проявление неформальной социальной организации, продуктивный ресурс для одного или более акторов. Исследователь выделяет формы проявления социального капитала: социальный капитал как

концентрация невыполненных обязательств, социальный капитал как информационные каналы, социальный капитал как эффективные нормы, подкрепленные санкциями. Рассматривая социальный капитал как ресурс, используемый хозяйствующим субъектом в его деятельности, Дж. Коулман делает акцент на его общественной (а не просто групповой) природе. При этом он отмечает, что социальный капитал облегчает определенные действия акторов, он продуктивен, т.к. способствует достижению целей, добиться которых при его отсутствии невозможно.

В исследованиях представителей Мирового банка используется трактовка социального капитала как *«...сети контактов и взаимоотношения между людьми, способствующие доверию и формирующие качество и количество социальных взаимодействий в обществе»*.

Содержание понятия социального капитала в философской интерпретации Ф. Фукуямы определяется, как *«набора неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и делают возможным сотрудничество внутри этой группы»*. Этот же ученый связывает понимание социального капитала с определенным потенциалом общества или его части, возникающим как результат доверия между его членами.

В работах другого исследователя проблемы социального капитала, Р. Патнэма, эта категория рассматривается в качестве элемента общественной организации (социальные сети, социальные нормы и доверие). *«Социальный капитал, – пишет Р. Патнэм, – воплощенный в нормах и сетях гражданского участия, является, по всей вероятности, предварительным условием экономического процветания, так же как и эффективное самоуправление»*.

П. Бурдьё характеризует социальный капитал как *«совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институтированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе. В группе члены получают опору в виде коллективного капитала, психологической поддержки, «репутации», позволяющих им получать кредиты во всех смыслах этого слова»*.

В российской научной литературе концепция социального капитала используется, в большей степени, для анализа процесса постсоциалистической трансформации общества и новых реалий в экономике. Трактовки социального капитала характеризуются с

точки зрения «вклада социальной организации в производство», механизма балансирования производственных, экономических и социальных интересов экономических агентов, условия повышения конкурентоспособности и устойчивости хозяйствующего субъекта в сетевом взаимодействии.

Ряд учёных при трактовке социального капитала в центр внимания ставят структуру связи между индивидами, принадлежащими к одной социальной группе. Можно это определять как локальный уровень социального капитала, в котором, с одной стороны, прослеживается социальная связь индивида с его окружением, характеризуемая как внешнее взаимоотношение, но по отношению ко всей социальной группе (коллективу) эта связь является внутренней. Другой подход к проблеме сущности социального капитала сводится к понятию, что социальный капитал – это «*охватывающий*» капитал, поскольку он охватывает социальные структуры и укрепляет связи коллективного субъекта (организации и институции) к подобному ему субъекту в вертикальной и горизонтальной направленности. Таким образом, можно представить другой уровень отношения субъектов одной социальной группы с другими социальными субъектами, т.е. к разным социальным группам.

На примере городского социума промышленного центра при анализе подобных связей можно выявить степень развитости и реализации корпоративности и солидарности со стороны различных социальных групп в решении городских проблем обустройства культурно-исторических объектов, рекреационных зон, проведения различного рода массовых мероприятий (фестивалей, национальных праздников), а также при выяснении отношения к городским властям. Исходя из вышесказанного, социальный капитал, с одной стороны, можно рассматривать в виде *социальной связи*, ориентированной на укрепление внутренних структур, организаций и всех элементов, поддерживающих взаимосвязь индивидов. С другой стороны, социальный капитал можно представить и в виде *средства достижения цели* сознательной деятельностью индивидов, организаций, социальных групп и всего общества в рамках социальных сетей на основе доверия, общих норм и принятых правил. В таком случае социальный капитал обеспечивает согласованность принципов и методов управленческой деятельности,

способствует сохранению целостности и развитию всех сфер жизнедеятельности общества.

Важным моментом в теоретической постановке вопроса о социальном капитале является построение модели его структуры. В структуре социального капитала, по мнению некоторых исследователей, наиболее значительными элементами являются те из них, которые характеризуют его динамику, изменения во времени и пространстве. Обычно выделяют четыре элемента социального капитала – *социальные сети, общие нормы, ценности и доверие*. Ряд исследователей рассматривают в структуре социального капитала только три элемента - *социальные сети, общие нормы и убеждения, а также доверие*, как обязательное условие его формирования.

Модель социального капитала имеет многофункциональный характер, поскольку ещё включает в себя группу функций, без которых он (социальный капитал) не сможет обеспечивать общественное согласие. Эти функции связаны: а) с личностными, б) организационными и в) общественными элементами структуры. Функциональный потенциал жизнедеятельности общества сконцентрирован вокруг особого способа индивидуального существования, который служит центром притяжения для всех социальных институтов.

Социальные сети (как один из элементов социального капитала) редуцируют к гражданским обязательствам по укреплению межличностного общения в основном в «горизонтальной плоскости».

Нормы, правила, убеждения – необходимые, но не вполне достаточные условия осуществления разного рода социальных связей и формирования социального капитала. В контексте данного элемента социального капитала проявляются такие свойства социальных взаимоотношений, как солидарность, сотрудничество, взаимодействие и взаимопомощь индивидов. Посредством норм происходит идентификация индивидов в социальном и эмоциональном аспектах, что характеризует их как полноценных членов социальной группы или общества. Правила и убеждения оказывают значительное влияние на социальный капитал, т.к. они поддерживают и закрепляют социальную практику в форме устойчивых формальных и неформальных институций, способствуя тем самым укреплению общности на различных ее уровнях, усиливают солидарность между индивидами, группами.

Несмотря на различие трактовок, практически все авторы признают, что основная роль социального капитала состоит в том, что он способствует укреплению доверия между участниками контрактов на основе социальной идентичности и возможности предвидения действий участников взаимоотношений, на основе разделяемых ими норм. Он позволяет хозяйствующим субъектам лучше интерпретировать действия друг друга, снижает неопределенность и риск оппортунистического поведения.

Социальный капитал тесно взаимосвязан с доверием. Эта взаимосвязь и взаимозависимость способствуют сотрудничеству, формируют общие ценности и укрепляют друг друга. Доверие рассматривается чаще всего как *принцип морали*. В таком качестве оно способствует установлению социальной «сцепки» межличностного, организационного (корпоративного) и общественного (институционального) характера. Доверие можно определять и как своеобразный «термометр» социального здоровья общества, поскольку отношения между людьми, регламентируемые законом, в большей мере базируются на моральных оценках, тем более, что мораль является той формой самоорганизации и регуляции, которая не опосредована насилием.

Выделение категории «доверия» в качестве самостоятельного объекта исследования социальной среды промышленного города в большей степени затрагивает нравственно-этические проблемы во взаимоотношениях людей между собой, а также между индивидами внутри группы, между группами, ибо «*город, как замечал Аристотель, есть единство непохожих*». Суждения людей друг о друге, оценки поведения коллег в коллективе выстраивают локальный микромир, в котором доверие может быть определяющим фактором, влияющим на результативность деятельности конкретного коллектива. Возможно и обратное. Там, где отношения доверия не развиты или им не придается значения, в большей степени формируется отчуждение в отношениях между людьми, коллеги просто терпят друг друга и не более. Доверие характеризует отношения родственного или соседского проживания, уверенность в том, что их поведение вызывает положительные оценки, и исходя из этого, на таких людей можно положиться в какой-либо жизненной ситуации. Подобное можно проследить и во взаимоотношениях социальных групп в городской среде. Там, где проживают представители различных диаспор, особенно это касается

представителей не титульной национальной и религиозной принадлежности, при отсутствии отношений доверия между которыми возможны межэтнические конфликты (например, известный конфликт в городе Кондопога возник по причине межэтнической неприязни). Доверие как социальное отношение можно рассматривать в различных плоскостях теоретического анализа: *горизонтальный тип доверия*, характеризуемый отношениями между родственниками, соседями, близкими коллегами, людьми равного статуса в группе; *вертикальный тип доверия* в большей мере проявляется в отношениях между членами какой-либо организации, где выстраивается иерархия отношений, указывающих на должностной статус. Этот тип доверия характеризуется также отношением к властным институтам, он может проявляться как политическая поддержка мероприятий власти, так и кризис доверия к ней (последнее обстоятельство наиболее четко может проявляться во время выборных компаний, когда люди могут выразить свое отношение неявкой на выборы и тем самым окажут недоверие политическим организациям).

Методологические аспекты исследования взаимосвязи социального капитала и доверия как «парных» категорий показывает, что они являются значимым ресурсом в решении социально-экономических проблем. При анализе взаимосвязи социального капитала и доверия следует учитывать критерии этой взаимосвязи: ситуация, источники, интенсивность, характер протекания, социокультурные основания и т.д. Доверие, формируясь на социальном поведении индивидов, целиком и полностью определяет дихотомию парности «социальный капитал+доверие», которая гарантирует прочность общинных связей, при наличии таких факторов, как прозрачность и прогнозируемость действий власти, партий и государства, низкий уровень коррупции, независимая система судебных органов, надежная гарантия имущественных прав индивидов. Это только некоторые черты общества, в котором индивидуальная и общинная инициатива может быть успешной.

Вопреки вышесказанному о парности категорий «социального капитала» и «доверия», ряд исследователей (П.С. Адлер, С.В. Квон и др.), давая высокую оценку социальному капиталу, как одному из факторов эффективной деятельности организации, моральных норм, методологически не увязывают его с проблемами доверия, моральных норм, ценностей. По мнению учёных (Л. Араухо, Дж.И.

Истон), социальный капитал является своеобразным «социальным клеем», соединяющим все элементы социальных связей. Эти точки зрения и подходы анализа оставляют несколько в стороне доверие как одного из главных элементов, без которого невозможно функционирование социального капитала.

Социальный капитал, как запас социальных контактов экономического агента, в отличие от других видов капитала, определяет издержки координации экономической деятельности (транзакционные издержки) и лишь опосредованно, через диктуемый ими выбор принципов организации деятельности, ее направлений и контрагентов, воздействует на издержки производства. То есть социальный капитал является понятием, относящимся к уровню координации экономической деятельности и позволяет выделить ее социальный и институционально-культурный контекст. Отсутствие непосредственного воздействия на экономические параметры и непосредственного персонифицированного дохода, как выгод его использования, существенно затрудняет рассмотрение социального капитала в рамках подхода *mainstream* и выводит его в пограничную сферу исследования, смежную с экономическими науками (психологию, социологию, экономическую социологию).

3.2. Измерение изменений в социальном капитале жителей промышленных городов

Составление мониторинга изменений в социальном капитале жителей промышленного центра происходило посредством анализа нескольких важных его элементов: самоидентификации жителей города в качестве коренных жителей, их связанности социальными группами и движениями (партиями), доверия на различных уровнях в городской среде (первичный-горизонтальный, вторичный-вертикальный). Базой для анализа являлись статистические данные, полученные в ходе социологических исследований, проводимых в Иванове с 2005 по 2009 гг. В первую очередь, прослеживались изменения в социальных сетях городской среды путем выявления принадлежности респондентов к городскому социуму. Для этого перед респондентами был поставлен вопрос: ***«Как часто в разговорах с незнакомыми людьми Вы определяете себя в качестве коренного жителя (ницы) города?»*** Результаты обработки данных (табл. 17.) показали, что большинство респондентов (43,3% в 2005 г.

и 40,0% в 2009 г.) идентифицируют себя с городским социумом в качестве коренных жителей. К этой группе можно отнести также жителей города, которые склонны к подобной самоидентификации, но не всегда определяющих себя в качестве коренных жителей, на это указали 35,1% в 2005 г. и 40,4% в 2009 году. Анализ гендерного аспекта при рассмотрении данного вопроса подтвердил вышеуказанные статистические данные и показал, что большинство респондентов мужского и женского пола идентифицируют себя в качестве коренных жителей города.

Таблица 17

Самоидентификация ивановцев как коренных жителей города [3:12,14-15]

Варианты ответов	Общее,%				Мужчины,%				Женщины,%			
	2005г.	2006г.	2008г.	2009г.	2005г.	2006г.	2008г.	2009г.	2005г.	2006г.	2008г.	2009г.
Всегда	43,4	40,6	49,0	40,0	42,5	40,0	50,6	38,4	43,9	41,1	48,2	41,4
Иногда	35,1	40,6	31,5	40,4	36,8	38,5	28,6	40,2	34,4	42,2	32,9	40,5
Никогда	20,8	18,8	19,5	19,6	20,8	21,5	20,8	21,4	20,6	16,7	18,8	18,1
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

При учете возрастных групп респондентов выявилась некоторая особенность в количественных параметрах определения самоидентификации ивановцев в качестве коренных жителей, что отражено в табл. 18. Наибольшее число ивановцев в возрасте 18-30 и 31- 54 лет идентифицировали себя как коренные жители.

Таблица 18

Самоидентификация респондентов в качестве коренных жителей с учетом возрастных групп [3:12,14-15]

Варианты ответов	Общее , %				18-30 лет, %				31-54 лет, %				65 лет и старше, %	
	2005	2006	2008	2009	2005	2006	2008	2009	2005	2006	2008	2009	2005	2009
Всегда	43,4	40,6	49,0	40,0	48,6	44,0	42,3	44,8	48,7	37,8	49,6	34,5	38,0	43,0
Иногда	35,1	40,6	31,5	40,4	20,0	38,4	34,1	32,7	31,6	44,7	32,8	44,2	42,1	45,1
Никогда	20,8	18,8	19,5	19,6	31,4	17,6	23,6	22,4	19,7	17,5	17,6	21,4	19,9	11,8
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Задача выявления у ивановцев связей **социального и эмоционального характера** решалась посредством определения уровней связанности городских жителей. Для достижения этой цели респондентам были заданы вопросы: *«Люди по-разному чувствуют*

себя связанными с разными социальными группами. С какими из указанных групп Вы больше всего связаны?»

Выявление статистической закономерности связанности между индивидами, индивидом и группами показало, что **первичные связи** респондентов - это контакты с родственниками, соседями, коллегами, **вторичные**—это контакты между людьми в учреждениях, организациях, приходе, внутри этнической общности, с городской общностью (табл. 19). Причем первичные связи доминируют над вторичными контактами. Статистически это выглядит следующим образом: **связи с коллегами по работе, учебе** (30,8% в 2005г. и 23,8% в 2009г.), **родственниками** (30,0% в 2005 г. и 45,0% в 2009 г.), **соседями** (16,3% в 2005 г. и 13,2% в 2009 г.). Объяснением этого феномена является то, что большую часть времени жители Иванова проводят на работе, учебе, где сформировался достаточно благоприятный климат как для общения, так и для профессиональной деятельности, а родственники являются основной поддержкой, главным источником помощи в создавшихся непростых социально-экономических условиях в жизни города и стране в целом.

Таблица 19

Оценка связанности жителей города с социальными группами и социальными институтами [3:12,14-15]

Варианты ответов	2005 г.	2006 г.	2008 г.	2009 г.
С ближайшими соседями, %	16,3	10,3	9,9	13,2
С коллегами по работе, учебе, %	30,8	31,4	30,6	23,8
С учебным заведением, учреждением, организацией, предприятием, %	15,6	14,0	10,8	14,2
С религиозным приходом, %	0,7	0,2	1,5	1,9
С городским обществом, %	4,3	4,0	2,3	1,3
С родственниками, %	30,0	35,0	43,7	45,0
С этнической группой, %	2,7	1,5	1,0	0,6

Последнее предположение подтверждают результаты обработки ответов на вопросы: **«Есть ли среди Вашего окружения в городе люди, к которым могли бы обратиться за помощью в трудную минуту?»** и **«В случае создавшихся проблем к кому Вы, в первую очередь, обращаетесь за помощью?»** Почти все респонденты (95,8%) отметили, что люди, которые готовы помочь им в сложных ситуациях в городе есть, но, по мнению 63,5% опрошенных, таких

людей мало. И, в первую очередь, подавляющее большинство респондентов (83,3%), столкнувшись с проблемами, обращаются за помощью к своим родным и близким. Интересным фактом, выявленным в ходе исследования, является то, что дружеские и родственные связи остаются определяющими при решении ряда жителей города покинуть Иваново по каким-либо причинам.

Касаясь оценки связей с соседями, обращает на себя, с одной стороны, тот факт, что при потере родственных связей соседские связи становятся для многих людей основными, о чем свидетельствуют данные исследования. Но, с другой стороны, исследования показали на тенденцию снижения соседских связей, несмотря на их территориальную близость. К сожалению, также и не редки случаи, когда люди даже не знают, кто проживает с ними рядом на лестничной площадке или в соседнем доме. Можно предположить, что это связано или с низким уровнем доверия со стороны жителей города, или частыми случаями переселения и смены жительства в городе.

Связи вторичного уровня за соответствующий период характеризуются тенденцией на их снижение: **с городским обществом** с 4,3% до 1,3%; **с учебным заведением** (предприятием, учреждением) с 15,6% до 14,2%; **с этнической группой** – с 2,7% до 0,6%. Вероятно, это можно объяснить с создавшейся ситуацией кризиса доверия со стороны жителей города к властным институтам, некоторой пассивностью людей по отношению к мероприятиям «регулируемой» демократии со стороны властей.

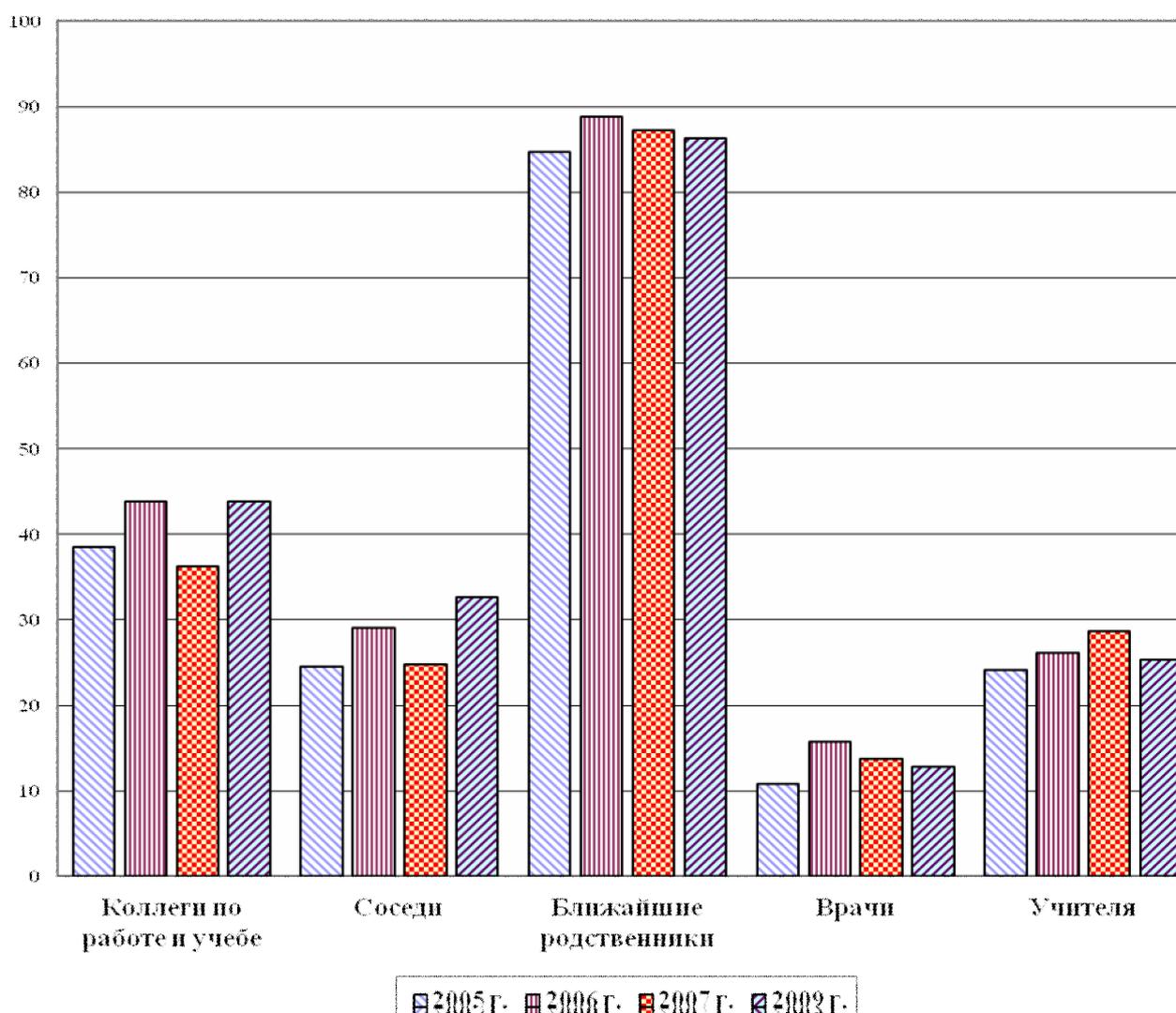
Несколько иначе статистически выглядят **связи с религиозным приходом**. Эти связи характеризуются увеличением (с 0,7% до 1,9%), что находит отражение в общей тенденции в обществе на возрождение и увеличение религиозной практики в конфессиях современного **российского общества** (табл.19).

Важным моментом в социологическом исследовании была оценка **доверия** со стороны респондентов к окружающим их людям и социальным институтам. Измерение данного элемента социального капитала за обследуемые четыре года существенных изменений не выявило. Для определения степени доверия со стороны жителей города был поставлен вопрос: **«В какой степени Вы доверяете в городе людям, с которыми находитесь в частых контактах? Это позволяло проследить динамику доверия первичным и вторичным группам, а также городским социальным институтам. Как на первом**

этапе исследования, так и в последующих исследованиях рейтинг доверия возглавляют первичные социальные структуры: родственники, коллеги по учебе и работе (диаграмма 1). Так, например, уровень доверия родственникам составлял 47,2% в 2005 г. и до 2009 г. не изменился – 47,5%. Довольно стабильным остается доверие к коллегам по работе и учебе (38,5% и 44,9% в соответствующие годы).

Диаграмма 1

Оценка состояния доверия респондентами Иванова по отношению к первичным и вторичным группам

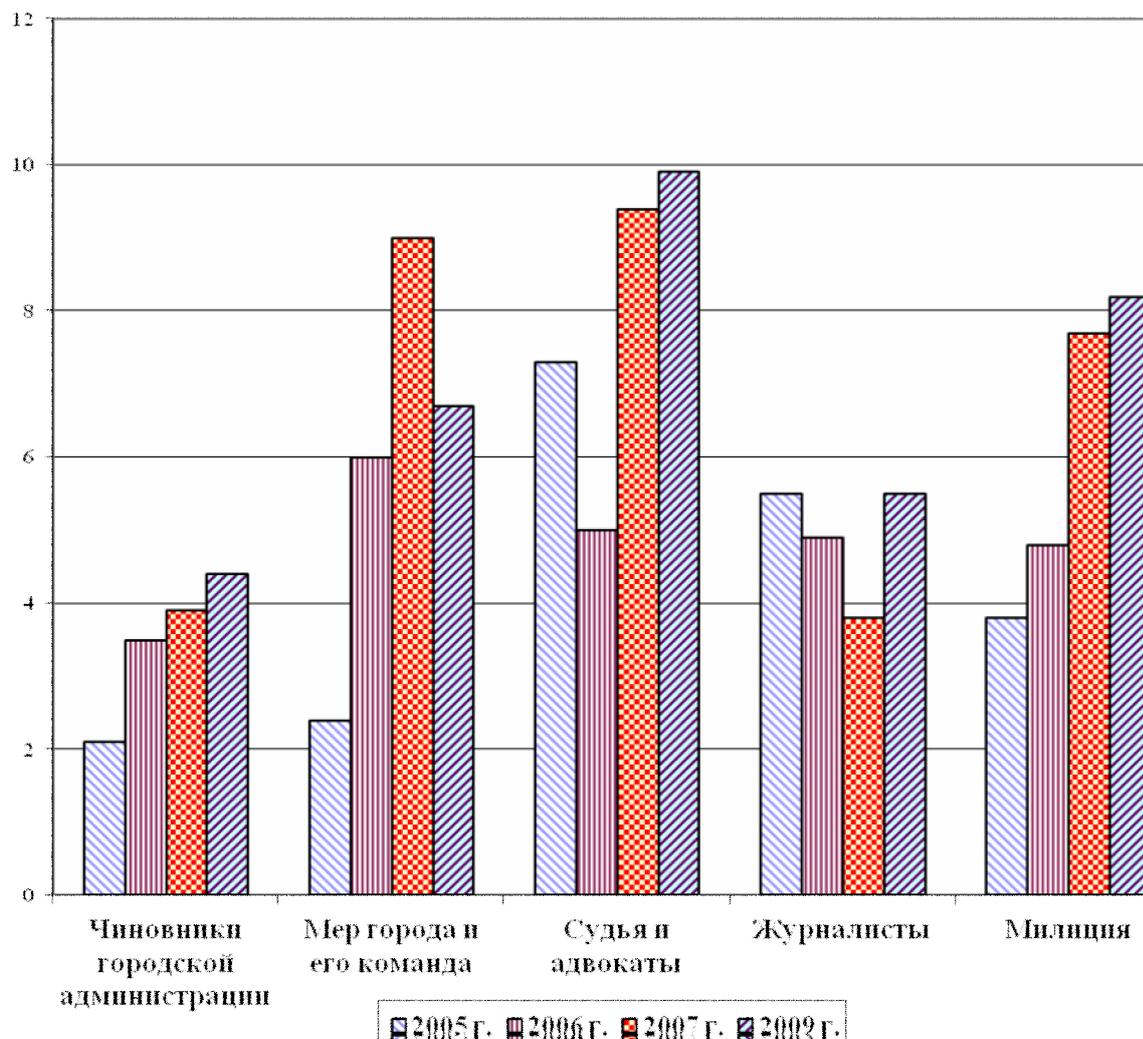

Если рейтинг доверия родственникам и близким в динамике остается неизменным, то по отношению к публичным институтам и органам власти, с одной стороны, он был невысоким, с другой – хотя незначительно, но все же меняется в сторону увеличения.

Интересно было проследить динамику доверия городским институтам.

Диаграмма 2

Оценка состояния доверия в социальном капитале респондентами Иванова по отношению к городским социальным институтам

Респондентам был задан вопрос: «*В какой степени Вы доверяете городским социальным институтам?*» Так, в 2005 году доверие меру города и его команде высказали только 2,4% опрошенных, а в 2009 году их число выросло до 7%; чиновникам городской администрации в 2005 году доверяли 2,1% респондентов, а в 2009 году доверие администрации города высказали 4,5% респондентов. Заметно повысился уровень доверия милиции: с 3,8% в

2005 году до 8,3% в 2009, а также судьям и адвокатам с 7,4% до 10,0% в соответствующие годы.

Динамика изменения критерия доверия обнадеживает. Можно предположить, что мы постепенно выходим из кризиса доверия публичным институтам и органам власти. В последние годы происходят видимые изменения в обустройстве города: облагораживается набережная реки Уводь, строятся новые дома и даже микрорайоны, предпринимаются эффективные меры по уборке города, а также реализуются национальные проекты и социальные программы. Все это объективно «работает» на рост доверия общественным и властным институтам. Прослеживается некоторая положительная динамика в отношении к месту своего проживания. Так, исследования показали на сокращение численности жителей, недовольных своим проживанием в Иванове (с 21,5% в 2005 г. до 11,2% в 2009 г.) и увеличение численности жителей, которых удовлетворяет городская среда (с 78,5% в 2005 г. до 88,8% в 2009 г.). Интересен и тот факт, что увеличился процент респондентов (с 14,2 в 2005 г. до 27,6 в 2009 г.), считающих, что Иваново будет самым лучшим местом жительства для их детей. Скорее всего, это связано, в первую очередь, с наличием достаточно большого количества высших и средних специальных учебных заведений в городе, что способствует высокой возможности получения профессионального образования (на это указали 84,6%), а 53,8% респондентов отметили: в городе есть все условия, для того чтобы реализоваться как личности и состояться в профессиональном плане.

Однако, несмотря на некоторые положительные оценки респондентов о некоторых сторонах жизни Иванова, город характеризуется состоянием депрессивной экономики, поэтому большая часть респондентов высказывала желание покинуть город (37,9% респондентов в 2005 г. и 55,9% в 2009 г.). Причины этого мало изменяются во времени и кроются в экономической жизни города. Так, около 30% опрошенных на всех этапах исследования отметили, что город не имеет экономического динамизма, а отсюда реализация возможности получения заработка, удовлетворяющего потребности специалиста, невысока (на это обстоятельство указало около 30,0%).

Немаловажным показателем в модели социального капитала является такой ее элемент, как **принадлежность индивида к каким-либо общественно-политическим организациям и его участие в общественно-политической жизни города**. Анализ этого элемента

социального капитала в жизни горожан за обследуемые четыре года показал, что среди жителей Иванова проявляется невысокая их активность в городской среде. Так, стремление к получению информации о жизни города проявляется лишь у 30,0% горожан, а одобрение начинаний городских властей находило только у 20,0% (табл. 19). Неизменно низким процентом (около 5% за все четыре года) оставался процент принадлежности ивановцев к каким-либо общественно-политическим организациям (движениям) в городе.

На формирование социального капитала жителей города оказывают влияние **объективные** (политика городских властей, функционирование социальных институтов, транспортная система) и **субъективные** факторы городской среды (наличие или отсутствие социального беспокойства, социального комфорта или дискомфорта, ощущение безопасности жителями, оценка возможности профессионального роста). Изучение указанных факторов показало, что в городе сформировалась определенная социальная среда для реализации горожанами своих представлений о жизни в городе. Так, по мнению респондентов, многие ивановцы состоялись в своем городе как профессионалы в своей сфере деятельности (58,2%); как семейные люди (67,1%); как друзья и единомышленники (78,5%). В Иванове, по мнению большинства респондентов, есть возможность завязать новые контакты (80,6%), интересные знакомства (84,4%), стать участником какого-либо общественного движения (71,5%). Но вместе с тем в городской среде имеют место проблемы, которые вызывают у жителей города беспокойства. Так, у 60,4% респондентов сохраняется боязнь остаться без средств существования; 50,4% - беспокоятся за безопасность жизни семьи и детей; 53,0% - тревожит несправедливость по отношению к окружающим их людям. Перечисленные представления и оценки объясняются, главным образом, нестабильной экономической ситуацией в городе, состоянием криминогенной обстановки, а также не всегда эффективной работой сотрудников правоохранительных органов и представителей других властных структур.

Все вышеуказанные факты, находят свое отражение в настроениях жителей города. Респонденты отмечали наличие у ивановцев пессимистического настроения (об этом заявили 62,4% респондентов), причем это состояние прослеживалось во всех возрастных группах на всех этапах исследования.

Таким образом, мониторинг социального капитала и доверия в городской среде Иванова показал, что изменения в системе социальных сетей характеризуются невысокой их динамикой. Это связано, главным образом, с относительно низким уровнем доверия ивановцев социально-политическим институтам, нежеланием принадлежать тем или иным общественным организациям, наличием в городе множества нерешенных социально-экономических проблем.

Для изменения создавшейся ситуации необходимо властным организациям постоянно отслеживать картину состояния городского социального климата, посредством анализа которой можно улавливать те проблемы, которые в большей степени волнуют горожан. Желательно анализировать причины пассивности жителей города, тем самым видеть общественное мнение по отношению к инициативам городской администрации. Полагаем, что необходимо больше рекламировать мероприятия Дома национальностей и тем самым формировать у населения толерантную позицию к этническим общностям, проживающим в городской среде. Доверие в отношениях между людьми не формируется сразу и беспричинно. Желательно в городских СМИ чаще вести разговор о нравственно-этических принципах тех или иных этнических групп, проживающих в городской среде, особенностях практики в религиозных конфессиях, состоянии бытовой жизни горожан, отношениях между жителями города и т.д. Немаловажным обстоятельством, влияющим на городскую среду, является и обращение к традициям в жизни людей, развитие которых делает городскую среду более восприимчивой и позитивно оцениваемой жителями, что тем самым способствует устойчивости городского общества.

Социальные изменения в социуме Иванова интересно было проследить с состоянием социальной среды его побратима, города Лодзь в Польше. Оба текстильных центра стран испытали на рубеже XX-XXI вв. одинаковые потрясения, приведшие к постепенной утрате ими черт ведущих промышленных центров в текстильном производстве. Наиболее четко эти изменения проявились в лавинообразном повышении уровня безработицы, который значительно превышал подобное явление в других городах обеих стран. Ивановский регион по данному показателю в 90-е годы был лидером в России, уровень безработицы составлял 27-28%, в Лодзи безработица колебалась в пределах 17,6% - 22,2% (1995 - 2002 г.). Появление в постсоциалистических городах феномена безработицы,

да еще в таких размерах, свидетельствовало о глубоком в них экономическом кризисе. Сокращение числа промышленных предприятий с их многотысячными коллективами сказалось на резком снижении жизненного уровня жителей этих городов, вызвала фрустрацию в сознании и поведении значительной массы людей, характеризуемую утратой ими уверенности в жизни, ростом пауперизации и патологическими явлениями (суицидностью, наркоманией, социальной дезорганизованностью, преступностью).

Сложное социально-экономическое положение в городах сказалось на демографической ситуации в них. Анализ демографических данных показывает, что в городах сохраняется четкая тенденция к сокращению численности населения (за период с 1990 по 2005 гг. число жителей в Лодзи сократилось с 845,3 тыс. до 789,3 тыс. человек, жителей в Иванове за соответствующий период с 486 до 421 тыс. человек). Причем в обоих городах сохраняется высокий коэффициент феминизации (в Лодзи на 1000 мужчин приходится 1190 женщин, в Иванове – на 1000 мужчин -1260 женщин) [3: 12,14-15]. Такой высокий уровень диспропорции между мужским и женским населением в обоих городах сохраняется по преимуществу среди жителей старшего возраста, в основном за 60 лет. В социумах городов сохраняется тенденция низкой средней продолжительности жизни, особенно, это касается лиц мужского пола. Довольно четко в социумах обоих городов наблюдается процесс старения населения. Лодзинский социум считается наиболее старейшим среди десяти крупных городов Польши. В составе населения 19,2% нетрудоспособные в пенсионном возрасте. В Иванове эта категория лиц составляет более 20%. В обоих городах имеет место высокий уровень смертности (в Иванове в исследуемый период уровень смертности в 2,6 раза превышал число родившихся). К сожалению, сохраняется еще высокий уровень младенческой смертности. В городах сохраняется высокий уровень смертности от неестественных причин: убийств, отравления от чрезмерного употребления алкоголя, суицида. На негативное состояние демографии в городах сказывается неустойчивость молодых семей, распад брачных пар, вследствие чего и уменьшение рождаемости. При сохраняющейся тенденции неблагоприятной демографической ситуации и абсолютной убыли населения, а также сохраняющегося низкого его уровня жизни экономика города может столкнуться в недалеком будущем с проблемой обострения трудовых ресурсов.

Лодзь и Иваново, испытывая на себе депрессивное состояние в экономике, постепенно превращаются в города поставщиков активной рабочей силы. Касательно Лодзи существует определенный стереотип оценки города, *«... из которого уходят талантливые и предприимчивые люди, их решения чаще всего обоснованы отрицательным мнением о городе и возможностями достигнуть в нем финансовый успех»*[Frykowski, 3:13]. Это явление подтверждает, с одной стороны, тенденция, которая проявилась особенно у молодых жителей Лодзи – выпускников лодзинских вузов, которые после окончания учебного заведения ищут работу в Варшаве. С другой стороны, нет мест работы для образованных людей, так как существует небольшое количество фирм, дающих шанс на развитие и соответствующую зарплату. Эта ситуация, прежде всего, объясняется очень невысоким объемом привлечения иностранных инвестиций в Лодзь. По показателю инвестиционной привлекательности Лодзь занимает всего лишь десятое место. Опередили Лодзь такие города Польши, как Варшава, Познань, Краков, Вроцлав (находящиеся в ведущей группе), Зелёна Гура, Ополе, Щецин.

Социологические опросы в Иваново показали, что экономика города находится в кризисном состоянии, вследствие этого существует социальная напряженность в трудоустройстве людей, низкий уровень жизни большей части населения города, сохраняется высокий уровень преступности. Наряду с этим респонденты отмечают относительно невысокую удовлетворенность населения транспортными услугами, рост коммунальных платежей, жилищные проблемы. Такие оценки свидетельствуют о том, что среди части городских жителей проявляются чувства неудовлетворенности средой проживания в Иваново (по данным опросов лишь 19% респондентов абсолютно удовлетворены жизнью в городе, абсолютно не удовлетворены – 20%). Свое будущее коренные ивановцы определяют следующим образом: планируют уехать навсегда из Иванова 19,1% респондентов, думают о возможном переезде в другие экономически активные регионы (37,9% респондентов в 2005 г. и 55,9% в 2009 г.). В ответах на вопрос о будущем своих детей 67,7% респондентов считают, что это будущее должно состояться за пределами Иванова. Такой высокий процент респондентов, пожелавших своим детям проживать в дальнейшем не в Иваново, показывает, что город в данное время не является лучшим местом для их жительства, и это объясняется современной неблагоприятной

социально-экономической ситуацией, сложившейся в нем. Что интересно, подобные мнения доминируют и в глубинке области. В большей степени планируют выехать из Иванова жители Ленинского района города (36,4% респондентов). Это состояние высокой мобильности объясняется тем, что в Ленинском районе сосредоточены высшие учебные заведения и молодежь стремится к поиску своего места в жизни. В меньшей степени желание покинуть город наблюдалось у жителей Советского района (12,7%). В последнем довольно силен частный сектор, что объясняет привязанность к дому и занятию на земле, последнее обстоятельство в некоторой степени снижает напряженность в случае потери рабочего места [3:12].

Определение склонности к мобильности по критерию «возраст жителей» показало, что доминируют в предпочтениях к мобильности люди в возрастной группе от 18 до 29 лет. В наибольшей степени в этой возрастной группе планируемая мобильность проявляется у женщин (52,7%). В этом случае следует учитывать возраст молодых женщин, их желание сменить традиционную профессию текстильного профиля на предлагаемую работу в столичном регионе или в заграничном трудоустройстве – горничными, нянями, менеджерами в отелях. Желание выехать в московский регион даже для работы на текстильной фабрике объясняется тем, что зарплата за подобную работу там выше, нежели в Иванове. Не исключается и желание молодых женщин устроить свою личную жизнь в другом регионе. Если принять во внимание зависимость склонности к мобильности, исходя из критерия «доход жителей города», то к пожелавшим выехать из Иванова, в первую очередь, относятся люди с доходом до 4200 руб. (65,4%). В этой связи интересно отметить, что 31% респондентов с доходом до 12000 руб. также категорично высказались за планируемый выезд из Иванова. Оценка предпочтений к выезду из города по критерию «уровень образования жителей» показывает, что планируют это действие люди с высшим (31%), незаконченным высшим (45,5%), со средним специальным (16,4%) образованием [3:12]. Таким образом, можно обрисовать социальный портрет мигранта из Иванова – высокоинтеллектуальный индивид, который не находит в городской среде условий для своей самореализации и соответствующего его способностям дохода.

Оценивая проблему миграции из Иванова, следует заметить, что на этот процесс оказывает влияние состояние инвестиционной привлекательности города, и, хотя она значительно возросла, среди с рядом находящимися городами Ярославлем, Костромой и Владимиром она пока достаточно низкая, что естественно не способствует сохранению активной и интеллектуальной рабочей силы в городе.

Характеризуя изменения, связанные с оценкой «социального капитала» в обоих городах, посредством использования критерия «оценка жителями деятельности отдельных сфер жизни города» (лодзинские респонденты) и «доверия или «недоверия» городским службам, отметим следующие моменты. Касательно социума Лодзи респонденты дали низкую оценку службам трудоустройства (68,6%), качеству окружающей среды (69,6%), состоянию здравоохранения (59,2%), несколько ниже были оценки сфере местной политики (47,5%), службам социального обеспечения (48,7%), полиции и городской охране (39,7%). Большое количество респондентов отмечали, что в настоящее время город Лодзь для его жителей является опасным местом проживания (39%). Пессимистической была оценка лодзинских респондентов и по отношению к решению многих проблем в городе [3: 12].

При анализе состояния «социального капитала» горожан в Иванове, в качестве критериев которого брались такие составляющие, как: **степень доверия** коллегам по работе, соседям по месту жительства, родственникам, власти в городе, журналистам, ивановской милиции, церкви; **уровень связей** между людьми; **формы оказания помощи; активность жителей** в общественно-политической жизни города, выяснилась следующая картина – житель города Иваново не замыкается в себя в условиях непростой социально-экономической ситуации и в равной степени доверяет коллегам по работе (52,0%), соседям по месту жительства (52,5%), в большей мере обнаруживается доверие родственникам (85,0%). В меньшей степени жители города доверяют органам администрации города, власти (13,5%), представителей которой они обвиняют в корыстности, карьеризме, безразличии к проблемам населения, понижении социально-экономических позиций региона. Общественное мнение против доверия власти сформировалось также под влиянием скандалов, связанных с коррупцией, перераспределением собственности, неудачами в экономической и

культурной политике. Низким оказалось доверие журналистам (25,0%), органам правопорядка (23,0%).

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в сложные периоды времени усиливается значимость соседских связей между людьми. Наиболее характерными для них являются такие формы отношений между людьми, как: совместное проведение свободного времени (53,5%); обмен новостями (48,7%); забота о больном человеке или ребенке не доминирует в соседских отношениях, но уровень их по данному критерию сохраняется все еще высоким (33%); сохраняются и такие формы соседских связей, как одалживание денег (45,5%), оказание соседями друг другу каких-либо услуг (62,8) и др.[3: 14-15] .

Для определения доверия респондентов к церкви были заданы ряд вопросов косвенного характера: *«Принадлежите ли Вы какому-либо религиозному приходу? Как часто посещаете церковь (мечеть)? Оказываете ли материальную помощь церкви или религиозным общинам?»* Из всей информации, полученной в ходе исследования, выяснилась следующая ситуация – **доверие церкви растет** и в этом прослеживается четкая динамика, но, вероятно, годы долгих запретов и гонения на религию, насаждаемый воинствующий атеизм все же сделали свое отрицательное дело – не многие респонденты высказывались за принадлежность к церковному приходу и систематическому посещению служб. Оказание материальной помощи со стороны населения религиозным организациям также оказалось невысоким. Это может быть объяснено, с одной стороны, низким уровнем жизни населения города и концентрацией денежных ресурсов на решении своих личных проблем. Однако было бы неправильным не видеть оказания материальной помощи со стороны состоятельных жителей города, частных предпринимателей. Восстановление и строительство религиозных сооружений осуществляется при их помощи, о чем свидетельствует увеличение действующих церквей и монастырей в городе и области.

Определение «политического лица» жителей города Иваново является также оценкой развитости (неразвитости) «социального капитала». Формирование такого «лица» позволяет определять активность или безразличие людей по отношению к общественно-политической жизни города. Как показали результаты исследования, большинство ивановцев политически неактивны. Об этом

свидетельствует отсутствие у них интереса к встречам с кандидатами в депутаты накануне местных выборов (69,8% респондентов никогда не принимали участия во встречах с кандидатами в органы самоуправления, 22,9% - редко). Еще меньший интерес проявляли ивановцы к кандидатам в президенты (86,8% не встречались с ними, 8% делали это редко). Большинство из респондентов (68,1%) указали, что никогда не убеждали своих соседей в необходимости участия в предвыборных кампаниях, более 90% не вносили никаких денежных средств в пользу избирательной кампании за какого-либо кандидата в депутаты. Оценивая принадлежность жителей Иванова к тем или иным политическим партиям (союзам, фондам), можно сказать, что здесь проявилась преемственность «отцов и детей», те и другие состояли (состоят) в одной и той же партии (союзе). С другой стороны, четко проявляется разброс политических предпочтений и даже деполитизация самих жителей, то есть они не отдают большинства предпочтений какой-либо одной партии (союзу, фондам) или не интересуются политическими движениями. По данным социологического исследования об электорате политических партий в предвыборной кампании 2005 года в городе можно наблюдать смену настроений избирателей от протестного типа голосования к более спокойному типу. Ивановская областная и городская КПРФ, партии «Родина» и пенсионеров - носительницы протестных настроений, имели в предвыборной кампании невысокий электорат, они сдали позиции Единой России и ЛДПР.

В ходе анализа социологической информации о социальном капитале жителей города Иваново был применен коэффициент Пирсона, посредством которого определялась зависимость между различными переменными, свидетельствующая о достоверности полученных данных. Так, при определении идентификации жителей города Иваново с местом рождения по полу преобладает женская часть населения, что подтверждается высоким значением коэффициента Пирсона, равным 0,823. Социальная мобильность жителей города в настоящее время и в расчете на будущее, исходя из критерия пола респондентов, в большей степени проявляется у женщин, значение коэффициента Пирсона было равным 0,435 и 0,444. В обоих случаях склонность к мобильности у женщин, главным образом, молодого возраста объясняется их стремлением обустроить свою будущую жизнь в более благополучном, в плане экономического развития, городе. При определении зависимости

критерия социального капитала «коммуникативные связи» с полом респондентов выявилось значение коэффициента Пирсона - 0,637. Эти связи больше развиты среди женщин, что объясняется их большей эмоциональностью, открытостью, контактностью. Однако в процессе анализа данных параллельно с переменными, имеющими тесную связь, были обнаружены не зависимые друг от друга переменные. Так, например, взаимосвязи между участием ивановцев в общественной жизни и полом не было выявлено, значение коэффициента Пирсона в данном случае оказалось равным 0, что говорит о равной степени общественной активности жителей города Иваново по гендерному признаку. Низкое значение коэффициента Пирсона (близкое к нулю) имело место и при анализе оценок комфортности жилья (наличие водопровода, канализации, центрального отопления), обустроенности быта (наличие холодильника, автоматической стиральной машины и т.п.), социально-демографических характеристик респондентов (пол, возраст, размер и источник доходов, уровень образования, социальный статус). Таким образом, сравнение социальных изменений в городах, промышленных текстильных центрах России и Польши показало не только на их историческую похожесть, но и близость их социально-экономического состояния в условиях модернизации социально-экономических систем.

4. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

4.1. К истории вопроса о религиозной жизни в России

Процесс глобализации охватил в разных странах не только сферы экономической и политической жизни общества, но и проявился в изменении ценностных представлений людей и формах деятельности, связанных с религиозной практикой. В мировом сообществе это нашло отражение в возвращении практик традиционных религий (например, православия, ислама и региональных религий в России) и в появлении множества новых религиозных движений (так называемых нью эйдж) с соответствующими им атрибутами и представлениями о ценностях жизни в обществе. Сам по себе этот факт, по мнению ряда философов (Д.Белла, А.Тоффлера, Т.Роззака, М.Элиаде), объяснялся следствием

цивилизационного сдвига в общественном развитии стран, вступивших в постиндустриальную фазу развития, а также проявлением молодежной контркультуры. В оценках данного процесса присутствует мнение, что это своеобразное проявление *«спиритуальной трансформации» современного общества и превращение его в «спиритуальный супермаркет»*. Проявление этого в современном российском обществе характеризуется процессом возрождения традиционных религиозных конфессий, религиозного сознания и нового миропонимания в жизни миллионов людей. Интересную оценку этому процессу высказал один из лидеров Церкви объединения Муна Г.Андерсон: *«...Кто-то же должен унаследовать место рухнувшей коммунистической империи»*.

На территории России досоветского периода конфессиональные общины были представлены крупными историческими религиями, как то: православное христианство вместе со старообрядчеством (Русской Старообрядческой Православной Церковью), ислам, ламаизм и буддизм, в некоторых крупных российских городах также иудаизм и ветви римско-католической христианской церкви, в районах Дальнего Востока – шаманизм и др.

Для религиозной жизни российского общества, начиная с первой четверти XX века и вплоть до 80-х годов этого столетия, ситуация была наполнена драматическими событиями (разрушение исторических памятников религиозной архитектуры, гонение вплоть до физического уничтожения сотен тысяч священнослужителей, закрытие религиозных епархий и издательских конфессиональных центров). Все это свидетельствовало о последовательной политике изгнания религии из российской общественной жизни.

В годы тотального разгрома религии в стране были закрыты десятки тысяч религиозных центров, уничтожены 200 тысяч священнослужителей и около полумиллиона их подверглось репрессиям. Это был своеобразный конфликт «отцов и детей», в котором новое поколение российских молодых людей реализовало курс воинствующего атеизма, участвуя в разрушении религиозных храмов, разграблении церковного имущества, уничтожении икон и религиозных книг под осуждающий ропот и молитвы верующих людей. Массовое гонение на религию началось в связи с принятием Декрета *«Об изъятии церковных ценностей»* (1922 г.), продолжалось все 30-е и в начале 40-х годов XX века. Этот разрушительный процесс получил определение *«безбожная пятилетка»*. В 1941 году,

к началу Великой Отечественной войны, на территории Российской Федерации в 25 регионах не действовало ни одного православного храма и мечетей, в 20 областях страны оставалось в каждой не более 5 действующих церквей.

Послабление деятельности религиозных конфессий в советском обществе имело место лишь в 1943 году и до конца Великой Отечественной войны частично были возвращены верующим храмы и мечети, восстановлены функции и права, статус религиозных центров и священнослужителей в них.

Об изменении государственно-церковных отношений со стороны советской власти свидетельствует важный политический акт - встреча И.В.Сталина 4 сентября 1943 года в Кремле с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). В ходе встречи был решен вопрос о возвращении из лагерей и ссылок священнослужителей, открытии приходов, издании журнала Московской Патриархии, образования Совета по делам религии при Совнаркоме СССР. Также для «утоления печали» о погибших на полях сражений было открыто несколько тысяч православных храмов, возобновилась деятельность Троице-Сергиевой и Киево-Печерской лавр и ряда монастырей на территории страны. В годы войны в Москве неоднократно осуществлялся крестный ход с выносом чудотворной Казанской иконы Божьей Матери, почитаемой в среде православных россиян. Известны многие факты, когда с фронтов приходили телеграммы в Москву с просьбой прислать материалы, содержащие церковные проповеди и другие руководящие материалы Православной Церкви. Однако уже по окончании войны гонения на религию возобновились [4:3,7]. Всего же за период с начала 20-х по конец 80-х годов XX века в стране были закрыты десятки тысяч церквей и более одной тысячи монастырей.

В 70-80-е годы XX века деятельность Русской Православной Церкви все еще была ограничена, при всем том, что при правительстве СССР действовал Совет по религиозным делам, который курировал вопросы религиозной жизни в стране (в каждой республике, крае, области функционировали подобные службы). Было принято обязательное присутствие в Комитете борьбы за мир представителя той или иной религиозной конфессии.

К периоду начавшегося процесса возрождения религии в конце 80-х годов прошлого века в стране функционировали лишь несколько

тысяч религиозных храмов (до 1922 года в стране насчитывалось 55 тысяч православных церквей и мусульманских мечетей).

Возрождение различных конфессиональных направлений в России, начавшееся с 1987 года, происходило в процессе постепенной передачи бывших культовых сооружений (церквей, мечетей, монастырей), занимаемых в советское время под хозяйственные помещения (склады, магазины, машинотракторные ремонтные мастерские, кинотеатры, коммунальные общежития, архивы и пр.) местным епархиям для восстановления их и организации в них религиозной практики. В ряде крупных городов страны вследствие затягивания партийными и советскими органами передачи религиозных сооружений верующим людям и епархиям прошли акции протеста верующих людей при поддержке общественности против этой волокиты. Подобных фактов было множество, отметим лишь один из них, протест в Иванове, который был достаточно освещен российскими и иностранными СМИ. Верующими, в знак протеста против затягивания возвращения Свято - Введенского храма местной епархии, была объявлена сидячая сухая голодовка. Конфликт был разрешен ускоренным выведением из храма служб государственного и областного архива.

В 1990 году религиозные конфессии получили права юридического лица, позволяющие осуществлять не только свою духовно-нравственную, просветительскую миссию, но и заниматься хозяйственной деятельностью, которая прописывалась в Гражданском Кодексе РФ (ст. 117).

Складывание современной религиозной среды в российском обществе, открытого самовыражения религиозных чувств и участие в религиозной практике прописано в Конституции РФ, трактующей страну в качестве светского государства, гарантирующего мировоззренческое, религиозное многообразие.

Для упорядоченности религиозной деятельности со стороны нетрадиционных религий (НРД) и их лидеров в 1997 году в РФ был принят закон *«О свободе совести и о религиозных объединениях»*, который ввел определенную регламентацию этих религиозных движений.

Крупными событиями, повлиявшими на процесс возрождения религиозных институтов и практик в России на рубеже XX и XXI вв., явились мероприятия, посвященные 1000-летию крещения Руси, (1988 г.), всколыхнувшие в обществе историческую память и интерес

к религии. Переломным моментом в жизни Русской Православной Церкви (РПЦ) явился 2000 год. В августе этого года состоялся Юбилейный Архиерейский Собор РПЦ, посвященный 2000-летию Рождества Христова. На Соборе были приняты **«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (Основы РПЦ)**, первый официальный документ, регламентирующий деятельность церковных учреждений, взаимоотношения с государством, различными светскими объединениями и организациями (интересно в этой связи заметить, что впервые подобный документ был принят в XIX веке католической церковью). В 16 разделах **«Основ РПЦ»** раскрывалось содержание отношения Церкви к различным аспектам российского общества, определялись границы лояльности Церкви по отношению к государству и условия, при которых она отказывала в повиновении государству.

Возрождение религии в стране в настоящее время восходит к принципу веротерпимости. Чувства веротерпимости являются характерной чертой в жизни российского общества. В истории России известен факт издания указа **«О терпимости вероисповедания»** в 1773 году императрицей Екатериной II. Отсюда признание наличия религиозного плюрализма не приходит в противоречие с конституционными положениями о свободе вероисповедания, в соответствии с которыми государство не должно заниматься религиозным протекционизмом. Последнее обстоятельство следует учитывать, т.к. согласно параграфу 15 рекомендации 1202 **«Религиозная терпимость в демократическом обществе»**, принятой парламентской ассамблеей Совета Европы (Страсбург. 1993), *«светское государство должно пробуждать уважение ко всем признанным религиозным общинам и не должно возлагать никаких религиозных обязательств на своих граждан»*.

В процессе возрождения религии предпочтения со стороны общества в религиозных практиках отдавались традиционным религиозным институтам, как то: православию, исламу, буддизму, иудаизму, христианским конфессиональным вероисповеданиям (католицизму, протестантизму). Однако не оставались без внимания и другие различные религиозные направления (объединение баптистов, евангелистов, адвентистов), лютеранская церковь. Оживилась практика Старообрядческой Православной Церкви во многих ее объединениях (старообрядческой православной церкви-митрополии, Древлеправославной церкви, беспоповском,

федосеевском, поморском, бегунском, филипповском, спасовском согласиях и толках). Заявили о себе и различные сектантские объединения: духоборы, молокане, богородичный центр, свидетели Иеговы.

Возрождение религии и распространение религиозных верований в стране, в основном, исходило из крупных городов на периферию. Как следствие этого процесса, количество россиян, идентифицирующих себя в качестве верующих различных конфессий, постоянно растет. По выборочным исследованиям, проводимым в 90-е годы прошлого века в Москве и рядом находящихся городах, таких верующих было заявлено около 40%. В настоящее время количество верующих (по наблюдениям социологов) превышает 50%, а в некоторых регионах страны этот показатель составляет 75%.

В этот же период времени Русская Православная Церковь (РПЦ) столкнулась с проблемой выработки своей позиции по отношению к нетрадиционным религиям (нью эйдж – религии нового века), которые стали распространяться в крупных городах страны. Православная Церковь заняла позицию осуждения нетрадиционных религий, определив их как *«земные прислужники сатаны»*. В таком определении НРД со стороны РПЦ проявлялось стремление к религиозной монополии. Государственная власть определила деятельность представителей этих конфессий (Общество Сознания Кришны, Церковь объединение Муна, Белое Братство, Церковь новой Святой Руси, Церковь Последнего Завета, АУМ Синрике и др.), как религиозных диссидентов, а сами объединения как *«тоталитарные секты»*. Исходя из таких позиций государства и православной церкви, к членам этих религиозных групп даже применялись репрессивные меры (по данным Общества Сознания Кришны, около 50 человек из этого конфессионального объединения оказались в тюрьме, где в невыносимых условиях несколько человек из них погибли) [4:1,9].

В настоящее время напряженность по отношению к новым нетрадиционным религиозным конфессиям смягчена, что является свидетельством признания в обществе не только осуществления ими религиозных практик, но и устойчивого проявления тенденции религиозного плюрализма.

Какие конфессиональные группы функционируют в религиозном пространстве России? На территории страны зарегистрированы 24,6 тысяч религиозных организаций и 202

духовных образовательных учреждений. Ведущей является православная церковь. Это объясняется исторически и наличием в качестве титульной нации в стране русских людей. На территории России действуют около 13943 православных приходов, 429 монастырей с подворьями. Всего православных в мире - 170 млн верующих.

Частью русского православия является старообрядчество, возникшее в результате раскола церкви в середине XVII века в ходе реформы патриарха Никона (1652-1666 гг.). На территории страны функционируют 303 зарегистрированных старообрядческих организаций и 44 монастыря с подворьями. В настоящее время Русская Православная Старообрядческая Церковь (РПСЦ) является крупным объединением и вторым по численности православным духовным институтом после Русской Православной Церкви (РПЦ). Только одна Белокриницкая церковная иерархия насчитывает около полутысячи как зарегистрированных, так и незарегистрированных старообрядческих общин в России и за рубежом. По различным подсчетам в настоящее время в РПСЦ около 1 млн верующих. Старообрядчество продолжает оставаться альтернативной православной конфессией в России и, в некотором роде, оппозицией государственным, официально церковным и общественным институтам. Ими соблюдаются принципы отказа от союза с государственной властью (особенно в направлении европеизации страны), строгого отношения к обряду. В 2012 году Собор РПЦ уравнивал права на религиозную деятельность для старообрядческих общин и осудил многолетнюю практику гонений на православных старообрядцев.

Второй по численности из зарегистрированных религиозных конфессий в России является ислам. Мусульманство на территории древнерусского государства появилось еще в IX веке. В настоящее время эта религиозная конфессия в России объединяет верующих в более чем 4,5 тысячах религиозных центрах. Количество приверженцев ислама в стране приближается к 25 млн человек [4:15].

В России действует Римско-католическая церковь (226 общин и епископат в Москве и Новосибирске), протестантская церковь (баптисты, евангелисты, пятидесятники, адвентисты) – 2,7 тысяч общин, лютеранская церковь – 218 общин, мормоны - 55 общин, церковь Иисуса Христа и святых последних дней, Новоапостольская церковь, Церковь объединения МУНА – 6 общин, Свидетели Иеговы

– 409 общин, шамаизм – 16 общин, языческие верования – 4 общины, иные вероисповедания – 87 общин.

Буддизм в форме ламаизма действует в Бурятии, Калмыкии, Туве, он насчитывает 221 общин и дацанов.

Иудаизм в России представлен 276 религиозными объединениями различных направлений: хасидизм, реформированный иудаизм, ортодоксальный иудаизм. Международное Общество Сознания Кришны, основанное в России в 1972 году, имеет 75 храмов.

4.2. Религиозная идентификация современных россиян

Возрождение религиозной практики различными конфессиями в России находит различные оценки в обществе. Это и понятно, т.к. объяснение этому кроется в долговременной практике другой религии в обществе - воинствующем атеизме. Интересно в этой связи отметить, что в начале XX века критическое отношение к религии присутствовало в большинстве своем у части русской интеллигенции, которое было большевиками реализовано как определенная доктрина «воинствующего атеизма». Носителями и распространителями религиозных верований в настоящее время в российском обществе является также часть интеллигенции различной профессиональной принадлежности и разного образовательного ценза. Эти «властители дум» (в основном художественная и творческая часть российского общества) противопоставляют себя атеистическим воззрениям, но понимают религию зачастую «не религиозно», а социально-утилитарно, т.е. как средство поддержания норм морали и соотнесения себя с культурным историческим прошлым. Однако, как показывают исследования, степень религиозности у этих «властителей дум» значительно ниже, чем в целом у населения.

Отношение молодежи к возрождению религии довольно интересно, эта часть российского общества более открыта новым веяниям, она оценивает разрушение морально-нравственных опор прошлого в жизни общества и личности в соответствии со своим опытом жизни, поэтому в ней наиболее заметна склонность в тяготении к религии. Хотя следует отметить, что это тяготение ощущается больше к внешним проявлениям религиозной жизни, некоторой ее театральности и декоративности религиозных церемониалов, нежели к глубинным основам религии. Выборочные

исследования показывают, что 1/3 респондентов из молодежи идентифицирует себя как религиозно верующие, но содержание и ценности религии для них еще далеки.

Довольно противоречивая ситуация сложилась в 2012-2013 гг. в ряде городов страны среди молодежи по отношению к Православной церкви, на которую обратили внимание социологические службы. Так, группа «Левада-центр» в 2012 году обратила внимание на заметное снижение доверия со стороны молодых людей к Православной церкви, что объясняется конфликтом по поводу поступка группы Pussy Riot. По мнению того же «Левада-центра», 27% респондентов в разных регионах страны осуждают церковь за жестокость позиции, появился даже «антиэлекторат» церкви, сторонники которого консолидировались в своем протесте.

Довольно нестандартную картину конфессиональной самоидентификации среди молодежи выявили исследования Мчедлова М., проводившиеся по заказу Фонда им. Ф.Эберта в конце 90-х годов прошлого века. Вырисовывалась картина сложной структуры и размытости мировоззрения у молодежи (среди опрошенных молодых людей, верующих в Бога, оказалось 32,1%, колеблющихся между верой и неверием - 27%, безразлично относящихся к религии - 13,9%). Понимание религиозного мировоззрения среди молодежи различных конфессий оказалось размытым (колеблющихся между верой и неверием оказалось около - 30%, среди православных около 30%, мусульман - 14,3%). К верующим в сверхъестественные силы отнесли себя 6,5% православных, мусульман - 6,7%, католиков - 6,3%, иудеев - 10,0% [4:17].

Представители интеллигенции и молодежной среды, как показывают исследования, неоднородны в своих религиозных предпочтениях. Наряду с православным вероисповеданием, среди этой части общества формируются приверженцы новых религиозных движений. Их можно охарактеризовать как потребителей так называемого «рынка спиритуальных товаров». Интерес этой части людей в обществе реализуется во вневероисповедной мистике (вера в общение с духами, магию, знахарство, гадание, колдовство, астрологию). Природу подобного религиозно-мистического предпочтения можно объяснить не только освобождением от тотальной государственной идеологии в прошлом, но выбором ценностей и ориентаций в новых религиях. По всей вероятности, эти

ориентации исходят из психологических установок людей, поиска ими новых социальных и эмоциональных ощущений. Так, чем можно объяснить поведение отдельных россиян (в большинстве своем женщин), проживавших в крупных городах, имевших достаточно высокий образовательный и материальный ценз, которые порвали со своим общественным положением и уехали в глубинку Сибири к новому гуру.

Велика ли религиозная вера у «*новых верующих*»? Какое религиозное содержание вкладывают они в понятие «религия»? Социологические исследования показывают, что большинство «новых верующих» не столько верят в Бога и основные положения религиозного уклада, сколько считают религию полезной для общества (из 100% респондентов, назвавших себя верующими, только 10-20% совершают молитвы в церкви, посещают проповеди, соблюдают пост). Вероятно, в мотивах «новых верующих» в большей степени присутствует конформизм, следование «за модой», или их идентификация осуществляется исходя из культурно-религиозной принадлежности к историческому социуму России.

Выбор религии современными россиянами представляет интерес в плане определения их конфессиональной принадлежности. По данным Всероссийского опроса ВЦИОМ, проводимого в 2010 году, население страны распределялось по религиозной принадлежности следующим образом: исповедующие православие - 79%, ислам – 5%, католицизм, протестантизм, иудаизм и буддизм – по 1%, убежденные атеисты – 8% населения. Самоидентификация россиян в качестве респондентов тех или иных опросов зачастую не совпадает с общим числом верующих (количество приверженцев конкретных конфессий колеблется в пределах 70%). В большей степени идентификация основывается на отождествлении национального образа жизни с культурой, что для респондентов естественно [4:5].

Исходя из гендерного аспекта самоидентификации населения в качестве верующих и неверующих, заметим, что среди верующих россиян женщины преобладают (в разных исследованиях численность верующих женщин колеблется на уровне 60% от всех опрашиваемых респондентов). Даже беря во внимание визуальную гендерную оценку присутствующих в церкви во время богослужения, то невооруженным взглядом видно, женская часть верующих прихожан значительно доминирует над мужской частью прихода.

Религиозная среда любого города формируется как единство легально функционирующих в ней конфессий, религиозных общин (приходов) и верующих, имеющих право свободно выражать свои религиозные чувства. Состояние религиозной среды характеризуется своей подвижностью, что является отражением политического курса в стране и задач, решаемых в ходе его реализации.

Город Иваново является интересным объектом исследования этой проблемы, т.к. в его истории проявились все те процессы, присущие советской политической системе, отражающей маятниковое движение в оценке состояния религиозной среды. Направление социального «маятника» в городской среде в первой четверти XX века было четко очерчено советской властью на атеистическое развитие общества со всеми вытекающими из этого курса мероприятиями. Город Иваново являлся в советское время строительной площадкой новой атеистической социалистической идеологии в мировоззрении людей, ее результатом было уничтожение многих религиозных сооружений, даже несмотря на их архитектурную ценность.

В конце XX века, как следствие процесса возрождения религии, религиозная картина в городе и регионе была следующей. В регионе зарегистрировались и осуществляют религиозную практику 185 приходов в 3 православных епархиях, функционирует более десяти монастырей. Наиболее известными в области и за ее пределами являются: Свято-Николо-Шартомский мужской монастырь с подворьями в Москве и ряде других городов России, Свято-Николо-Тихона Лухского мужской монастырь, оба основаны в XV веке. Религиозную деятельность осуществляют женские монастыри: Свято-Введенский в Иваново, Свято-Успенский в селе Дунилово и др.

Только в городе Иваново свою деятельность осуществляют 8 православных церквей, мусульманская мечеть, 3 монастыря и молитвенные центры 30 религиозных конфессий, практикующих как самостоятельно, так и в помещениях производственных предприятий, медицинских и офисных учреждений. Учебно-образовательную и религиозную просветительскую деятельность проводят в городе Православное духовное училище и богословское отделение на территории местного гуманитарного университета. В Иваново в стадии завершения и освящения новый Покровский храм (попечителем его является известный московский адвокат И.Резник),

завершена реконструкция кафедрального Успенского собора, строятся новые религиозные сооружения.

Ворота Введенского женского монастыря в Иваново.

В городе зарегистрирована деятельность следующих конфессиональных объединений: Русская Православная Церковь, старообрядческое объединение, мусульманская община, церковь ангельских христиан-баптистов, иудаистская община, Ивановский христианский центр «Веры Евангельской», католическое объединение, Армянская церковь, Церковь христиан-адвентистов седьмого дня, Новоапостольская церковь, Ивановский центр «Общества сознания Кришны», объединение Свидетели Иеговы, Российская ассамблея Бога, Церковь «Благодать», Церковь Объединения, Городская общественная организация «Общество Рерихов Свет» и др.[4:2].

Исследование религиозной среды в Иваново происходило в инициативном порядке преподавателями кафедры социально-экономических теорий ИГХТУ в связи с научным проектом **«Идентификация жителей промышленного города в соответствии с их религиозными представлениями и нормами»** (грант РГНФ 12-1337001 от 2012 года). Целью исследования являлось выявление состояния религиозной среды в городе, принадлежности его жителей к той или иной конфессии, оценка религиозного плюрализма и толерантности среди верующих. Также был

сформулирован и ряд других целей. **Во-первых**, необходимо было определиться в понимании устойчивости городского социума

Часовня в центре Иванова

посредством идентификации респондентов в качестве «коренных» или «некоренных» жителей города. **Во-вторых**, выявить посредством идентифицирующего признака «глубоко верующий», «верующий», «скорее верующий» степень религиозности респондентов и влияние межпоколенных связей на формирование религиозных верований. **В-третьих**, выявить предпочтение выбора респондентами той или иной религиозной конфессии. **В-четвертых**, определить степень интенсивности участия респондентов в деятельности религиозного прихода (общины). **В-пятых**, выяснить степень толерантности жителей города разного вероисповедания. **В-шестых**, определить оценку респондентами государственно-религиозных отношений. **В-седьмых**, определить корреспондирующую взаимосвязь между выбором респондентом той или иной религии и уровнем, видом его образования.

Выборка респондентов в исследовании составила 300 жителей города, проживающих в различных его административных районах. В

качестве генеральной совокупности жителей города от 18 лет и старше бралась численность населения этого возраста на 01.01.2011 года – 296, 6 тысяч человек. Из общей численности респондентов мужчины составили 43,6%, женщины 56,4%. По национальному признаку респонденты распределились следующим образом: русские 88,1%, представители кавказского и среднеазиатского регионов – 1,9%. Сфера занятости респондентов распределилась следующим образом: предпринимательский сектор – 6,4%, служащие учреждений – 16,2%, квалифицированные рабочие – 17,5%, представители гуманитарной и технической интеллигенции - 14,1%, студенты – 16,7%, работники офисов и сферы услуг – 19,7%, свой вариант сферы занятости выбрали 3,8%. Безработные составили 1,7%. Выборка предполагала учет вида и уровня образования респондентов: гуманитарное – 26,9; техническое – 11,8; медицинское – 5,9; экономическое – 48,7; другое – 6,7. Лица с образованием составили: неполным средним – 3,4%, средним – 11,1%, средне специальным – 23,4%, неполным высшим – 12,3%; высшим – 48,1%. Основным методом исследования являлось анкетирование, предусматривающее постановку более 30 вопросов для респондентов от 18 лет и старше. Характерный для социума города гендерный аспект принимался во внимание [4:18].

Коренные жители Иванова, начиная с 20-х годов прошлого столетия, были свидетелями действий власти по планомерному организованному уничтожению и массовому закрытию религиозных центров, памятников истории и материальной культуры. По меткому замечанию пролетарского поэта В.Маяковского: *»...город Иваново строился заново»*. Вследствие этой «новизны» в городе были уничтожены архитектурные ансамбли известных зодчих К.Тона, Ф.Шехтеля, И.Бондаренко - всего было уничтожено более 20 религиозных сооружений. Интересен в связи с этим факт оценки деятельности городских властей главным архитектором Ленинграда, профессором Л.А.Ильиным (автором первого генерального плана Иванова) по поводу намерения разрушить архитектурный ансамбль Покровского монастыря. Ильин Л.А. писал в письме, датированном 1929 г., о том, что с уничтожением этого архитектурного сооружения *«...будет снесена, безусловно, живописная и ценная не только в масштабах Иваново-Вознесенска старинная игрушка.... Я считал бы это большой потерей для живописности города и большой ошибкой»*. Однако этой оценки не услышали городские власти, и

храмы были взорваны [4:4]. Последний акт вандализма по разрушению храмового комплекса произошел в 1977 году, когда была взорвана церковь иконы Богородицы «*Всех скорбящих Радость*». Вместо уничтоженного храмового комплекса иконы Богородицы властями предполагалось строительство на зачищенной территории легкоатлетического манежа по типу московского манежа имени братьев Знаменских. Надо отметить, что после зачистки территории и проведения земляных работ строительство было прекращено и заброшено. У коренных жителей города, несмотря на множество препон функционированию православной церкви со стороны советских властей и разрушению памятников материальной религиозной культуры, все-таки сохранилась память о местах, где функционировали православные храмы. В настоящее время храмовый комплекс восстановлен на том же месте как сооружение-новодел.

Святой Георгий на площади Победы в Иванове

На рубеже XX-XXI вв., когда стрелка маятника «социального барометра» качнулась в обратное направление (от воинствующего атеизма к возрождению религии), на местах взорванных монастырей, храмов и часовен воздвигаются и освящаются церковные

сооружения-новоделы и в них формируются религиозные приходы горожан. Православной епархии передаются бывшие религиозные сооружения, используемые в советское время под промышленные объекты. Это наблюдается в Ивановской области повсеместно. В начале XXI века в Ивановской области стало функционировать три православных епархии, которые объединяют в себе 12 монастырей, 185 приходов и епархиальное училище. Таким образом, в городе стала активно формироваться религиозная среда.

Доминантой городской жизни, в том числе и религиозной среды, являются коренные жители, формирующие его устойчивость и сохраняющие представления о традиционных социально-культурных и экономических формах жизни города. По нашему мнению, именно коренные жители, характеризующиеся критерием «проживание двух-трех поколений в данном месте», отличаются устойчивой социальной памятью о жизни городской среды, в том числе и о функционировании религиозных организаций в городе. Однако устойчивость социумов городов никогда не была абсолютной, она нередко зависит от экономических, демографических и социально-политических условий. Даже в период жестких мер в 20-30-е и в 50-е годы XX века, когда большей части населения страны не выдавались паспорта и ограничивалось его передвижение, существовали мигранты-лимитчики, которые вливались в состав жителей городов. В настоящее время миграционные потоки стали повсеместным явлением. Учитывая это обстоятельство, в исследовании предполагалось выделение в составе жителей категории «*коренные жители города*». Респондентам предлагался вопрос: ***Ваши родители родом из Иванова?*** При обработке социологической информации выяснилось, что у 48,5% респондентов мать являлась уроженкой Иванова, а у 47,7% респондентов отец являлся также уроженцем Иванова. Таким образом, можно экстраполировать количественный уровень коренного населения в городе – примерно 48%. Не отнесли себя к категории коренных жителей по рождению матери – 50,2% и по рождению отца – 50,2% респондентов.

При всем том, что исторически (советский период истории России) население города Иванова во многом формировалось за счет привлекаемой рабочей силы со стороны, в нем, как видно из социологических данных, сохранялся и воспроизводился слой его коренных жителей, носителей социально-культурной памяти о городе.

Что представлял собой миграционный поток в город и повлек ли он последствия для оценки состояния в нем религиозной среды. Этот вопрос следует также рассматривать исторически, учитывая особенность города как в недалеком прошлом текстильного центра страны. В настоящее время Иваново является городом с многонациональным составом населения, это объясняется чисто экономическими факторами, развитие текстильного производства в советское время потребовало множества рабочих текстильных профессий. Постановлением Совмина СССР разрешалось вербовать молодежь из территорий Поволжья, поэтому на текстильных фабриках города работали татары, мордва, чуваша, удмурты, марийцы, башкиры и др. Многонациональный состав жителей города стал пополняться и вследствие миграции людей в 90-е годы прошлого века. Причинами этого процесса явились: распад СССР, взрыв межэтнических конфликтов на бывшей его территории, экономический кризис, вызвавший массовую безработицу как в самой России, так и в странах СНГ. Потоки мигрантов прибывали из других территорий РФ и СНГ (кавказского и среднеазиатского регионов), они направлялись в центр России, в промышленные города, в том числе и в Иваново. Так, мигрантов, выходцев из других территорий СНГ в 2011 году прибыло в город более 28 тысяч (по данным областного Управления Федеральной миграционной службы) в основном из Украины, Узбекистана, Азербайджана, Киргизии и Армении. Среди респондентов идентифицировали себя именно как выходцы из этих территорий бывшего СССР узбеки, кипчаки, таджики, азербайджанцы, армяне, грузины, а также северокавказского региона России - дагестанцы, чеченцы, ингуши.

Мигранты этнически нерусского происхождения, обладавшие характерным для них менталитетом, культурно-историческими особенностями, создавали «многоцветность» в социальной жизни городов России, в том числе и религиозное многообразие. Эти люди объединяются в рамках своих этнических диаспор и религиозные требы исполняют на новом месте. Усиление потока мигрантов из указанных регионов привело не только к увеличению численности жителей города, но и вместе с татарской диаспорой к росту численности горожан мусульманского вероисповедания. Это обстоятельство привело к необходимости создания исламского центра и строительства в Иваново мечети (в настоящее время она не

вмещает всех верующих мусульман и вынесен вопрос о ее расширении или строительства еще одной мечети).

Этому религиозному многообразию способствовала и миссионерская деятельность представителей различных религиозных движений. Все вместе это влияло на разрушение монополии одной конфессии на религиозную практику.

Как следствие миграционных процессов происходило активное изменение мононационального состава жителей города. В настоящее время в Иванове с населением 408 тысяч человек (по данным на 01.01.2011 года) проживают представители 112 наций и народностей. Процесс постепенного превращения Иванова из мононационального города, в недалеком прошлом, в город с многонациональным составом населения вызвал необходимость создания Дома национальностей, объединяющего различные конфессионально-этнические группы для проведения социально-культурных просветительских мероприятий (в России это третий центр национальностей).

Таким образом, миграционные потоки в прошлом и настоящем повлияли на появление множества конфессий в религиозной среде города. Вполне естественно в таком многонациональном социуме города вопрос о религиозной идентификации его жителей приобретает особую актуальность.

Для выяснения сути вопроса о религиозном многообразии респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов: ***Знаете ли Вы о религиозных группах, практикующих в городе? Назовите их. Чем Вы можете объяснить наличие множества религиозных практик в городе?*** Практически, большинство респондентов знают о функционировании в городе религиозных конфессий, хотя затрудняются их идентифицировать с этническими группами населения. В качестве причин, вызвавших такой религиозный плюрализм, респонденты отнесли и такие, как: крушение коммунистической идеологии воинствующего атеизма, а также причины экономического, социального и психологического содержания. К ним респонденты отнесли также юридическое признание свободы вероисповедания (16,2% респондентов), что естественно заложено конституционными положениями в стране, приток мигрантов в городской среде (26,1% респондентов), (освобождение от атеизма 5,1%, не ответило 52,6%). Такой расклад мнений респондентов подтверждает вышеуказанное положение о

влиянии миграционных потоков на религиозное многообразие в Иванове.

Складывание современной религиозной среды в городе базируется на принципах открытого самовыражения религиозных чувств и участия в религиозной практике, отражающих положения Конституция РФ и закона «*О свободе совести и о религиозных объединениях*» от 1997 года.

Возможностью открыто выразить свои религиозные чувства, а также открыто мотивировать свое отношение к религии, т.е. принадлежность к этому социальному институту, является одной из существенных координат, определяющих положение и поведение индивида. Как показало исследование, многие респонденты свою связь с религией выражают в категориях «*глубоко верующий*», «*верующий*», «*скорее верующий*».

Успенская старообрядческая церковь XVII века в Иванове

Объединение этих групп респондентов в категорию «*верующие*» показало, что в совокупности они составляют в возрасте до 18 лет, 18 лет и старше 71,5%, то есть доминирующее большинство. Это достаточно высокий уровень идентификации респондентов в качестве «*религиозно верующих*» среди населения в городском социуме. Наибольший процент респондентов, идентифицирующих себя в качестве *верующих*, приходится на возрастные группы 18-29 лет и 30-

50 лет. Так, 78,1% респондентов в возрасте от 18 до 29 лет идентифицировали себя как «глубоко верующие», «верующие» и «скорее верующие»; 70,0% респондентов в возрасте 30-50 лет отнесли себя к этим группам верующих. Объяснение этого феномена лежит на поверхности социальной жизни современного российского общества, которое положительно восприняло откат от монополизма коммунистической религии к возрождению традиционных исторических религий, функционированию в религиозном движении множества конфессиональных групп. Снятие всяких идеологических запретов на деятельность религиозных организаций и различного рода проповедников, широкое освещение религиозных тем в различных формах СМИ создало благоприятную основу для иной, нежели коммунистической, социализации людей, в том числе молодежи. Это также является доказательством растущей популярности религии в обществе. Даже некоторые попытки приостановить растущее влияние со стороны церкви (как это было в Иванове, конфликт власти и верующих в связи с передачей Введенского храма епархии) уже не давали должного успеха.

Несколько меньший процент *верующих* был идентифицирован в возрасте 50 лет и старше (66,7% респондентов), что может объясняться влиянием воспитания этого поколения жителей страны и города, в частности, в духе советского воинствующего атеизма и сохранения традиционного антирелигиозного мышления. Респонденты, заявившие о себе в категориях, как «*скорее неверующий*», «*неверующий*», составили 18,7%.

В процессе исследования религиозных предпочтений со стороны жителей города выяснилось, что доминирующее положение в религиозной среде среди конфессий занимает Русская Православная Церковь, т.е. православная конфессия, на это указали около 70% респондентов. О том, что в городе действует мусульманская община, респонденты знают, однако выборка среди них о принадлежности к этой конфессии оказалось малочисленной. Также выяснилось, что респонденты знают о том, что в городе действуют нетрадиционные религии, однако они не смогли назвать их разновидности.

Отметим, что самоидентификация респондентов к той или иной категории «*верующий*» сформировалась не случайно, а под влиянием определенных факторов. В ходе исследования в качестве гипотезы выделялся фактор влияния межпоколенных связей внутри семьи, т.е. влияния родителей на формирование религиозного мировоззрения.

Для выяснения сопряженности между фактором влияния родителей на религиозность в семье и личным выбором самим респондентом религиозного воззрения был поставлен вопрос: **Какова степень религиозности Ваших родителей и Вас лично?** Так, 3,8% респондентов в **возрасте 18-29 лет** отметили, что их родители были глубоко верующими людьми, но только 3,7% респондентов данного возраста отнесли себя к такой категории верующих. Значительно выше был процент респондентов, назвавших своих родителей как «верующие» и «скорее верующие» (35,7% и 28,1%), и идентифицировавших себя как «верующие» и «скорее верующие» (37,9% и 26,4%). Респонденты в **возрасте 30-50 лет** назвали своих родителей «глубоко верующими» (6,1%), «верующими» (34,1%), скорее верующими (32,9%). Сами же респонденты идентифицировали себя в этих категориях соответственно 10,3%, 33,3%, 26,4%. Респонденты в возрасте 51 год и старше не идентифицировали своих родителей по критериям религиозности. Это объяснимо, т.к. социализация людей этого возраста происходила в условиях коммунистической идеологии. Такой расклад оценок респондентов в возрасте 18-29 лет и 30-50 лет по критериям уровня «религиозной веры» их родителей и лично опрашиваемых подтверждает гипотезу о влиянии родителей в семье на степень религиозности самих респондентов. Эта гипотеза подкрепляется и в ответах об оценках респондентами основ формирования религиозного воззрения, среди которых наряду с верой в Бога, знанием Библии и Евангелия, называлась также семья.

Выяснение глубины религиозной самоидентификации респондентов являлось одной из важных задач исследования. С этой целью перед респондентами была поставлена группа вопросов: 1) **Что является основой Вашего религиозного воззрения?** 2) **Какие базовые принципы Вашего вероисповедания Вы знаете (соблюдаете)?** 3) **Читаете ли Вы религиозную литературу?** При ответе на первый вопрос респондентами в качестве основы религиозного воззрения назывались религиозные источники: Библия, Евангелие, Коран, а также семья, любовь к Богу, вера, надежда на спасение, милосердие и др. Разброс ответов был большим, но доминирующим являлись религиозные источники, семья и вера в Бога. В качестве базовых принципов респонденты отметили такие, как: Заповеди Христа, Вера в единого Бога, принципы, изложенные в Коране (при всем этом не было названы сами принципы). Чтению

религиозной литературы уделяется незначительное внимание, это интересно, такое положение наблюдается и среди людей, относящих себя к верующим. В ответах по этому вопросу сложился разброс мнений: читают постоянно только 4,3%, читают иногда 33,4%, читают редко 34,6 респондентов. Причем вопрос о чтении религиозной литературы вызвал интерес в большинстве своем у женщин-респондентов и в меньшей степени отвечали на него мужчины-респонденты. Подобные ответы респондентов могут быть свидетельством подтверждения тезиса об интересе к той или иной религии, но и в то же время об автоматической самоидентификации людей с религией (на это обстоятельство указывают также данные других исследовательских групп). Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что большинство респондентов, идентифицировав себя в качестве «верующих», исходили из исторически культурно-этнического признака: «русский значит православный», «житель Кавказа значит мусульманин». Таким образом, в самоидентификации индивида с той или иной конфессией срабатывает принцип автоматического соединения индивида с религией.

Признание религиозной принадлежности со стороны респондентов-горожан естественным образом должно выражаться в степени интенсивности их участия в религиозной практике. Респондентам предлагалось ответить на вопросы: **1) Являетесь ли Вы постоянным членом общины? 2) Как часто посещаете Вы центр (место) Вашей религиозной общины? 3) Помогаете ли Вы материально общине? 4) В каких мероприятиях общины Вы принимали участие?** Как уже было выше сказано, уровень религиозности в городской среде достаточно высокий. Однако заявив о себе как верующий человек, лишь только каждый пятый респондент (21,0 %) идентифицировал себя в качестве постоянного члена общины, около 50% респондентов ответили, что не являются таковыми. Таким образом, лишь 50% глубоко верующих и верующих людей являются членами религиозной общины.

На вопрос о частоте посещения центра религиозной общины ответы распределились следующим образом: о посещении прихода (общины) каждый день не дал ответа ни один респондент; посещают несколько раз в неделю 2,6%; посещают, по крайней мере, раз в неделю 5,1%; посещают несколько раз в месяц 2,1%; посещают несколько раз в год 8,5%; посещают меньше чем несколько раз в год

2,1% респондентов. Опрос ВЦИОМ, проводимый в 2010 году, показал, что 75% россиян, относящих себя к православным, регулярно посещают церковь, но причащаются лишь 4%. В нашем исследовании 70% *«глубоко верующих»* респондентов посещают центры своей религиозной общины несколько раз в неделю, или же, по крайней мере, раз в неделю. Среди респондентов категории *«верующие»*, посещающих религиозные центры, оказалось около 30,0%.

Исследование также позволило, с определенной вероятностью, сделать предположение, что из идентифицировавших себя в качестве постоянных членов общины 21% являются истинно верующими людьми. Остальных респондентов, заявивших о себе в качестве верующих, можно характеризовать как невоцерковленными людьми, которым все-таки небезразлична вера в Бога и религиозная культура. Отметим и такой еще момент в опросе респондентов-ивановцев, отдельные вопросы не привлекли внимания большинства респондентов. Автоматизм отнесения себя к верующим к той или иной религии *«срабатывает»* и в этом случае.

Существенным вопросом, отражающим отношение верующих к религиозной среде, является оказываемая материальная помощь религиозной общине. В настоящее время есть множество примеров, когда представители бизнеса или просто состоятельные россияне оказывают материальную и финансовую помощь в восстановлении религиозных центров в городах и на периферии, в сельской местности. Как показало исследование, респонденты по мере возможностей оказывают такую помощь. Так, среди респондентов, определивших себя как *«глубоко верующие»*, помощь оказывают регулярно 60%; среди определивших себя как *«верующие»* оказывают помощь 62,5% и, наконец, среди *«скорее верующих»* оказывают помощь 60%. Конечно, это можно объяснить различными причинами, но в большей мере это может быть свидетельством невысокого, если не сказать, низкого уровня жизни прихожан.

Участие в жизни религиозной общины является одним из важных и вместе с тем необходимым признаком принадлежности к той или иной религиозной конфессии. Именно через общение и участие в религиозных церемониях прихода формируется общность и солидарность между единоверцами, сближающая их. Для выяснения степени участия в жизни религиозной общины респондентам был предложен вопрос: ***В каких мероприятиях общины Вы принимали***

участие? Многие респонденты, в основном это были православные верующие, ответили традиционно: причастие, в воскресных службах, в пасхальных службах, ежегодном крестном ходе в честь Казанской иконы Божьей Матери, рождественских мероприятиях, участие в проповеди, помощь в восстановлении храмов (ремонт, реставрация, уборка и т.п.). Респонденты-мусульмане назвали службы в мечети, участие в религиозном празднике Ураза-байрам, Курбан-байрам (мусульманская Пасха), соблюдении поста Рамазан, а также в конкурсе чтецов на знание текстов (сур) Корана.

Религиозная среда характеризуется ценностными представлениями людей, реализуемыми в повседневной жизни. Какие ценностные представления являются в жизни людей определяющими и насколько они (ценности) влияют на поведение и стиль жизни людей? Респондентам предлагалось из предложенного перечня ценностных параметров (14 наименований) выбрать три наиболее важных. Разброс выбора ценностных параметров стиля жизни и поведения был большим. Процентное соотношение этих ценностных параметров в ответах респондентов позволило выделить три наиболее важных: **нравственность** (16,4%), **духовность** (15,6%), **семья** (10,0%). Оценка других ценностных параметров выглядела следующим образом: желание помочь другим людям - 9,1%, терпимое отношение к другим культурам - 8,0%, память о предках и посещение мест их погребения – 7,4%, сердечность и сопереживание - 6,8%, уважительное отношение к старшим - 6,7%, справедливость - 5,9%, жизненный оптимизм и патриотизм определились по 3,8%, родственные чувства - 2,4%, трудолюбие - 2,1%. Таким образом, можно отметить, что в стиле жизни, поведении современного жителя города переплетаются религиозные и светские нормы, что обогащает жизнь людей. Тезис о доминирующем влиянии религии на поведение и стиль жизни людей вряд ли состоятелен. При всем том, что респонденты религиозным нормам отдают значительное предпочтение и считают их определяющими (38,0%), гражданские нормы и правила пока все-таки преобладают в жизни людей [4:18].

Религиозная идентификация жителей города предполагает формирование особых групп верующих, в которых большую важность приобретает признание ими религиозных норм и принципов конфессии. Единоверцы сближаются и объединяются, солидаризируются в конфессиональной группе, несмотря на различие в профессии, партийной принадлежности, материальном состоянии.

Вместе с тем, наличие в городской среде множества функционирующих религиозных конфессий, исповедующих различные религиозные верования (в Иванове их около 30), приводит к разъединению людей, хотя они могут иметь схожие признаки по другим критериям связей и отношений. Подобное состояние религиозной солидарности и религиозного отторжения имело место в истории многих народов и выливалось в различные формы противостояния между людьми. В настоящее время данная проблема приобретает свою актуальность в связи с постановкой вопроса о формировании в сознании и поведении людей толерантного отношения верующих людей одного вероисповедания к представителям другой веры. Религиозные верования и нормы отражаются в психологическом настрое людей и в их поведенческих установках. В современной жизни известны межнациональные конфликты, природа которых кроется в религиозных представлениях людей, переплетающихся с политическими пристрастиями. События в ряде городов страны, где возникали конфликты между этническими группами населения (Кондопога, Кировская область, драка на Манежной площади и др.), свидетельствуют о неоднозначности оценок состояния толерантности и в российском обществе. Решение данной проблемы становится одним из важных вопросов социальной политики для городов с их многонациональным составом жителей.

Промышленные города в настоящее время характеризуются своей космополитичностью за счет притяжения в свою сферу мигрантов. Мигранты в этих городах испытывают двойственное положение. С одной стороны, они объективно вынуждены приспособляться к новому для них положению и зачастую теряют свою социально-культурную идентичность, но, с другой стороны, мигранты стараются выживать в новой среде, формируют свои диаспоры и «навязывают» свои социально-культурные установки городскому сообществу. В процессе исследования решалась проблема, каким образом респонденты, исходя из своей религиозной идентификации, оценивали отношение к толерантности? На вопрос о влиянии религии на отношение к представителям другой веры респонденты определились следующим образом: «Да, влияют», – заявили 38,0% респондентов, «Скорее нет» и «Нет», – отметили 18,4%. Для выяснения эмоционального настроения респондентов по отношению к людям другой веры был поставлен вопрос: *Какие чувства вызывают у Вас люди другой религиозной веры?* Большая

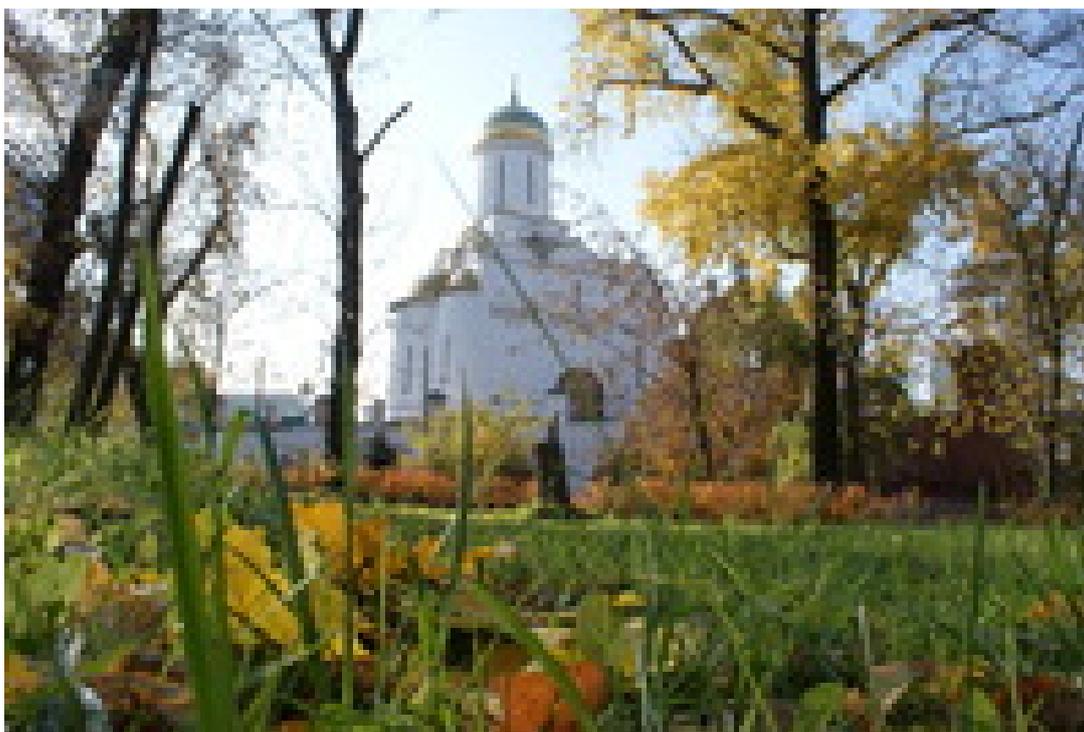
часть респондентов заявили, что не различает людей по религиозной принадлежности (27,8%), однако значительная часть респондентов (20,5%) указали, что испытывает настороженность и неприязнь к таким людям. Это касается отношения к выходцам из Северного Кавказа. Смешивание этнической неприязни с религиозной дополняется эмоциональной окраской. В случае неприязни к людям другой религии, особенно выходцам из северокавказского региона, вероятнее всего срабатывает «след» чеченской войны, террористические акты со стороны мусульман-вахабитов, а также оценка возможных перекосов в национальной политике, которые нашли отражение в сознании и оценках респондентов-жителей города. В то же время, если посмотреть на проблему толерантности с позиции деловых партнерских отношений, то большинство респондентов считают, что в подобных отношениях религия не является помехой (79,5%), есть и другая позиция, высказанная против деловых контактов с людьми другой веры (12,8%).

Проблема толерантности просматривается и в отношении людей к бракам молодежи разной религиозной принадлежности. Отрицательную оценку к смешанным бракам с представителями другой веры дали 52,1% респондентов, причем более категоричную позицию в этом вопросе заняли респонденты-мужчины. Вместе с тем 41,0% респондентов заявили, что не против подобного рода браков, это отметили в большинстве своем респонденты-женщины. Отметим, что в ответах женщин-респондентов по вопросу о смешанных браках было меньше неприязни. Вероятно, в этом случае срабатывает психологический фактор, т.е. умение выходцев из Кавказа «красиво» ухаживать за девушкой и располагать тем самым к себе, эти мужчины в меньшей степени употребляют алкоголь, они стремятся материально обустроить бытовую жизнь.

Современное возрождение и становление религии поднимает вопрос о развитии новых государственно-религиозных отношений в стране. Городской обыватель столкнулся с новым поведением политической элиты страны, когда ее представители участвуют в религиозных церемониях и открыто высказывают свою положительную позицию к религии. Городской житель является свидетелем восстановления религиозных центров, строительства храмов-новоделов и формированием религиозных приходов. Конечно, все это не могло не отразиться на оценках этому процессу. В исследовании была поставлена группа вопросов для оценки

современной государственно-религиозной политики. Так, на вопрос: ***Следует ли размещать религиозную символику в государственных учреждениях (организациях)?*** ответы респондентов распределились следующим образом – согласны с этим 25,1%, в том числе мужчины-респонденты - 29,4%, женщины-респонденты - 23%. Это мнение поддерживают 25,1%, не поддерживают 60,4%, затруднились ответить 11,9%. По вопросу: ***Должна ли религия влиять на политику и дела государства?*** мнения респондентов были неоднозначными. Согласными оказалось 18,4%, согласен, но не совсем – 26,5%, не согласными с данным тезисом – 41,8%. Вопрос о введении в школах курсов религиоведения или истории религии также вызвал противоречивые суждения. «За введение» высказались 37,4%, «Согласен, но не совсем» – 24,4%, «Против» – 24,4%. Причем был поднят вопрос: ***Кто же должен проводить эти занятия?*** Специалистов-религиоведов в системе образования крайне мало, и проводят эти занятия в большей мере учителя истории и обществоведения, а в вузах – преподаватели философии. И те и другие не имеют специальной подготовки [4: 18]. Вопрос о том: ***Должна ли религиозная община платить налоги как все учреждения (организации)?*** Ряд респондентов считают, что религиозная община должна платить налоги, как и все налогоплательщики (41,9%). Определенный интерес вызвал ответ о том, что общину надо освободить от любых налогов на период ее становления (24,0%). Такой разброс мнений свидетельствует о том, что вопросы государственно-религиозных отношений по своей сути сложные, ответственность за воспитание молодежи в светском или религиозном аспекте лежит на всех социальных институтах, в том числе и религии, сохранение религиозных ценностей должно находиться не только во внимании церкви, но и в ведении государственных институтов.

Исследование вопроса об идентификации жителями городов в соответствии с их религиозными предпочтениями позволяет оценить состояние городского социума и выработать меры по его социальной стабилизации, исходя из учета многонационального состава населения, культурно-исторических традиций и религиозных представлений тех или иных этнических групп.

Церковь святой Троицы в центре Иванова

5. СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА ПЕРИФЕРИЙНЫХ ГОРОДОВ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ НА РУБЕЖЕ XX - XXI вв.

Глобализационные процессы, протекающие в мировом сообществе, неоднозначно повлияли на социально-экономическую жизнь многих стран в различных регионах мира. Ряд стран, особенно это касается центрально-восточного региона Европы, на рубеже XX – XXI вв. оказались перед выбором иного пути политического и экономического развития, нежели существовавшего после окончания второй мировой войны. Правящая политическая элита стран этого региона выбрала рыночную модель экономического развития и децентрализацию политической жизни. Последствия такого выбора оказались непредсказуемыми, экономика стран региона вошла в кризисное состояние от разрыва кооперационных межхозяйственных связей, разрушения международных экономических, военно-политических организаций. Города стран центрально-восточного региона Европы превратились в анклавные с высоким уровнем безработицы, социальной дезорганизации отдельных групп людей, низким уровнем жизни в них и др. Такие изменения сказались на социально-психологических установках и представлениях людей, их

поведении, деятельности социальных институтов в городах. Правительства стран и администрация городов в этих условиях стали формировать программы антикризисного развития, направленные на снятие напряженности в социально-экономической жизни общества. Все эти процессы и изменения в жизни людей стали предметом национальных и международных исследовательских проектов.

Анализу изменений в городской среде в условиях кризиса, охватившего многие страны Центрально-Восточной Европы, был посвящен исследовательский проект *«Возрождение периферийных городов в постиндустриальной стадии»*, осуществляемый группой социологов из городов Лодзи (Польша), Мишкольца (Венгрия), Паневежиса (Литва), российского города Иваново и турецкого ила (провинции) Сакарья с административным городом Адапазары. Данные административные центры стран наиболее наглядно ощутили на себе последствия кризисных ситуаций от смены парадигмы социально-экономического пути развития стран. Исключение составлял административный центр Адапазары, кризисные процессы в котором были следствием природной стихии, землетрясения.

Международные социологические исследования использовали методику опроса в виде формализованного интервьюирования, анкета содержала 134 вопроса, касавшихся оценки респондентами различных сторон городской жизни. Объем выборки в целом составил 2385 респондентов, в том числе по городам определялся исходя из генеральной совокупности (жители города): в Лодзи – 730, Иваново – 415, Мишкольце – 400, Паневежисе – 400, Адапазарах – 440 респондентов. Опрос респондентов осуществлялся в 2012-2013 гг. Существенным моментом в исследовании являлось использование статистических данных по городам за 1990-2010 гг. Методологическим и координирующим центром исследовательского проекта являлась кафедра городского и сельского поселений Института социологии Лодзинского университета (Польша). Финансовую поддержку проект получал от польского Национального научного центра.

В качестве рабочей гипотезы исследования выдвигалось утверждение о том, что разрушительные процессы в экономике стран изменили статусное лицо периферийных городов, как индустриальных центров, выход из кризисного состояния способствовал приближению социально-экономической модели исследуемых городов к модели постиндустриального общества.

5.1. Описание объектов исследования

Социально-экономический уклад в восточно-европейских городах (Лодзи, Мишкольце, Паневежисе) и российском Иванове складывался в XIX веке под влиянием ряда факторов: экономических (промышленный переворот, специализация в индустриальной деятельности, внешнеторговые контакты), социальных (автономия в управлении, рост населения, участие в политических процессах) и культурологических (осознание национальной идентичности, формирование национальной культуры) и т.д. В течение всего XX века восточно-европейские города развивались под влиянием разрушительно-восстановительных процессов в экономике, обусловленных мировыми войнами (1914-1918 гг., 1939-1945 гг.), смены политических режимов после завершения второй мировой войны, просуществовавших до конца 80-х годов XX века. Польша, Венгрия, СССР входили в политико-экономическую систему СЭВ (Совет Экономической Взаимопомощи) и военный блок Варшавский договор. Литва находилась в составе СССР. Естественно во 2-й половине XX века указанные города этих стран развивались в рамках социалистических политико-экономических отношений, позволявших в той или иной степени решать проблемы экономики, социальной и культурной сфер жизни. С конца 80-х годов XX века в связи с распадом СССР, ликвидацией организации СЭВ и Варшавского договора стали разрываться политико-экономические и культурные связи между этими странами, особенно в отношениях с Россией.

Переход к новой социально-экономической системе повлек свертывание хозяйственных связей между странами, что стало основой для кризисных процессов в них. В России кризис приобрел тотальный характер. Все это повлияло на уклад городской жизни, динамику социально-экономических процессов и национально-культурной идентичности в ней (активизировалось направление вестернизации). Анализируя изменения за 20-летие (1990-2010 гг.), интересно проследить, как меняется социально-экономическая ситуация в указанных городах, какова стратегия их развития в новой парадигме постиндустриальной периферии, какие приоритеты выдвигают муниципалитеты из всех текущих проблем для улучшения жизни людей.

Особое место в проекте занимает анализ социально-экономических проблем в турецкой провинции (ил) Сакарья с крупным административным центром, городом Адапазары, расположенном в северо-западной части страны. Развитие этой провинции в большей степени отражало не ломку социально-экономического уклада, а восстановление разрушенной экономики на этой территории от стихийных природных катаклизмов (землетрясение) и модернизацию традиционного хозяйственного уклада вследствие складывающейся рыночной конъюнктуры, обусловленной международным экономическим разделением труда и вхождением страны в глобализированное пространство.

Польский город **Лодзь** располагается в Центральном районе страны. Площадь, занимаемая городом, 294,4 км² Население 725,05 тысяч жителей. В настоящее время это третий город Польши после Варшавы и Кракова. Лодзь располагается в 140 километрах от Варшавы. В 1820 году Лодзь была объявлена фабричным городом. В основе его экономического становления большую роль в XIX веке сыграл объединенный капитал польских, русских, немецких и еврейских промышленников Познанского, Шайблера, Майера, Киндерманна, Бидерманна, Швейкерта, Гейдера, Грохманов, Сильберштейна, Гальднера, Копиша и др. Учитывая это историко-экономическое прошлое, муниципалитет города инициировал проведение, начиная с 2002 года, фестиваля 4-х культур.

До последней четверти XX века город Лодзь являлся промышленным центром с четко выделенной текстильной индустрией, это был «текстильный цех» Польши («польский Манчестер»). В городе функционировали текстильные предприятия, численность рабочих на некоторых из них достигала до 6-8 тысяч человек. В комплексе вместе с промышленными предприятиями в XIX начале XX века были выстроены объекты социальной инфраструктуры (жилые дома для инженерно-технических работников и рабочих, школы, почта, больница, пожарное депо, железнодорожный вокзал, фольварк и др.). После национализации предприятий во второй половине 40-х годов XX века эти предприятия стали государственными. Экономика города к концу XX века была представлена также предприятиями машиностроения, химической, пищевой и швейной промышленности. Город Лодзь сформировался

со своеобразной архитектурой, свидетельствующей о некогда богатом торгово-промышленном центре страны. Архитектурными доминантами города являются: комплекс крупных текстильных предприятий, состоящий из зданий полного цикла производства, дворцы фабрикантов И.Познанского, Шайблера, Киндерманна, Бидерманна, выстроенные в стиле итальянского ренессанса и сецессиона, возвышающиеся шпили католических костелов и православный храм византийского стиля. Многие жилые многоэтажные здания сохраняют архитектурный стиль XIX начала XX вв. В городе в XIX веке поселилось много евреев, вследствие чего сформировались еврейские кварталы. В городском пространстве обустроились банковские и торговые комплексы, дома с наймом жилых квартир для рабочих, служащих и городской интеллигенции. Прямые многокилометровые улицы делят город на прямоугольные кварталы, характерные для гипподамовой строительной системы.

Лодзь представляет собой крупный культурный, вузовский и научный центр. В 1945 году на базе объединения ряда высших учебных заведений был создан Лодзинский университет, в котором обучается около 40 тысяч студентов. В Лодзи много интересных архитектурных сооружений XIX- начала XX вв., театров и музеев. Множество скверов и парков оживляют темно-серый цвет жилых и производственных зданий. Лодзь имеет 18 городов-побратимов (от Иванова в РФ до Тель-Авива, Израиль). Город имеет все виды транспортного сообщения как внутри его, так и для связи с другими регионами страны и мира (автобусный, железнодорожный и авиационный).

Во второй половине XX века город Лодзь по своему экономическому потенциалу, численности населения и социально-культурной инфраструктуре являлся вторым городом страны и имел широкие торговые и культурные связи с Россией и рядом стран Европы.

Структура населения отражает сложившийся тип промышленности в городе (текстильный цех), что, в свою очередь, характеризует доминирование женской части населения над мужским населением (из 737, 1 тысячи жителей города 402,1 тысяча женщин, на 100 человек мужского пола приходится 120 женщин). В возрастной структуре населения города доминируют жители 20-64 лет (496 800 человек), отмечается высокий удельный вес молодежи, хотя общее количество жителей до 19 лет имеет тенденцию к

уменьшению. Жители старшего возраста (65 лет и старше) составляют 6% населения города и тенденция их уменьшения значительно ниже, чем у молодежи. Это позволяет делать вывод о проявлении в демографии Лодзи общеевропейской тенденции старения населения города. Сокращение населения в Лодзи происходит постоянно и за последние 20 лет число жителей города уменьшилось на 13% (с 848200 до 737100 человек). Сокращение мужской части населения города значительно выше, нежели женского (число женщин с 1990 по 2010 гг. сократилось на 12%, а мужчин на 14%; на 1000 мужчин приходилось 1200 женщин) [5:1].

Российский город **Иваново**, относительно молодой административный центр, ему всего 144 года. Он располагается в Центральной части России в 300км от Москвы. Город возник в 1871 году вследствие объединения двух рядом находящихся территорий села Иванова и Вознесенского Посада. С 1871 и по 1932 гг. город назывался Иваново-Вознесенск. По своему экономическому развитию он отличался от губернских городов Ярославля, Владимира, Костромы, находящихся в 90-130 км, и превосходил их по обороту капитала.

Во многих научных изданиях по истории экономики России подчеркивалась особенность становления фабричного производства в Иваново-Вознесенске за счет предприимчивой деятельности «капиталистских» крестьян. Индустриальное развитие города с середины XIX века до середины XX века было типичным монокультурным, это был текстильный город (текстильный цех страны). Исходя из такого развития, Иваново нередко сравнивали с английским Манчестером и называли Красным Манчестером. По своему индустриальному развитию Иваново близок городу Лодзь, а за участие обоих городов в революции 1905-1907 гг. эти города получили статус городов-побратимов. В обоих городах имеются площади Памяти революции 1905 года.

Иваново-Вознесенск (Иваново) сыграл в политическом перевороте 1917-1918 гг. значительную роль. По высказыванию В.И.Ленина, *«...иваново-вознесенский пролетариат после московского и питерского был третьим в революционном движении»*. Учитывая это обстоятельство, в 1918 году городу был придан статус губернского центра. Новый административный центр,

«Красная губерния» за счет присоединения к нему других городов и территорий (Ярославской, Владимирской и Костромской губерний) по своему территориальному и экономическому потенциалу считался третьим в СССР (до 1934 года это была Иваново-Вознесенская центральная промышленная область).

Во второй половине XX века экономика города приобретала все больший индустриальный характер за счет строительства на его территории крупных промышленных станкостроительных и машиностроительных предприятий (в городе функционировало 96 крупных и средних предприятий, текстильные предприятия производили от 25% до 60% различной номенклатуры продукции в стране). Как следствие развития промышленной индустрии, производственной и социальной инфраструктуры в городе (строительство жилых зданий, прокладка городских транспортных магистралей, развитие железнодорожного и авиационного сообщения, рост числа образовательных средних и высших учебных заведений, развитие здравоохранения и культуры) возрастало население. К середине 80-х годов XX века в городе насчитывалось до 500 тысяч жителей (в настоящее время 407 тысяч жителей).

Структура населения города по гендерному признаку характеризуется доминированием женского населения над мужской частью населения. Это объясняется участием и гибелью части мужского населения в революции 1917 г., гражданской, финской и второй мировой войнах (из 70 тысяч жителей города, участников Великой Отечественной войны погибло только на фронтах 27 тысяч человек, а всего по области из 400 тысяч участников войны погибло на фронтах 132 тысячи человек). Долгое время в населении города наблюдалась и относительно высокая смертность среди мужского населения. По переписи 1989 и 2002 гг. количество женщин в городе на 1000 мужчин составляло в возрасте 20-24 года соответственно 1035 и 1095 человек, в возрасте 25-45 лет соответственно 1099 и 1083 человек, в возрасте 45-55 лет соответственно 1150 и 1280 человек, в возрасте 55 и старше более 2000 человек. В настоящее время эта диспропорция сохраняется (среди молодежи этой диспропорции не наблюдается). Преобладающее количество женщин в городе вызвало появление метафорической фразы, характеризующей Иваново как *«город невест»*. По составу населения город утрачивает черты мононационального (русского), при доминировании русского населения в городе проживают представители 112 наций и

народностей (доля этнических меньшинств составляет 10,4%). За период с 1990 и по 2010 гг. численность постоянного населения в Иванове сократилось на 70 тысяч человек [5:2].

В XX веке Иваново сформировался как крупный вузовский и научный центр (в городе в 1918 году был создан Политехнический институт, на базе которого с 1934 года получили развитие 4 самостоятельных профессионально-образовательных высших учебных заведения, работает ряд научно-исследовательских центров, множество средних специальных учреждений). Всего в городе функционирует 7 высших государственных учебных заведений и столько же филиалов, множество средних профессиональных колледжей. По числу студентов на 10 000 человек населения Иваново - третий город в стране. Выпускники учебных заведений распределялись на работу в плановом порядке, по направлениям в различные регионы страны. В городе функционировало множество средних образовательных школ, несколько театров и музеев, множество кинотеатров, спортивных стадионов, ежегодно проводились фестивали творческих работников «Красная гвоздика» и др.

В советский период истории Иваново являлся своеобразной строительной площадкой новой коммунистической идеологии, на что обратил внимание поэт В.В. Маяковский: *«Москва и Иваново строятся заново»*. В городе по инициативе властей регулярно организовывались многие идеологические и политические мероприятия. Так, на берегу реки Талка, месте сбора революционно-настроенных рабочих-текстильщиков в 1905 году, был выстроен мемориал Памяти текстильщикам - участникам революций 1905 и 1917 гг.; в центре города на площади Революции открыт памятник жертвам расстрела рабочих 10 августа 1914 года; на площадях города поставлены памятники женщинам-участницам революций. Ежегодно в городе проводился фестиваль военно-патриотической и политической песни. Между текстильщиками Иванова, Твери, Москвы и среднеазиатских республик организовывались конкурсы по профессиям; между хлопкоробами республик Средней Азии и текстильными предприятиями города заключался ежегодно «Договор тысяч». Текстильщики Иванова и польского города Лодзь участвовали в совместных мероприятиях, между ними складывались производственные контакты, дети польских текстильщиков отдыхали в ивановском пионерлагере «Чайка». В городе часто проходили

митинги в поддержку коммунистического движения в других странах. Студенты высших учебных заведений ежегодно участвовали в движении «Студенческие строительные отряды» (так, ивановские студенты участвовали в строительстве в Польше лодзинского медицинского центра «Матери и дитя», на прокладке нефте-, газопровода «Дружба» и др.). К началу 90-х годов город, находясь в 300 км от Москвы, имел все виды городского внутреннего транспорта (автобусы, троллейбусы и трамваи, такси), а также воздушное, железнодорожное и автобусное сообщение между городами страны.

Литовский город **Паневежис**-пятый по величине в Литве. Он занимает территорию в 50 км². Город упоминается в исторических хрониках еще в 1503 году, в 2003 году город отметил свое 500-летие. В городе проживало 132100 жителей, в настоящее время 98 612 жителей. Паневежис является моноэтническим городом, население в нем на 96% литовцы.

Экономическое развитие Паневежиса началось в конце XIX века, что было связано близостью к железнодорожной магистрали. Важными отраслями экономики города являлись: пищевая промышленность, производство электроники, мебели, стекла, керамики, текстиля, а также строительных материалов. В городе функционировало 4000 предприятий, среди них 30 паневежских фирм входят в число крупнейших в Литве компаний. Большинство предприятий занято в сфере оптовой и розничной торговли, промышленной деятельности, инфраструктуры города и логистики. В городе 90 компаний с участием иностранного капитала и 20 литовских филиалов иностранных компаний, Норвежский индустриальный парк и Бизнес-консалтинговый центр. Паневежис является членом Союза Балтийских городов, в городе действует Академия Балтосканди, занимающаяся международными культурными контактами, литературными исследованиями и имеющая большую библиотеку. В городе функционируют филиал Каунасского технологического университета и Паневежская коллегия – всего более 3 тысяч студентов. Паневежис является театральным городом, в нем насчитывается несколько театров, консерватория, два оркестра, проводятся фестивали джазовой музыки, выставки художников по керамике, фотографии. Город имеет автотранспортные связи с

Вильнюсом, Ригой (международная трасса Via Baltica), Шауляем и железнодорожное сообщение. В структуре населения города доминирует женская часть населения, четко проявляется тенденция на сокращение численности горожан (от 1990 к 2010 году численность населения города сократилась на более чем 17 тысяч человек) [5:3].

Венгерский город **Мишкольц** – четвертый город по населению в стране и второй промышленный центр после Будапешта. Город располагается на северо-востоке Венгрии в районе горного массива Бюкк и на берегах рек Шайо и Синва. Статус города Мишкольц получил в 1364 году. С начала XVIII века город стал приобретать масштабные контуры, и уже в первой половине XIX века это был важный торговый и индустриальный центр страны. С 1909 года город был наделен полномочиями муниципалитета. Во второй половине XX века в городе получили развитие металлургия и тяжелое машиностроение, что сформировало монокультурный характер его экономики, доминирующее положение получила обрабатывающая промышленность. Это повлияло на экологическую обстановку в городе, нередко в нем наблюдался смог, состоящий из выбросов промышленных предприятий, уличной пыли и грязи, а также побочных продуктов от сжигания нефти, газа и угля для отопления жилых и производственных зданий. Город в этот период стал расширяться за счет жилой застройки, что повлекло частичное разрушение его исторического центра. В городе также была обустроена сеть различных видов транспортного сообщения: внутригородское (автобусы и трамваи), международное (скоростная автотрасса и железная дорога) и водное по рекам Шайо и Синева.

В Мишкольце сконцентрировалось обилие исторических достопримечательностей и архитектурных памятников (Кальвинистская церковь начала XV века, Греческая православная церковь конца XVIII века, приходская католическая церковь святых апостолов Петра и Павла XVIII века, древняя крепость Дьешдьер XIII века). Природными историческими объектами города являются холм Аваш с древними артефактами, относящимися к кельтской культуре, национальный парк Бюкк с пещерами, виноградниками, садами, буковыми и дубовыми лесами, термальными источниками. Все

вышеуказанное вместе с тем, что в Мишкольце функционирует множество образовательных школ, университет (1949 г.), 11 музеев и Национальный театр (1823 г.), определили город как «центр культуры» северо-востока страны.

Население города в основном состоит из венгров, однако по данным муниципалитета, в Мишкольце проживает и национальное меньшинство, цыгане, которые составляют 11-12% от всего числа жителей города. Структура населения города по гендерному признаку сложилась в пользу женского населения, что объясняется следствием войн на территории страны, относительно высокой смертностью мужского населения (в городе на 1000 мужчин приходится 1162 женщины). Низкий уровень рождаемости и более высокая продолжительность жизни населения в городе сформировали своеобразную пирамиду возрастной структуры населения. При большинстве населения города среднего возраста (до 39 лет), дети и молодежь составляют 21%, пожилые люди (60 лет и старше) - 20%. В динамике численности населения города присутствует общая тенденция, характерная и для страны, уменьшение населения (в 80-е годы XX века число жителей города составляло 211 660 человек, в настоящее время сокращение составило 20% населения). Общей тенденцией для страны и города является увеличение в структуре населения пожилых людей (65 лет и старше), что объясняется низким уровнем рождаемости и более высокой продолжительностью жизни людей (77,9 лет для женщин и 70,1 год для мужчин) [5:4].

Турецкая провинция (ил) **Сакарья** с административным центром **Адапазари** является административно-территориальным районом на северо-западе страны. Этот ил находится в 140 км от Стамбула.

Провинция Сакарья характеризуется в настоящее время ростом населения 1,9% в год. http://www.tury.ru/photo/tury_gallery.php?cn=69&ct=324220. На территории Сакарьи расположены 13 провинциальных городов, всего в регионе насчитывается 800 000 жителей. На севере Сакарьи

находится Черное море, внутри региона располагаются озера Акгель и Саланджа, а также нижнее течение и устье реки Сакарья.

Главными видами экономической деятельности в регионе являются: выращивание табака, пшеницы, сахарной свеклы, разведение леса, выращивание лесного ореха, овцеводство, производство кормов для скота.

С конца 80-х – 90-х годов, особенно после землетрясения 1999 года, в регион были направлены крупные инвестиции для восстановления и реконструкции экономики региона, проводились большие дорожные работы с целью доступности транспорта к добыче сырья, а также приближения к производителям готовой продукции, находящимся вблизи автострады. Эти меры способствовали превращению региона из центра традиционной сельскохозяйственной деятельности в развивающийся регион с индустриальной экономикой и развитой инфраструктурой. В свою очередь, данные меры способствовали снижению уровня безработицы, росту занятости населения в секторе туристического обслуживания. С другой стороны, эти мероприятия способствовали изменению структуры проживания и занятости населения региона. Так, если в 80-е годы XX века в сельской местности Сакарьи проживало 75% населения, а в городах только 25% населения региона, то уже к 2000 году эта пропорция изменилась – в сельских местностях 40%, а в городах 60% населения. В настоящее время в сельской местности проживает 25% населения района. Доля занятости в промышленном секторе и в обслуживании значительно увеличилась. В Сакарье функционирует 15 промышленных площадок малого бизнеса, главным образом в этом секторе заняты производством продуктов питания, текстильной продукции, лесоматериалов, строительными работами. Более крупные предприятия производят продукцию металлопроката, электроприборы, электронную технику, а также заняты в нефтехимической и автомобильной сферах бизнеса. Экономика Сакарьи характеризуется ростом внешней торговли (экспорт – 1,7 млрд долл., импорт – 908 млн долл.) [5:5].

Сакарья является одним из важных туристических центров региона Турции Мармары, в котором сосредоточены памятники древних культур и исторического прошлого страны (Осман Гази, Большая мечеть, усыпальница Орхана Гази, замок Эльван бея), а также множество водных источников. Крупным городом в Сакарье является Адапазары (более 300 000 жителей). В Адапазаре много

супермаркетов, торговых центров, гостиниц, больниц, учебных заведений, несколько кинотеатров. В городе создан музей им. Ататюрка и Музей этнографии, привлекает внимание мост Бешкопру (мост Юстиниана) протяженностью в более чем 400 м, построенный еще в середине VI века нашей эры. В городе функционирует железнодорожный вокзал и автовокзалы.

5.2. Состояние социальной среды городов Центрально-Восточной Европы в условиях кризиса социально-экономического уклада (конец 80-х годов XX века - начало XXI века)

Состояние жизни городов в конце 80-х – начале 90-х годов XX века резко изменилось в связи со сменой парадигмы социально-экономического развития государств. Вступление стран Центрально-Восточной Европы в рыночную экономику характеризовалось разрушением индустриальной базы городов монокультурного развития. Вектор изменений в развитии социально-экономического уклада городов свидетельствовал о переходе их экономики от промышленного типа к торгово-промышленному, обслуживающему типу. Промышленные градообразующие предприятия, способствовавшие в прошлом решению многих социально-экономических проблем городских жителей, утратили свое значение.

Вхождение в рыночную экономику Лодзи, Иванова, Мишкольца и Паневежиса ознаменовалось тотальным кризисом в городах. Чертами этого кризиса явилось падение промышленного производства, разрыв торгово-экономических контактов, рост инфляции. Наряду с этим усилилась напряженность в социальной жизни городов вследствие роста безработицы, снижения уровня жизни населения, увеличения преступности, миграция части активного населения в экономически развитые города. Прослеживалась в сознании горожан переоценка значимости традиционных социальных ценностей, возросла смертность, увеличилось число суицидальных случаев. У части населения городов наблюдалось пессимистическое настроение от происходящих перемен, в их оценках деятельности социальных, властных и административных институтов доминировала критика и протестные действия, усилилась миграция за пределы стран проживания.

Крупной причиной проявившегося кризиса в городах явился разрыв экономических связей (производственных и торговых) между странами, а вследствие этого и между городами. В свою очередь, это

привело к закрытию многих промышленных предприятий (в Иваново закрылось более 30 предприятий, среди них были ведущие текстильные фабрики; в Паневежисе закрылись 3 крупных градообразующих предприятия: текстильная фабрика, кабельное производство, завод электронной продукции; в Лодзи закрылись крупные текстильные мануфактуры, подобная ситуация складывалась и в Мишкольце).

Процессы неупорядоченной приватизации в странах Центрально-Восточной Европы, начавшиеся в 90-е годы XX века, перерегистрация предприятий из государственных в коммерческие (частные) фирмы, сопровождавшаяся фактами реального и умышленного банкротства, вызвали резкий рост безработицы в городах, что способствовало криминализации обстановки в городской среде. Нередко безработицу определяли как *«безработицу с женским лицом»*, т.е. в численности безработных доминировали женщины. Вместе с тем безработицу можно было характеризовать и как молодежную, т.к. в общей численности безработных был высокий удельный вес трудоспособных людей в возрасте от 16 до 29 лет. Например, в Ивановской области (Россия) уровень безработицы составлял критический уровень 27%, один из самых высоких по стране. Как показывают исследования, пик безработицы был высоким с 1995 по 2005 гг. (это показательно для российского Иваново и литовского Паневежиса).

Промышленные предприятия, особенно текстильного и швейного профиля, ранее функционировавшие в качестве градообразующих предприятий, не выдерживали конкуренцию со стороны подобных предприятий Китая и Турции, заполнявших рынок городов дешевой текстильной и швейной продукцией.

Исследование состояния социальной городской среды на рубеже XX – XXI вв. в вышеуказанных городах осуществлялось по программе Международного научного проекта *«Возрождение периферийных городов в постиндустриальной стадии»* в ходе интервьюирования и изучения статистических данных за период 1990 – 2010 гг. Так, на вопрос: *«Назовите основные проблемы в жизни Вашего города?»* большинство респондентов среди прочих названных проблем выделили проблему безработицы. Изучение статистических данных о состоянии безработицы позволило определить ее уровень в указанных городах как среди всего активного населения, так и среди молодежи в возрасте 16-29 лет

(табл. 20). Как показывают данные, наибольший уровень безработицы среди активного городского населения наблюдался между 1995 и 2005 гг. Лидерами по этому показателю были Лодзь, Мишкольц и Паневежис. Заметим, что среди российских регионов наибольший уровень безработицы наблюдался в Ивановской области, он колебался в пределах 27-28%. Высокий уровень безработицы среди молодежи (16-29 лет) в исследуемых городах наблюдался в российском Иванове и литовском Паневежисе.

Таблица 20

Динамика уровня безработицы в исследуемых городах (%) [5:6]

Город/ возраст	1990г.	1995г.	2000г.	2005г.	2010г.	в 2010 к 2000 году
Лодзь / население 16-29	нд	8,43 нд	15,80 19,80	16,40 12,80	10,0 12,10	- 1,2 раза -1,6 раза
Иваново / население 16-29	нд	10,5 27,0	10,3 нд	0,5 30,0	1,2 37,0	- 8,5 раза +1,4 раза
Мишкольц / население 16-29	1,70 15,0	11,70 7,20	11,60 5,30	12,00 8,70	17,30 10,00	+1,5 раза + 1,8 раза
Паневежис / население 16-29	6,2 нд	6,5 нд	15,5 30,3	10,8 33,1	23,1 44,4	+ 1,4 раза + 1,1 раза
Сакарья / население 16-29	3,50	нд нд	7,10 13,90	5,90 11,90	11,40 нд	+1,7 раза

Нд – нет данных (+ рост безработицы, – снижение безработицы)

Рост безработицы в городской среде объясняется также фактом стремления администрации приватизированных предприятий снять с баланса предприятий социальные и коммунальные объекты. Новые собственники предприятий продавали социальные объекты (детские дошкольные учреждения, оздоровительные центры-профилактории, дома культуры, спортивные площадки, летние детские лагеря) и коммунальные объекты (жилые дома и обслуживающие их службы). Все эти объекты продавались по балансовой или остаточной стоимости частным лицам. Как следствие этих действий, безработными становились в основном женщины, работавшие на этих объектах.

На вопрос: *«Какие процессы углубили в Вашем городе состояние безработицы?»* Целый ряд респондентов указал на разрушение объектов социальной инфраструктуры на бывших предприятиях, где они прежде работали.

Статистические данные в исследуемых городах позволяют видеть динамику сокращения объектов социальной инфраструктуры на предприятиях (табл. 21). В наибольшей степени пострадали от приватизации детские учреждения (детские ясли и детские сады), которые новыми собственниками были использованы в качестве

Таблица 21

Динамика сокращения численности социально-культурных объектов вследствие приватизации [5: 6]

Показатели	Лодзь		Иваново		Паневежис		Мишкольц		Сакарья	
	1990	2010	1990	2010	1990	2010	1990	2010	1990	2010
Детские учреждения (дет. сад + дет. ясли)	172	135	237	120	нд	30	76	33	3	32
Кинотеатры и киноустановки	32	8	26	3	нд	нд	нд	нд		нд
Библиотеки	105	81	95	32	нд	нд	нд	нд		нд
Клубные учреждения	нд	нд	40	4	нд	нд	нд	нд		нд

(нд – нет данных)

торговых центров, офисов или складов для имущества. Рост безработицы и потеря рабочего места вызывали необходимость активизации людей в других сферах деятельности, получила развитие неупорядоченная челночная торговля, которой в основном занимались женщины, бывшие работницы текстильных предприятий. В экономике развился бартерный (товарный) обмен, наметилась тенденция к появлению такого феномена, как «долларизация» (погоня за баксами), вследствие чего падала роль национальной валюты. В России правительство, осуществляя борьбу с инфляцией и гиперинфляцией, разрушающей мотивацию людей к общественному производству, провело ряд деноминаций. Подобные меры были осуществлены и в других странах Центрально-Восточной Европы.

Безработица резко ударила по уровню жизни населения в городах, росту численности людей с низкими доходами, что приводило к их обнищанию и физической деградации. Анализ состояния уровня жизни прослеживается на сравнении динамики среднего дохода у населения стран и в исследуемых городах (табл. 22). Если проследить различия показателя «уровень среднего дохода

(заработной платы)» в исследуемых городах с его данными по стране, то отметим следующее различие за период от 2000 к 2010 году. Так, к 2010 году это различие по стране и городу составило в Польше соответственно - 170% и 130%, России - 94% и 1200%, Венгрии - 270% и 240%, Литве –200% и 190% и, наконец, в в Турции – 140 и 103% (к 2005 году).

Таблица 22

**Динамика среднего дохода в исследуемых городах
(в национальной валюте) [5: 6]**

Страна/ город	1990г.	1995г.	2000г.	2005г.	2010г.	2010 к 2000, %
Польша/ Лодзь / PLN	637,0 Н д	707,26 Нд	1893,74 Н д	2506,93 2401,67	3435,0 3243,15	+170% +130% к
Россия / Иваново руб.	303,0	470400/ 359042	2223,4/ 1383,0	8554,9/ 6746,0	20952,0/ 16385,0	+940% +1200%
Венгрия/ Мишкольц форинт	13000/ 11000	39000/ 33000	87000/ 73000	156000/ 131000	206000/ 173000	+270% +240%
Литва/ Паневежис	283руб. 285руб.	480,9лат 432,0лат	282,0 eu. 257,0eu	370,0 eu. 317,0eu	576,0eu. 492,0eu.	+200% +190%
Турция/ Сакарья динар	Нд. Нд.	Нд. 7710,0	Нд. Нд.	9632,0/ 10847,0	13020,0/ 11277,0	+140% +103% к 2005

(Нд – нет данных)

Наибольший разрыв между уровнем среднего дохода по стране и городу обнаружился в российском Иванове, он составил 26%. Различия в уровне средних доходов между страной и городом в других государствах колебались от 4 до 15%. Эти различия могут показаться незначительными, но общая тенденция - сохранение различий в среднем доходе и их рост свидетельствуют о наличии множества причин сохранения данного феномена. В первую очередь, эти различия объясняются уровнем и возможностями экономической активности в самих городах, а также ошибками правительств в социальной политике. Интересно указать на причину роста среднего дохода в Иванове в 1995 году, фактически он объяснялся неоднократно проводимой деноминацией национальной валюты. Реально же за чертой минимального прожиточного минимума в России к 2010 году проживало более 15% россиян. Как следствие падения дохода у населения указанных городов по отношению к показателю по стране стало возрастать в городском обществе

расслоение людей по материальному положению, и формировалась группа людей, определяемая как представители андер-класса.

Вследствие масштабного кризиса в восточно-европейских странах возросла смертность среди населения городов. Причины лежат на поверхности явлений социально-экономической и политической жизни стран. Такие параметры качества жизни, как медицинское обслуживание, дороговизна лекарственных препаратов, переход на платную медицину, рост сердечно-сосудистых и психических заболеваний, стрессовые ситуации в жизни людей – все это влияло на рост смертности и убыль населения.

Тенденция сокращения населения вследствие роста смертности и низкой рождаемости в исследуемых городах и странах статистически может отличаться, но как закономерность она действует в реальной жизни. Можно, касаясь современности, утверждать о неомальтузианском прогнозе в демографии исследуемых городов (табл. 23).

Смертность среди населения городов тесно связана и с экологической обстановкой в них, качеством продуктов питания и употребляемой питьевой воды.

Таблица 23

**Состояние смертности среди населения
и факторы, определяющие ее динамику [5: 6]**

Показатели	Лодзь		Иваново		Паневежис		Мишкольц		Сакарья	
	1990	2010	1990	2010	1990	2010	1990	2010	1990	2010
Смертность (на 1000 жителей)	13,8	14,3	12,7	15,9	Н.д	,6	12,9	13,9	Н.д	Нд
Число врачей на 1000 жителей	3,92	4,2	9,1	9,4	Н.д	4,3	9,0	11,1	Н.д	2,9
Число мест в больницах (на 1000 жителей)	8,23	7,9	8,6	6,5	Н.д	14	4,38	5,1 5	10..	9,7
Качество воздуха (индекс загрязненности)	Н.д	31,4	10,7	10,3	Н.д	Н.д	Хор.	Хор.	Н.д	Н.д
Качество питьевой воды	Н.д	Нд	Гост 51232	Гост 5123	Н.д.	Нд	Хор.	Хор.	Н.д	Нд
Очищенные сточные воды, %	98,5	99,	22,0	66,0	Нд	Н.д.	18	90	Н.д	4,5

(Нд – нет данных)

С позиции гендерного аспекта анализа смертности населения обращает внимание на себя факт высокой смертности в городах среди мужчин, нежели женщин, что можно объяснить условиями труда и большей подверженности мужчин стрессам, климатическими условиями, большим употреблением алкоголя и курения, сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, несчастными случаями в быту и на производстве. В Иваново до 2007 года в показателе смертности преобладали мужчины с 40 лет и выше, с 2008 по 2010 год этот показатель сменился, женщины умирают чаще, начиная с возраста 50 лет и старше. По количеству фактов общей смертности среди населения с 1990 по 2010 год среди жителей исследуемых городов российский Иваново лидирует (так, соотношение между рождаемостью и смертностью на 1000 жителей выросло соответственно в Лодзи с - 4,9/13,8 до нд/14,3, в Иваново с 11,2/ 12,7 до 10,6/15,9, Паневежисе до 14,6, Мишкольце с 12,9 до 13,9, по Сакарье нет данных. Состояние роста смертности можно также объяснять и производными факторами, как то: уменьшение числа медицинского персонала в государственных клиниках городов и переход медицинских работников в частные клиники, сокращение количества мест в больницах, качество атмосферы в городах и питьевой воды, употребляемой жителями городов.

Кризис экономического и социального характера в исследуемых городах отразился на состоянии семейного уклада городских жителей и демографической обстановке (упала рождаемость детей, возросло количество разводов в семьях, проявилась тенденция демографического старения городского общества). Средний возраст населения в Иваново составляет 39,22 лет, среди мужчин - 36,1 лет, среди женщин – 41,8 лет (этот показатель в России - 37,3 лет). Коэффициент демографической нагрузки на трудоспособное население города (с учетом детей от 0 до 15 лет) составляет 259,7 на 1000 работающей активной рабочей силы. Статистические данные в исследуемых городах и странах подтверждают проявление этой тенденции, темпы прироста молодежи значительно ниже, чем рост пожилых людей нетрудоспособного возраста в городском населении.

Данные исследования позволяют судить о наличии общих демографических тенденций в городах, отрицательном естественном приросте населения в них (уровень смертности превышает рождаемость) и росте количества разводов в семьях. Причины проявления этих тенденций обусловлены многими обстоятельствами.

К причинам психологического характера можно относить наличие в сознании женщин репродуктивного возраста установки *«сначала карьера, а затем семья»*, стремление получить образование, либерализация аборта. К факторам политического содержания можно относить факты: не обращения в течение долгого времени внимания на проблемы молодой семьи, участие в военных конфликтах и гибели молодых мужчин (военные конфликты в Афганистане и Чечне). Гибель части молодых мужчин в военных конфликтах вызвало у женщин репродуктивного возраста отрицательные установки *«зачем рожать пушечное мясо»*. К ним прибавились и факторы экономического характера (отсутствие жилья, низкий доход, малые денежные пособия за рождение 2 и 3 ребенка) и физиологического свойства (неспособность организма части женщин к репродукции).

Как показали исследования, во многих городах наблюдался отрицательный естественный прирост населения, что в перспективе будет усиливать демографическое старение общества (табл. 24). Это, в свою очередь, и может сказаться на проявлении дефицита трудовых ресурсов и напряженности труда занятой активной рабочей силы. Так, в настоящее время количество пенсионеров в населении городов составляет: в Лодзи - около 15%, Иванове - 19% (295 пенсионеров приходится на 1000 жителей), Мишкольце - 20%, Паневежисе – 21%, Сакарье – 17%. В Мишкольце уже в настоящее время число родившихся детей фактически на 30% меньше, чем необходимо для простого воспроизводства населения.

Частым явлением стали разводы в семьях, причем количество разводов растет в семьях, не проживших еще и года семейной жизни. Все чаще молодые люди ведут совместную жизнь в статусе *«гражданского брака»*. Проблема разводов характеризуется ростом их количества в исследуемых городах, особенно в среде молодых семей. Причин разводов множество. Как показывает статистика разводов в городах, в них доминируют причины экономического содержания (низкий уровень жизни, отсутствие жилья, безработица). Имеют место причины психологического свойства (психологическая несовместимость супругов, насилие в семье, низкий уровень семейного воспитания, падение значимости моральных установок, измены, нежелание одного из супругов иметь детей, нарушение семейных традиций, конфликты между супругами и др.). Определенное место имеют причины разводов в семьях

этнокультурного характера (не восприятие одним из супругов традиционных семейных устоев другой этнокультуры).

По данным статистики каждый второй брак в восточно-европейских городах распадается и общая тенденция - увеличение численности разводов. Высокий уровень разводов в венгерском Мишкольце (12,1 фактов развода на 1000 жителей) может объясняться невысоким уровнем жизни. Индикаторы качества жизни

Таблица 24

Демографическое состояние в городах (2000-2010 гг.) [5: 6]

Показатели	Лодзь		Иваново		Паневежис		Мишкольц		Сакарья	
	2000г	2010г	2000г	2010г	2000г.	2010г	200г	2010г	200г	2010г
Количество браков на 1000 чел. населения	4,5	5,0	5,4	7,6	Нд	Нд.	Нд.	Нд	Нд.	Нд
Рождаемость на 1000 населения	-4,9	Нд	6,5	10,6	7,8	11,2	9,9	8,9	Нд.	Нд
Естественный прирост	Нд	Нд	-10,5	-5,3	Нд.	Нд	Нд.	Нд	Нд.	1,9
Количество разводов на 1000 населения	2,0	2,2	3,1	4,6	3,7	3,0	11,0	12,1	1,2	1,5

(- отсутствие естественного прироста вследствие высокой смертности над рождаемостью; Нд – нет данных).

в городе значительно ниже, чем по стране и в ЕС (доходы населения значительно ниже, чем по стране и еще более низкие, чем в ЕС; безработица в городе значительно выше, чем по стране). Размываются традиции патриархальной семьи (в сельской местности Венгрии количество разводов значительно ниже, чем в городах). В российском Иваново динамика разводов также высока (4,6 фактов на 1000 жителей города) и она может быть объяснима малым строительством жилья для молодых семей, высокой миграцией членов семьи в другие города за заработком, сохраняющимся невысоким уровнем дохода в семье.

Ил Сакарья отличается демографической ситуацией от вышеуказанных городов. Это объясняется, во-первых, сохранением естественного прироста населения (1,9% в год, данные на 2010), во-вторых, незначительным количеством разводов (1,5%), в-третьих, до

2010 года мужчин в провинции было больше, чем женщин, в 2010 году зафиксировано впервые количество женщин на 1000 человек населения больше, чем мужчин. Это может объясняться также сохранением традиционного семейного мусульманского уклада и меньшей подверженности мусульманских семей европейским традициям.

Как следствие безработицы, падения уровня жизни большей части населения в обществе в 90-е годы XX века в городах возросла социальная дезорганизация, характеризуемая возросшей численностью преступных действий, снижением безопасности жизни городского населения (табл. 25).

Пик преступности во всех исследуемых городах приходится на 1995 – 2005 гг. Уголовные преступления совершали как профессионалы-преступники, так и втянутая в преступные действия молодежь. Динамика совершаемых уголовных преступлений за период 2000 – 2010 гг. в исследуемых городах имеет тенденцию на снижение, что особенно заметно из статистических данных Лодзи, Иванова и Сакарьи. Это же можно наблюдать и в категории экономических преступлений. Однако заметно выросла статистика преступлений в виде наркотрафика и дорожных преступлений (Лодзь и Иваново) [5:6].

Таблица 25

Динамика преступности в городах в 2000 – 2010 гг. [5: 6]

Наименование преступления	Лодзь		Иваново		Паневежис		Мишкольц		Сакарья	
	200г	2010г	2000г	2010г	200г	201г	200г	2010г	2005г	2010г
Уголовные: убийства, разбой телесные повреждения, воровство, изнасилования,	35697	21998	11798	5769	2369	2336	4550	3818	2757	13264
Экономические преступления: в т.ч.	1030	4531	1544	500	Н,д	Нд	357	238	1136	3356
наркотрафик	546	572	Нд	201	Н.д.	61	625	441	119	1710
дорожные	Нд.	1572	522	943	Нд		Нд		Нд	Нд

(Нд – нет данных)

Обратимся к анализу динамики преступности в городе Иваново. Многие респонденты, участвующие в исследованиях в Иваново, указывали на неудовлетворительное состояние действий властных и

правовых институтов в борьбе с правонарушениями в городской среде, т.к. количество запротоколированных правонарушений в различных формах возросло. Понимание природы данных явлений различное. Причины их кроются как в социально-биологической, так и экономической природе. Безработица, растущее расслоение в обществе по доходам и уровню жизни (по показателю дифференциации доходов, децильному коэффициенту разность в доходах между 10% населения с высокими доходами и 10% с минимальными доходами в России составляет от 17 до 50) являются питательной основой для правонарушений

Численность зарегистрированных правонарушений в стране возросла с 1,83 млн случаев в 1990 году до 2,95 млн случаев в 2000 году. Высокая тенденция роста числа правонарушений сохраняется и в настоящее время (в 2010 году они составили 2,63 млн случаев). За десять лет с 1990 и по 2000 год возросли правонарушения, связанные с убийством и покушением на убийство, изнасилованием и попытками к подобному действию; кражи составили более миллиона фактов, усилились преступления, связанные с оборотом наркотиков (с 16,3 до 243,6 тысяч фактов). Количество лиц, совершивших преступные деяния, увеличилось с 897,3 тысяч человек до 1,74 млн человек. Наиболее активными преступниками являлись лица от 25 до 50 лет как среди мужчин, так и женщин. Кроме того, наблюдался рост численности экономических преступлений, в таких формах как подкуп, взятки, преднамеренное банкротство предприятий, нецелевое расходование финансовых средств. В городе Иваново количество зарегистрированных правонарушений за 1990 – 2010 гг. возросло в 2 раза, однако за период 2000 – 2010 гг. проявилась тенденция к их снижению на 28% [5:6].

Опасность составляют повторные правонарушения со стороны лиц, вернувшихся из мест заключений, неумение и нередко нежелание адаптироваться в нормальной гражданской жизни (в городе выявлено треть подобных преступлений от их общего числа). Семейные проблемы, обусловленные низким уровнем жизни, склонностью к пьянству со стороны обеих сторон, также подталкивают людей к правонарушениям, вплоть до покушения на жизнь (доля пьяной преступности составила только в 2010 году 16,7% от всех совершаемых преступлений). Сохраняется опасность и в связи с растущей наркоманией отдельных людей, что особенно тревожно со стороны молодежи. Опасными для здоровья являются

органические и неорганические, синтетические наркотические вещества. Количество правонарушений, связанных с употреблением наркотических веществ, имеет тенденцию к росту (за последние 5 лет уровень потребления этих веществ возрос более чем на 50 %).

Социально-экономический кризис 80-х – 90-х годов XX века вызвал процесс активизации предпринимательской деятельности в городах. И если в Лодзи и Мишкольце имелись определенные условия для этого (малое предпринимательство присутствовало в этих городах в период социалистической экономики), то в Иванове и Паневежисе этот процесс развивался «с чистого листа». Общим явлением для экономики во всех исследуемых городах являлось стихийное и неуправляемое формирование предпринимательской активности. Бывшие государственные предприятия переходили в процессе приватизации и их перерегистрации в частную собственность отдельных лиц или акционировались.

Как следствие приватизации государственных и муниципальных предприятий в экономике городов формировалась предпринимательская среда, сопровождаемая организацией малого и среднего бизнеса. В России и Литве этот вид бизнеса выходил из сферы теневой экономики и юридически был легализован вследствие принятия законов «*О предприятиях и предпринимательской деятельности*», «*О собственности в РФ*», «*О приватизации имущества государственных и муниципальных предприятий*», «*О крестьянском (фермерском) хозяйстве*», а также Гражданского кодекса и других нормативных актов. В Лодзи, Мишкольце и Сакарье различные формы предпринимательства получили дальнейшее развитие, как естественное расширение поля рыночной экономики.

Развитие частной предпринимательской деятельности способствовало формированию в обществе новой социальной группы, так, в России они получили определение «*новые русские*». Процессы формирования предпринимательского бизнеса протекали противоречиво, что объяснялось, во-первых, несовершенным законодательством, высокой инфляцией и расслоением в обществе, во - вторых, традиционный менталитет людей homo soveticus видел в предпринимателях классового врага, вора, а сама приватизация была названа «*прихватизацией*», в - третьих, бизнес имел некоторую криминальную особенность («*крышевание*» бизнеса, рост коррупции и преступности). Но при всем этом следует признать, что

предпринимательский бизнес способствовал становлению рыночной экономики, преодолению дефицита на многие потребительские товары для населения городов, снятию остроты и напряженности на рынке труда за счет создания новых рабочих мест. В процессе развития рыночной экономики в городах регистрировались новые юридические лица, резко снижалось количество крупных предприятий, не способных выдержать конкуренцию (в Лодзи и Иваново закрывались текстильные фабрики) и одновременно также быстро возрастало количество предприятий малого и среднего бизнеса, снимающих напряженность на рынке труда.

Таблица 26

Динамика формирования предпринимательских компаний в городах [5: 6]

Показатели	Лодзь		Иваново		Паневежис		Мишкольц		Сакарья	
	1995г	2010г	1995г	2010г	1995г	2010г	1995г	2010г	1995г	2010 г
Количество зарегистрирован. компаний (тысяч ед.)	60,8	87,8	8,0	20,7	Нд	6,3	Нд	22,9	Нд	9,4
Крупные компании всего	Нд	Нд	96	60	Нд	79	Нд	39	Нд	Нд
Средние и малые (тысяч ед.)	Нд	Нд	9,3	21,9	Нд	3,3	Нд	22,9	0,36	0,854
Компании с иностранным капиталом (единиц)	Нд	1070	Нд	30	Нд	Нд	Нд	119	7	10
Зарубежные инвестиции в экономику города	84	3531 млн евро	1,0	67.6 млн долл.	Нд	158 млн евро	Нд	Нд	Нд	Нд

(Нд – нет данных)

Рост количества малых предприятий в городской экономике оживил сферу обслуживания населения и, в основном, они функционировали в сфере ресторанно-торгового бизнеса (частные кафе, рестораны, продовольственные магазины, ювелирные магазины, магазины алкогольной продукции, базы оптовой продукции, ярмарки швейных и текстильных товаров). Получили развитие различные мастерские по пошиву и ремонту одежды, бытового оборудования, центры по оказанию репетиторских услуг в изучении иностранных языков, а также частных медицинских услуг (стоматологии, ветеринарии), цветочные бутики. Малый и средний бизнес оформился в организации юридических и консалтинговых

услуг, банковских учреждений, пассажирских и грузовых перевозок коммерческого профессионального образования, переподготовке квалифицированных кадров и др. Средний бизнес сосредоточился в производстве строительных материалов, организации торговых комплексов, подрядном строительстве.

Переход к рыночной социально-экономической системе сказался и на изменениях в политической системе стран, политической жизни городов. В большинстве восточно-европейских стран устранялась монополия коммунистической идеологии и партий, проводящих ее в жизнь. Наиболее обостренно этот процесс проходил в России, где на смену однопартийной системе пришла к политической жизни многопартийная система. Страна бурлила митингами сторонников и противников модернизации общества. Вследствие изменений в политической жизни страны в 90-е годы XX века (после событий 1993 года) установилась политическая система, отражающая интересы формирующейся либеральной олигархической элиты во главе с президентом Б.Ельциным. Эта система первоначально была поддержана населением страны, но после событий, связанных с 1-й и 2-й чеченскими войнами во второй половине 90-х годов этого же века, началась полоса ее критики. В городах прошли протестные выступления, возрос уровень недоверия со стороны населения к властным институтам как на федеральном, так и на региональном (местном) уровнях. Все это отразилось в настроениях избирателей во время выборных кампаний (население голосовало зачастую «против всех»).

Картина избирательных кампаний по выборам в законодательные органы стран и глав государств отражала настроения избирателей разных регионов. Так, в России в выборах в Государственную думу в 2003 году кандидатами были представители от 23 партий, при этом явка избирателей по стране составила 55,5%, в Иванове этот показатель был значительно ниже. В 2007 году на выборах в Государственную думу заявило столько же представителей партий, как и в 2003 году, явка избирателей составила по стране 63,8% (в городе Иваново – 33,7%). В 2011 году голосование на выборах в Государственную думу составило около 50% (по городу Иваново 31,0%). В выборах президента страны в 2008 году участвовали более 60% избирателей по стране (по городу Иваново – 46,6%). Меняющаяся картина избирательных кампаний отражала те настроения и ожидания избирателей, которые соответствовали

пониманию людьми сложившихся проблем в стране и городе. Эти выборные кампании отличались от выборов социалистического времени, где количество избирателей всегда составляло 99%. Практически на выборах конкуренция проходила между такими партиями, как Единая Россия (правительственная партия), КПРФ, ЛДПР, Справедливая Россия.

Таблица 27

Участие населения в избирательных кампаниях по выборам администрации города [5: 6]

Информационные данные	Лодзь		Иваново		Паневежис		Мишкольц		Сакарья	
	2000	2010	2000	2010	2000	2010	2000	2010	2000	2010
Явка избирателей %	25,8	34,9	45,0	29,3	51,3	36,6	51,1	43,4	Нд	Нд
Число кандидатов на пост главы города	Нд	12	13	1	Нд	4	4	4	Нд	31
Число кандидатов в советники, члены городской администрации	Нд	102	26	26	Нд	450	370	192	Нд	42
Количество партий зарегистрированных	Нд	4	3	5	Нд	11	9	5	Нд	21
Количество НПО на 1000 жителей	Нд	Нд	0,002	0,002	Нд	Нд	17	17,01	Нд	Нд

(Нд – нет данных)

Характерным явлением этого периода стала частая смена политических лидеров и кабинетов министров в странах, получивших определение, заимствованное из политической жизни Италии 70-80-х годов XX века, «министерская чехарда». Так, средняя продолжительность пребывания вице-преьера на своем посту в России во второй половине 90-х годов составила от 6 до 9 месяцев. С 1998 по 2000 год сменилось в стране 5 премьер-министров.

Во многих странах бывшего социалистического лагеря сформировалась многопартийная система, ликвидировавшая политический монополизм одной политической партии. Борьба за власть со стороны множества партий наиболее четко проявлялась во время избирательных кампаний, показателем настроений и предпочтений избирателей в которых являлось их участие или неучастие. Борьба за электорат той или иной партии нередко превращалась в предвыборный фарс, обвинение кандидатов в

депутаты в коррупции, взяточничестве и даже криминальном прошлом. В политику приходили зачастую неопытные люди, мандат депутата давал им некоторые привилегии. В ходе заседаний депутатских комиссий нередко лоббировались интересы отдельных личностей и групп, далеких от общественных интересов. Нередко новые демократические лидеры выстраивали свои программы на жесткой критике КПСС и КПРФ, возникло у ряда политиков стремление к сепаратизму и децентрализации государственного управления.

Важным моментом в оценке социально-политических и экономических изменений в жизни стран в 80-90-е годы XX века является взгляд на миграционные процессы. Для Польши, Венгрии и Литвы эти процессы упрощались действием договора о «Дорожной карте» в рамках Шенгенской зоны. Потоки мигрантов могли устраивать свою жизнь во многих европейских странах-членах ЕС. В России миграционные процессы характеризовались движением рабочей силы в пределах страны, внутри ее регионов, а также миграцией за пределы страны. Основными направлениями международной миграции являлось движение рабочей силы между странами СНГ и Балтии, часть рабочей силы направлялась в дальнее зарубежье (Израиль, США, Канада и некоторые европейские страны). Мотивы людей к осуществлению миграции разные: воссоединение с этнической родиной (переезд в Израиль и Германию), трудовая миграция в поиске места работы с высокой зарплатой (в Израиль, Германию, США, Канаду, Великобританию, Францию и даже латиноамериканские страны).

Особое значение приобрела миграция, обусловленная военными конфликтами на территории России (осетино-ингушский, чеченский) и в странах СНГ (карабахский, грузино-абхазский, грузино-южно-осетинский), а также вследствие проявления националистических настроений в ряде самостоятельных государств, бывших республиках СССР. После распада СССР из бывших его республик выехало около 25 млн человек русскоязычного населения.

В ходе исследования группы социологов не представили информации о миграционных процессах в их странах, поэтому за основу анализа были взяты материалы по городу Иваново. Как миграционные процессы повлияли на изменения в социальной жизни Иваново? Наибольший поток мигрантов на рубеже XX-XXI вв. стал наблюдаться в Россию. Это отразилось на жизни российских городов.

Статистика миграционных потоков в Иваново сложилась на 2000 год следующая: число прибывших составило 21431 человек, а выбывших 19078 человек (мигранты из стран СНГ в регионе оседали в своем большинстве в Иваново). В 2010 году численность прибывших мигрантов в город составила 4853 человек, в том числе и из регионов России. Численность выбывших из города - 4040 человек. Миграционный прирост в 1990 году составил 613 человек, в 2000 году - 359 человек, в 2010 году - 813 человек [5: 7].

Как следствие миграционных процессов в Иваново сформировались множество этнических диаспор, которые для регулирования своих проблем прошли юридическое оформление. Таким образом, в городе зарегистрированы: грузинская, абхазская, азербайджанская, армянская, чеченская, ингушская, таджикская, узбекская, туркменская, еврейская, украинская, белорусская, дагестанская, татарская диаспоры. С целью решения этнических проблем и для снятия напряженности между людьми в городской среде Иванова был сформирован и действует Центр национальных культур, который посредством проведения множества городских мероприятий способствует формированию толерантного отношения со стороны коренных жителей города к мигрантам. Иваново из мононационального русского центра постепенно превращается в многонациональный город.

Миграционные процессы повлияли на изменения в духовной жизни города. В ивановском социуме сформировалась много конфессиональная среда (осуществляют практику 30 конфессий). При доминирующей деятельности РПЦ (около 40 приходов) функционируют в городе: мусульманская мечеть, протестантский центр, иудаистский центр, общество сознания Кришны и др. В религиозной практике жителей города стали проводиться такие мероприятия, о которых горожане просто забыли или не знали, вследствие широкой в прошлом атеистической пропаганды и разрушения религиозных центров. Так, ежегодно стал проходить крестный ход по улицам города, организуемый местной епархией, в честь дня Казанской иконы Божией Матери, участниками которого становятся тысячи жителей города. На территории Иванова восстанавливаются церковные сооружения, осуществляют деятельность епархиальное учебное заведение по подготовке священнослужителей, а также ряд воскресных школ по религиозному просвещению и воспитанию молодежи, восстановлен центральный

кафедральный Успенский собор города, функционирует множество приходов и ряд монастырей РПЦ, а также мусульманская мечеть. В городе происходили встречи с патриархами РПЦ Алексием II и современным патриархом Кириллом. Большую работу по религиозному воспитанию проводит творческий Шереметев-центр, организуя фестивали и концерты духовной православной музыки и песнопения. В городе проводятся мероприятия, связанные с творческой и духовной жизнью мусульман, а также фестивали этнических культур.

В настоящее время, в начале XXI века социальная городская среда, испытавшая потрясения от кризисных процессов, формируется с новыми представлениями о возрождении социально-экономического уклада городов, новыми целями и программами дальнейшего развития стран и городского общества.

5.3. Возрождение периферийных городов на пути к постиндустриальному обществу (цели, программы, результаты)

Постиндустриальное развитие общества - характерная черта современных промышленно развитых стран. Глобализация усиливает проявление этого процесса, переводя его из тенденции развития в общественную закономерность. Основными чертами постиндустриального развития являются: смена парадигмы социально-экономической жизни и, в первую очередь, утрата традиционными промышленными городами облика индустриальных центров с доминированием в них индустриального физического труда, их развитие происходит в направлении функционирования как центров многопрофильных видов деятельности с преобладанием в них информационной экономики и сферы услуг. Показателем результатов этих изменений, во-первых, становится удельный вес продукта (товаров и услуг), созданного в сфере услуг в суммарном валовом продукте городского общества. Во-вторых, модернизация социально-экономического уклада обуславливает изменение структуры и состава профессиональных кадров в экономике, усиливает профессиональную и пространственную мобильность людей, меняет их материальное положение. Предпочтение на рынке труда все больше отдается высококвалифицированным кадрам, а также квалифицированным рабочим профессиям. В-третьих, большую значимость в постиндустриальном развитии приобретает экология, состояние которой становится показателем качества жизни

населения, а меры по ее защите приобретают планетарный характер. В-четвертых, в постиндустриальном обществе меняются стандарты качества жизни людей, что в конечном итоге влияет на оценку ими деятельности институтов власти.

Возрождение социально-экономической жизни в городах стало заметным явлением в первом десятилетии XXI века. Выстраиваемые приоритеты (цели) в этом процессе базировались на учете финансового состояния в городской экономике, возможностей привлечения инвестиций (государственных и иностранных) в городское хозяйство, активизации самого населения городов в реализации поставленных целей. Административно-властные органы стран и городов формируют текущие программы, нацеленные на укрепление социально-экономического уклада городов, привлечение инвестиций из различных источников, развитие предпринимательской инициативы населения и тем самым пополнения городского бюджета для реализации городских проектов.

Поставленные цели администрацией городов во многом были похожими.

Экономические цели реализовались в сфере формирования бюджетной и налоговой политики для придания стабильности финансовым пополнениям в бюджет (многие города имеют бюджетный дефицит и ограниченные бюджетные ресурсы).

Социальные цели определялись необходимостью снижения безработицы и создания новых рабочих мест, преодоления высокого уровня уголовной преступности и наркомании в городской среде для безопасности жизни населения, благоустройства городской территории и комфортного проживания на ней людей, увеличения детских дошкольных учреждений.

Экологические цели определялись необходимостью снижения уровня загазованности городов вследствие резкого увеличения транспорта и выбросов в атмосферу отходов промышленного производства, очистки питьевой воды от различного рода примесей.

Культурные цели характеризовались необходимостью оценки исторических и архитектурных памятников, исторических мест в городском пространстве и их обустройства для формирования культурного образа города, привлечения отечественного и иностранного туриста, повышения статуса города за счет проведения в нем фестивалей, традиционных этнических праздников, спортивных мероприятий и др.

Социально-политические цели определялись необходимостью повышения доверия со стороны населения к властным и социальным институтам в городе, активности граждан в политических мероприятиях, избирательных кампаниях и др.

Реализация экономических целей в городском сообществе стран Центрально-Восточной Европы имеет общую основу. Чтобы «завести» экономику, необходимо определиться с ее центральным звеном и инструментами ее управления. Таким механизмом является сама рыночная экономика, ее инструментом – предпринимательство. Развитие всех форм предпринимательства: государственного и частного тесно связано с юридическим обоснованием данного вида деятельности и мерами по его поддержке. Осуществление предпринимательства в виде частного крупного, среднего и малого бизнеса нашло свое отражение в государственных программах и нормативных актах. В России это нашло подтверждение в принятии в 90-х годах прошлого столетия законов *«О предприятиях и предпринимательской деятельности»*, *«О собственности в РФ»*, *«О приватизации имущества государственных и муниципальных предприятий»*, положения которых позднее вошли в Гражданский кодекс и другие нормативные документы. На развитие малого и среднего бизнеса повлияли принятые законы РФ *«О поддержке малого предпринимательства»* (1995 г.) и *«О развитии малого и среднего предпринимательства»* (2008 г.). В Иванове реализация данных законов была осуществлена в принятии Долгосрочной целевой программы *«Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в городе Иваново на 2010 – 2012 годы»* (от 14.10.2011, N2206), которая позднее была дополнена такой же долгосрочной программой *«Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства на 2010-2015 гг.»*.

К сожалению, руководителями групп социологов из других стран исследовательского проекта материал по данному вопросу не был представлен достаточно полно, поэтому ограничимся примером России и программами возрождения города Иванова.

Целью принятия данных Программ являлось создание благоприятных условий для эффективного развития субъектов малого и среднего предпринимательства на территории города Иванова.

Реализация Программ должна способствовать устойчивому функционированию и динамичному развитию субъектов предпринимательства, повышению предпринимательской

инициативы граждан, увеличению объемов налогов и платежей в бюджеты разного уровня и внебюджетные фонды, насыщению потребительского рынка товарами и услугами, содействию занятости населения, развитию инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в городе Иваново.

Малый и средний бизнес является одним из наиболее значительных и перспективных резервов развития экономики городов, создания в них новых рабочих мест, увеличения источников пополнения доходной части бюджета и его стабилизации.

Вследствие роста деятельности данного вида предпринимательства экономика периферийных городов все больше ориентировалась на потребителя и приобретала обслуживающий характер. Рост доли сферы услуг в экономике периферийных городов позволял оценивать мероприятия по его развитию, как соответствующего критериям отнесение к типу постиндустриальной экономики.

1. Реализация экономических целей администрацией исследуемых городов базируется на оценке состояния городского бюджета, наполняемость и использование которого определяют возможности решения многих социально-экономических проблем. Изучение состояния бюджета исследуемых городов показало, что общей тенденцией для них в 1990-2010 гг. являлся рост объема городского бюджета. Так как бюджет составлялся в национальных валютах, то сравнивать его затруднительно, однако динамика в абсолютных цифрах и относительных показателях являлась положительной. Так, от 2000 к 2010 гг. рост городского бюджета составил: в Лодзи - 1,7 раза, Иваново соответственно - 2,7 раза, Паневежисе – 1,4 раза, Мишкольце – 1,9 раза, Сакарье – 4,0 раза. Если посмотреть динамику роста городского бюджета за соответственный период на 1000 жителей города, то его динамика имеет следующий вид (в Лодзи – в 13 раз, Иваново – в 6,0 раз, Паневежисе - в 2,0 раза, Мишкольце – в 3,5 раза, Сакарье – в 4,0 раза). Вместе с тем, в бюджетах городов проявилась и такая устойчивая тенденция, как рост дефицитности бюджета за соответствующий период (в Лодзи – 17,7 млн злотых, Иваново – с 17,3 до 28,4 млн руб., Паневежисе – 15,6 млн евро, Мишкольце – с 4,2 до 5,2 млн евро, Сакарье – 263,2 млн евро).

Вместе с тем, в бюджете расходы его значительно превышают доходную часть, что приводит к дефицитности бюджета. Меры по

преодолению дефицитности бюджета предполагались следующие: оптимизация налоговой практики, привлечение государственного финансирования для реализации проектов в развитии местного бизнеса и использование иностранных инвестиций.

Таблица 28

Состояние бюджета в городах [5:6]

Информационные данные	Лодзь		Иваново		Паневежис		Мишкольц		Сакарья	
	1990г.	2010г.	1990г.	2010г.	1990г.	2010г.	1990г.	2010г.	1990г.	2010 г.
Городской бюджет всего:	Нд	5,0 трлн. zł.	190,8 млн. руб.	5,0 млрд руб.	Нд	63 млн eu	Нд	145 млн eu	Нд	14,0 млн eu
Городской бюджет (на 1000 жителей)	Нд	1,8 млрд zł.	40,8 тыс. руб.	10,0 млн руб.	Нд	562 тыс. eu	73 млн. форинт	260 млн форинт	Нд	33,5 тыс. eu
Стоимость фондов для инвестиций	Нд	Нд	782,6 млн руб.	7,7 млрд руб.	Нд	Нд	Нд	Нд	Нд	13,3 млн eu
Инвестиции: внутренние,	Нд	315 млрд zł.	Нд	2,8 млрд руб.	Нд	158 млн eu	Нд	Нд	Нд	167 млн eu
внешние	Нд	137,3 млн eu	Нд	49,5 млрд руб.	Нд	Нд	Нд	Нд	Нд	Нд
Состояние бюджетного дефицита	Нд	17,7 млн. zł	Нд	28,4 млн руб.	Нд	15,6 млн eu	Нд	5,2 млн eu	Нд	263,2 млн eu

(Нд – нет данных)

Данные исследования позволяют делать выводы о положительной динамике привлечения **внутренних инвестиций** в городское хозяйство за счет пополнений в городской бюджет и, в первую очередь, за счет создания множества малых и средних предприятий. Так, за период с 1995 по 2010 год количество зарегистрированных компаний в исследуемых городах выросло: в Лодзи - с 60,8 до 87,8, Иванове - с 8 до 20,7, Паневежисе – с 3,6 до 6,3, Мишкольце – с 22,7 до 22,9, Сакарье – с 6,4 до 9,4 тысяч единиц.

Картина привлечения и использования **внешних источников** (государственные и иностранные) не позволяет определять четкую динамику из-за отсутствия данных, хотя по отдельным городам можно судить о положительной динамике. Отметим факт отсутствия

данных о внешних источниках для Сакарьи в период разрушения ее экономики из-за землетрясения и восстановления хозяйства. Если судить о динамике иностранных инвестиций в экономику городов, то можно отметить динамику их роста с 1995 по 2010 годы: в Лодзи - с 84,0 до 3531 млн евро, Иваново - с 1 до 67,6 млн долларов, но в Паневежисе - с 2000 по 2010 год они снизились со 181 до 158 млн евро, по Мишкольцу и Сакарье данные отсутствуют.

Учитывая состояние бюджета городов, проанализируем меры, направленные на реализацию социальных целей, которые выражались в следующем.

2. Преодоление высокого уровня безработицы, который создавал сильную напряженность в обществе. Динамика снижения уровня безработицы противоречива в 2000-2005 гг., в отдельных городах она понижалась (Иваново, Паневежис, Сакарья), а в некоторых имела тенденцию к росту (Лодзь, Мишколец), среди молодых людей 16-29 лет она сохранялась высокой практически во всех городах. Если рассмотреть безработицу в период с 1995 и по 2010 гг., то динамика ее имела следующий вид (общая безработица снизилась в Лодзи в 1,2 раза, Иваново в 8,5 раза, в Паневежисе, Мишкольце, Сакарье она росла), уровень безработицы среди молодых людей 16-29 лет снижался только в Лодзи, в остальных городах он имел тенденцию к росту в 1,1-1,8 раза.

В этой связи выскажемся о мерах по преодолению высокого уровня безработицы в текстильном Иваново.

В соответствии с законом Российской Федерации «*О занятости населения*» в области разработана региональная программа «*Содействие занятости населения Ивановской области*», в которую входят и мероприятия по городу Иваново. Принятая Правительством Ивановской области Программа обеспечивается финансовой поддержкой в размере более 185 млн рублей. Программа предусматривала организацию ярмарок вакансий и учебных рабочих мест, курсов по переподготовке востребованным рынком профессиям и специальностям, для инвалидов определялись варианты трудоустройства, для многодетных женщин создавались рабочие места с гибким графиком работы, для выпускников учебных заведений проводились стажировки с последующим трудоустройством.

Для борьбы с безработицей было создано государственное казенное учреждение «*Центр занятости населения города Иваново*»,

которое обеспечивает реализацию гарантированного государством права граждан на защиту от безработицы, оказывает государственные услуги населению и работодателям в сфере содействия занятости и трудовой миграции. Специалисты различных служб Центра занятости регулярно проводят оценку состояния и прогноза развития рынка труда. В помещениях Центра установлены информационно-сенсорные терминалы, информирующие население города о предложениях и спросе на рабочую силу. Службы Центра занятости размещают информацию о наличии свыше 60 тысяч вакансий в различных отраслях Ивановской области и, в том числе, городе Иваново. В настоящее время на рынке труда Иванова предложены вакансии по 218 видам трудовой деятельности, начиная от рабочих специальностей до профессий в области здравоохранения и образования.

Снижению уровня безработицы за счет создания новых рабочих мест способствуют мероприятия по переоборудованию помещений бывших фабрик в торговые ярмарочные центры (например, фабрика имени Балашова переоборудована под центр досуга и отдыха молодежи, камвольный комбинат - в новый торговый центр Реал, фабрика Красная Талка - в выставочно-ярмарочный центр).

Городские власти оказывают финансовую помощь инициативным гражданам города для открытия своего бизнеса (в Иваново в настоящее время зарегистрированы около 21 тысячи малых и средних предприятий). Направление этого бизнеса осуществляется в виде создания предприятий и фирм в сфере обслуживания населения города бытовыми услугами (парикмахерские, салоны красоты, центры по ремонту различного бытового и сантехнического оборудования, автосалоны по ремонту автомобилей), услугами общественного питания (рестораны, кафе, бары, социальные столовые), медицинскими услугами (частные аптеки, оздоровительные центры, клиники) и торговли. Подобная деятельность частного бизнеса привлекает значительную часть женского труда.

Привлечение инвестиций из других активных центров страны, финансово-кредитных учреждений для реализации городских проектов, является одним из крупных мероприятий городских властей по снижению напряженности на рынке труда города и повышению занятости рабочей силы. За счет инвестиций осуществляется строительство новых жилых районов (Московский,

Новая Ильинка, Минеево, Авдотьино), торговых и торгово-обслуживающих комплексов (Тополь, Магнит, Реал, Рио, Текстильный кластер, Метро, Бимарт), крупных салонов по продаже различных марок авто. Создание рабочих мест в этих сферах трудовой занятости привлекает квалифицированные кадры рабочих и специалистов, женщин и молодежь.

В ближайшей перспективе появятся новые рабочие места в связи со строительством завода металлоконструкций (в настоящее время создано уже 800 рабочих мест) и комплекса «Текстильный кластер» по производству искусственного волокна и технических тканей (15 млн погонных метров ткани в год). Формируется бизнес-центр «Славянский» по производству и реализации строительно-отделочных материалов и мебели. Предполагается открытие 1000 рабочих мест. Индустриальный парк «Иваново-Вознесенский», размещаемый на 82 гектарах земли, уже объединяет 300 малых и средних предприятий, на которых занято около 7 тысяч работников. Предполагается довести этот индустриальный парк до 500 предприятий с увеличением численности рабочих мест. В городе запущена первая линия завода по производству газобетонных блоков производительностью 622 куб. метров в сутки, инвестиции составили около 500 млн рублей – это также повысило уровень занятости части населения города.

В настоящее время безработица в городе Иваново имеет четкую тенденцию к ее сокращению. Если в 90-е годы прошлого века уровень безработицы в городе Иваново превышал 10%, то в начале XXI века ситуация в городе на рынке труда стала существенно меняться. Так, на завершении первого десятилетия в 2010 году уровень безработицы составил 1,2% (2011 году – 1,17%, 2012 году – около 1%, 2013 году (с января по июль) – 0,4%). Уровень трудоустройства составил 69%, что превышает среднероссийский показатель. На учете в качестве безработных в настоящее время в городе состоят 1016 человек. Показатель напряженности на рынке труда в 2010 году составлял 1,2 человека/ место. Структура безработицы меняется, но сохраняется общая тенденция *«женского лица безработицы»* [5: 8].

Снижению безработицы способствуют также меры по психологической поддержке и социальной адаптации безработной части населения в городе. За два с половиной года эти виды поддержки получили более 400 граждан, в том числе в *«Клубе*

ищущих работу» и на курсах «Новый старт» прошли социальную адаптацию более 200 человек.

Среди мероприятий, проводимых по снижению безработицы в городе, следует отметить поддержку частных работодателей малого и среднего бизнеса по открытию ими новых рабочих мест для инвалидов. Закон Российской Федерации от 1.01.2008 года «О развитии малого и среднего предпринимательства» предусматривает материальное стимулирование и льготы частным работодателям, реализующим это положение закона на практике. Так, частными работодателями в Иванове было создано 104 рабочих места для трудоустройства инвалидов, за такой вид социальной деятельности они получили компенсации, которые составили около 4,5 млн рублей.

Для поддержки людей, потерявших работу, зарегистрированных в качестве безработных и активно ищущих ее, в законодательном порядке выделяются денежные пособия по безработице. Из общего числа безработных в городе получают такое пособие 88,2 %.

Особое место среди мер на рынке труда города являются предупреждения безработицы среди лиц, освобождающихся из мест лишения свободы. Сотрудники Центра занятости проводят информационные встречи в учреждениях ФГУ СИЗО Управления исполнения наказания Ивановской области для граждан, подлежащих освобождению из мест лишения свободы. Такие информационные встречи организуются ежеквартально в соответствии с Центром занятости и Управлением ФСИН России по Ивановской области. Граждане, освобождающиеся из мест заключения, получают информацию о наиболее востребованных профессиях на рынке труда, профессиях, по которым Центр занятости проводит подготовку и переподготовку, повышение квалификации и др.

Проблема труда и занятости в Иванове выходит на качественно новый уровень и растет потребность в высококвалифицированной рабочей силе. В Центре заявлено о 12038 вакансиях. Среди востребованных и предложенных работодателями вакансий первое место занимают высококвалифицированные рабочие кадры: строители, водители автомашин, слесари-наладчики и слесари-ремонтники; машинисты подвижного состава, а также бульдозеров, экскаваторов, кранов; наладчики оборудования, электромонтеры, электрогазосварщики; стропальщики, токаря. Следующей группой,

отражающей потребности работодателей, являются: специалисты различных видов инженерной деятельности, технологи, менеджеры, программисты, операторы персональных компьютеров. Группу наиболее востребованных работодателями работников в сфере услуг составляют: медицинские работники среднего и высшего звена, преподаватели технических дисциплин в колледжи и университеты, охранники в офисы и учреждения, работники ресторанов и вспомогательного состава в них.

3. Среди социальных целей выделяются мероприятия по решению проблемы дефицита мест в детских дошкольных учреждениях. В период стихийной приватизации новые собственники закрывали социальные объекты, в том числе детские ясли и детские сады. Эта «*прихватизаторская деятельность*» обострила в настоящее время проблему детских дошкольных учреждений и сказалась на демографической ситуации в ряде стран. Динамика сокращения детских учреждений в городах с 1995 по 2010 гг. следующая: в Лодзи со 172 до 135, Иваново с 237 до 120, Мишкольце с 76 до 33, Паневежисе до 30 единиц. В Сакарье наблюдается рост детских дошкольных учреждений. Каковы меры городской администрации для решения этой проблемы?

Используем пример решения данной проблемы в городе Иваново, где городская администрация в настоящее время проводит комплекс мер по снятию проблемы дефицитности мест в детских дошкольных учреждениях. Среди них строительство новых детских дошкольных учреждений и реконструкция бывших детских учреждений, занятых частным бизнесом под непрофильные заведения. В настоящее время обеспеченность местами для детей дошкольного возраста в городе составляет 84,7%, к концу 2013 года она составляла 85% (в 2010 году обеспеченность местами детей в дошкольных учреждениях составляла менее 70%). Остается острой проблемой обеспеченность местами детей от 1,5 до 3 лет. Если проследить динамику решения этого вопроса, то следует отметить, что с 2007 года и по настоящее время введено около 3000 мест в дошкольных учреждениях города, а только за 2012-2013 гг. - 1500 мест.. В 2013 году введены детские дошкольные учреждения на 470 мест, в проекте до 2017 года еще на 680 мест. Строятся детские дошкольные учреждения в микрорайонах города Новая Ильинка, Московский, Авдотьино. На преодоление дефицита в местах для дошкольников в детских учреждениях направлены как федеральные

субсидии (432 млн рублей), так и инвестиции из областного бюджета (164 млн рублей). Исходя из этого финансирования, предполагается, что к 2017 году проблема с местами для детей в детских дошкольных учреждениях будет полностью решена.

Новым явлением в городе стало открытие частного детского сада под названием «ВундерКинд». Это частное заведение гарантирует различные услуги, касающиеся здоровья детей (осмотр детским врачом), их воспитания (музыкальные, спортивные, художественные занятия), формирования у детей правильной речи (услуги логопеда) и др. Конечно, оплата в таком платном детском саду за ребенка составит в месяц 12 тысяч рублей, что, конечно, большей части семей это дорого. Однако заявки на посещение детьми подобного детского учреждения свидетельствуют о его наполняемости.

4. Проблема преодоления делинквентного поведения отдельных людей в городской среде, т.е. поведения, связанного с право преступными действиями, алкоголизмом, наркоманией и коррупцией, также является острой в постановке социальных целей. Этот тип поведения вызывает у городских жителей состояние социальной фобии (страха, боязни за свою жизнь и жизнь детей, за сохранность имущества).

Как следствие безработицы, падения уровня жизни большей части населения в обществе в 90-е годы XX века возросла социальная дезорганизация, характеризуемая возросшей численностью преступных действий, снижением безопасности жизни населения. Пик преступности во всех исследуемых городах приходится на 1995 – 2005 гг. Уголовные преступления совершали как профессионалы-преступники, так и втянутая в преступные действия молодежь.

Обратимся к примеру реализации мер в городе Иваново.

В Иваново разработан комплекс организационно-экономических, медицинских и профилактических мероприятий, определяемых Программой *«Обеспечение безопасности граждан и профилактика правонарушений в Ивановской области»*. Среди конкретных мер следует выделить такие, как: ограничение времени и места продажи спиртосодержащей продукции, повышение цены на крепкие алкогольные напитки, контроль со стороны общественности за местами продажи алкоголя, издание информации, содержащей профилактическое разъяснение о вреде алкоголя, расширение движения *«За здоровый (трезвый) образ жизни»*.

Решение проблемы противоправных действий связано с комплексом мер, выработанных в подпрограмме **«Профилактика правонарушений, борьба с преступностью и обеспечение безопасности граждан»**. Она предполагает снижение уровня повторной преступности, пьянства и безнадзорности, беспризорности несовершеннолетних, незаконной миграции и наркомании. Повышается роль в этой работе участковых полицейских особенно в местах города с высокой криминогенной обстановкой, обеспечения их мобильной связью и транспортом, профилактика правонарушений среди населения.

Проблема наркомании требует также решительных и иногда жестких мер борьбы. На это указывали респонденты. В Ивановском регионе преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, имеют тенденцию к росту. В качестве мер по борьбе с наркоманией Государственный антинаркотический комитет поставил задачу перед сотрудниками управления наркоконтроля усилить оперативно-розыскные меры по пресечению каналов поставки наркотиков в города, создание системы реабилитации и ресоциализации наркозависимых лиц. Областная и городская наркологические службы реализуют трехэтапную программу реабилитации наркозависимых людей. Она включает в себя стационарную и амбулаторную реабилитацию и постреабилитационное сопровождение, направленное на возвращение наркозависимых людей к полноценной жизни. К длительной ремиссии наркозависимых лиц подключаются общественные и негосударственные реабилитационные центры Ивановской и Кинешемской епархий Русской православной церкви, организации психотерапевтической помощи. В сферу противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ подключается Программа «Профилактики правонарушений, борьбы с преступностью и обеспечение безопасности граждан». В настоящее время по данным областного управления наркоконтроля пресечена поставка крупной партии амфетамина (клубного наркотика). В городе стала действовать антинаркотическая программа **«Мир против наркотиков»**, движение **«За здоровый образ жизни»**. Вступил в действие Указ о запрете в общественных местах употребления табачных изделий от 1.06.2013 г.

Проблема коррупции входит в число острых социальных проблем городской среды. По некоторым данным политиков, Россия

занимает 154 место по коррупции в мире. По заявлению генпрокурора страны ущерб от коррупции составляет 21 млрд рублей, а число преступлений, связанных с коррупционными действиями, возросло на 80% [5:9]. В Ивановском регионе перед правоохранительными органами поставлена задача усиления контроля за деятельностью должностных лиц и совершенствование законодательных актов, направленных на антикоррупционную практику. О срастании некоторых представителей правоохранительных органов с торговым бизнесом свидетельствуют множественные факты. Факты действий в Москве на Матвеевском рынке, связанные с избиением работника правоохранных органов на глазах у полицейских, в Иванове – избиение работника патрульно-дорожной службы сыном депутата областной Думы и многое другое свидетельствуют о срастании отдельных лиц правоохранительных служб с криминалитетом и вызывают справедливое возмущение у жителей городов. Часто выявляемые подкупы работников городской администрации в различных городах страны, присвоение (воровство) крупных сумм денежных средств (нередко это уже не миллионы, а миллиарды рублей) банковскими и предпринимательскими структурами, дело по бывшему министру обороны страны – все это факты коррупции, разъедающей власть и наносящие непоправимый ущерб политике страны.

В качестве мер преодоления коррупции предусматривается огласка выявленных коррупционных фактов (взятки, подкуп, «крышевание» преступных действий), фактов срастания государственных чиновников с представителями криминального бизнеса (казино, игорный бизнес, подпольный контрафакт – видео, музыкальные диски, алкоголь), ужесточение законодательства за подобные действия.

Усиление правопорядка, меры по профилактике преступных действий, программы по трудоустройству бывших осужденных лиц способствовали к 2010 году снижению общего количества совершаемых преступных действий. Однако в настоящее время среди преступных действий сохраняется еще большое количество инцидентов: воровство чужого имущества, трафик наркотических веществ и различные виды экономических преступлений.

5. Проблема оценки состояния жилищно-коммунальных служб сохраняет свою значимость среди социальных целей администрации городов. Обратимся к примеру города Иваново.

В первую очередь, людей беспокоят тарифы на коммунальные услуги, рост которых в текущем году составил по теплоснабжению 13,9%, электроснабжению – 12-15%, газоснабжению – 15%, водоснабжению – 7,1%, водоотведению – 7,1%. По данным российского аналитического центра «Аналитика» Ивановская область входит в число регионов с самыми высокими тарифами на коммунальные услуги, до 11% своих доходов жители отдают за них. Общая задолженность управляющих компаний ресурса снабжающим организациям по городу Иваново составляет 1700 млн рублей. Много жалоб у населения на управляющие компании, недаром жители города называют их «черными дырами», выкачивающими их деньги и не предоставляющие услуги в нормальном качестве и объеме. Такое положение используется многими политиками, которые в своих предвыборных баталиях набирают себе электорат за счет критики управляющих компаний. По мнению аналитиков, зачастую сфера ЖКХ криминализована, схемы отмывания средств отработаны и активно практикуются управляющими компаниями. В знак протеста против такого положения в некоторых городах страны организовано движение «За справедливое ЖКХ», вводится мораторий на оплату пресловутого ОДН. В мировой практике управление ЖКХ находится в сфере государства и муниципальных органов. Задачи городских властей - навести порядок в этой важной для городской среды сфере, влияющей на жизнь и настроение людей. Публичность и прозрачность действий управляющих компаний будет залогом преодоления резкого взлета тарифов на коммунальные услуги.

Меры, предпринимаемые с решением проблем ЖКХ, направлены на различные секторы этого сложного городского хозяйства. Финансирование ремонта лифтового хозяйства в многоэтажных жилых и производственных зданиях будет осуществляться за счет городского бюджета и использования средств Фонда содействия реформирования ЖКХ. В городе сформирована Программа ремонта многоквартирных домов на 30 лет, финансирование ее будет осуществляться за счет регионального фонда капитального ремонта и местного бюджета. Администрация города обустроила портал «Электронное ЖКХ», посредством которого жители Иванова могут задать вопросы, касающиеся проблем жилищно-коммунального хозяйства, и получать ответы на них. Среди мер по решению проблем ЖКХ намечено финансирование работ по освещению и обустройству 1500 придомовых территорий,

ремонт 158 дорог и водопроводов в частном секторе проживания жителей города.

В настоящее время городская администрация решает в ЖКХ проблему упорядоченности тарифной политики на коммунальные услуги для населения, рационализации использования жителями города воды, газа, электроэнергии посредством установки в квартирах водо-, энерго-, газовых счетчиков за счет квартиросъемщиков или собственников приватизированного жилья.

6. Бедность, низкие зарплаты в социуме городов.

Социальные цели по преодолению данной проблемы связаны с анализом природы этих феноменов социальной городской жизни. Рассмотрим ее природу и решение этой проблемы в городе Иваново.

Появление в Иваново феномена безработицы с начала 90-х годов прошлого века является следствием сокращения числа промышленных предприятий с их многотысячными коллективами, что сказалось на резком снижении жизненного уровня жителей. В сознании и поведении людей проявилась фрустрация, характеризуемая утратой ими уверенности в жизни, дезориентацией в социальных установках, ростом пауперизации – все это сопровождалось ростом суицидальных проявлений, наркомании и преступности.

Сложное социально-экономическое положение в России в 90-е годы XX века сказалось на демографической ситуации, анализ которой свидетельствовал о четком проявлении тенденции к сокращению численности населения. Эта тенденция имела место и в Иваново. Так, за период с 1990 по 2012 гг. число жителей в городе за соответствующий период сократилось с 486 до 408,8 тыс. человек. Наряду с этой тенденцией в городском социуме стала наблюдаться низкая средняя продолжительность жизни (особенно лиц мужского пола) и прогрессирующее старение населения (категория лиц старшего возраста составляет около 20%). В городской среде за соответствующий период в 2,6 раза возрос уровень смертности, превышающий значительно число родившихся; сохраняется высокий уровень смертности от неестественных причин (убийств, отравления от чрезмерного употребления алкоголя, суицида). По данным научно-исследовательского центра при Институте молодежи 24 % респондентов отметили, что один или несколько раз были близки к суицидному состоянию, особенно угнетающее впечатление оставляет

статистика суицида в армии. В городской среде проявляется неустойчивость молодых семей, распад брачных пар.

Как следствие кризисных явлений в экономике страны угрожающе стала нарастать бедность среди населения. Она четко проявилась в жизненном укладе людей и особенно работников бюджетной сферы (врачей, учителей, научных работников, работников искусства и культуры, рядовых служащих), пенсионеров. Резко упал социальный статус интеллигенции, ее престиж и роль в обществе снизились. Зарплата в большей степени превращалась в социальное пособие, уровень ее по отношению к промышленности составлял в здравоохранении - 56 %, в образовании - 50 %, в культуре - 47 %.

Расслоение общества стало реальным фактом действительности. Об этом феномене в городской жизни Иванова свидетельствуют такие данные: в городе проживают с доходами ниже прожиточного минимума около 15% населения (в начале 2001 года их было более 25%), в стране также около 15% населения (в 2001 году 27,2% населения). В настоящее время минимальный прожиточный уровень в стране составляет 6643 рублей, Иванове 6400 рублей или 200-210 долларов США (по курсу валют). Номинальная среднемесячная начисленная заработная плата в стране в 2012 году составляла 26,8 тысяч рублей, городе Иванове - 17,2 тысяч рублей или 530 долларов США (по курсу валют). Из 89 территорий России только в 5 регионах среднедушевой доход выше трех прожиточных минимума, в 16 регионах - 2 прожиточных минимума на душу, в 43 регионах – немногим более 1 прожиточного минимума; в 25 регионах - не имеют на человека и одного прожиточного минимума. Зарегистрированные безработные могут получать пособие, максимальный размер которого с 2009 года составляет 4900 рублей (около 160 долларов США) [5:10].

О расслоении в обществе свидетельствуют данные по квинтильным группам (20% каждая) о соотношении доходов наиболее и наименее обеспеченного населения. В целом по стране на долю 20 % самых обеспеченных приходится 47,4 % всего объема денежных доходов, а на долю 20 % необеспеченных - всего 6,2 %. Соотношение доходов наиболее и наименее обеспеченного населения (децильный коэффициент) составляло в 2013 году 16,0 и более раз. В настоящее время в стране более 130 миллиардеров (в долларах США) и 371 миллиардер (в рублевом исчислении), миллионеров с зарегистрированным капиталом в рублевом исчислении – около 500

тысяч человек. В Иванове проживает 2 индивида с миллиардным капиталом и 1460 миллионеров. Интересны в этой связи расчеты американского социолога М.Бриджеса, который подсчитал: на накопление капитала в 10 млн долларов в США уходит в среднем 47 лет, в Южной Корее - 13 лет, в России такие деньги делают за 4 года. Конечно, такие "*быстрые деньги*" всегда пахнут плохо [5:11].

7. Расслоение и бедность в социуме городов приводит к ухудшению состояния «социального капитала», сформированного у жителей городов в период с 1990 по 2010 гг. В качестве примера рассмотрим проявление феномена социального капитала в Иванове. Индикаторами анализа состояния социального капитала являются: **степень доверия** коллегам по работе, соседям по месту жительства, родственникам, властным институциям в городе, журналистам, милиции, церкви, юридическим службам; **уровень связей** между людьми; **формы оказания помощи среди горожан и активность жителей** в общественно-политической жизни города. Выяснилась следующая картина – житель города Иваново не замыкается в себя в условиях непростой социально-экономической ситуации и в равной степени доверяет коллегам по работе (52,0%), соседям по месту жительства (52,5%), в большей мере обнаруживается доверие родственникам (85,0%). В меньшей степени жители города доверяют органам администрации города, власти (13,5%), представителей которой они обвиняют в корыстности, карьеризме, безразличии к проблемам населения, понижении социально-экономических позиций региона. Общественное мнение против доверия власти сформировалось также под влиянием скандалов, связанных с коррупцией, перераспределением собственности, неудачами в экономической и культурной политике. Низким оказалось доверие журналистам (25,0%) и полиции (23,0%).

В 2005 году по отношению к 2000 году рост доверия администрации и меру города возрос на 2,4%, в 2009 году показатель доверия возрос еще на 7%. Рост доверия полиции и журналистам в 2005 году по отношению к 2000 году составил 3,8% и 5,5% соответственно, а в 2009 году доверие полиции возросло на 8,3%, а журналистам на 5,5%. Повысился уровень доверия судьям и адвокатам с 7,4% в 2005г. до 10% в 2009 году. Динамика изменения критерия доверия обнадеживает. Можно предположить, что

городской социум постепенно выходит из кризиса доверия публичным институтам и органам власти.

В сложные периоды жизни горожан, какими они были с 1990 и по 2010 гг., наблюдалось усиление значимости соседских связей между людьми, эти связи характеризовались: совместным проведением свободного времени (53,5%); обменом новостями (48,7%), заботой о больном человеке или ребенке (и хотя эта форма связи не доминирует в соседских отношениях), уровень связей по данному критерию сохраняется все еще высоким (33%); сохранялись и такие формы соседских связей, как передача денег в долг (45,5%), оказание соседями друг другу каких-либо услуг (62,8) и др.

После долгих лет запретов церкви и возрождения религиозной деятельности в настоящее время наблюдается рост доверия этому духовному институту при всем том, что немногие люди еще четко определили свою принадлежность к религиозному приходу, систематическому посещению служб, участию в церемониях, т.е. они еще не прошли процесс воцерковления. Однако при всем этом люди оказывают материальную помощь религиозным учреждениям (православной церкви, мусульманской мечети), несмотря на относительно низкий уровень жизни населения города. Жители Иванова по мере возможностей участвуют в восстановлении и строительстве религиозных центров. В настоящее время в городе Иваново функционирует несколько монастырей православного прихода и 8 церквей, одна мечеть, а всего в городском пространстве функционирует около 40 религиозных конфессиональных групп, включая и современные нетрадиционные конфессии.

8. Политическое «лицо» жителей города Иваново является также отражением состояния «социального капитала», характеризуемое оценками и действиями людей по отношению к общественно-политической жизни города. Как показали результаты исследования, большинство жителей города политически неактивны. Об этом свидетельствует отсутствие у них интереса к встречам накануне выборов с кандидатами в депутаты различных государственных институтов и уровней: 69,8% респондентов никогда не принимали участие во встречах с кандидатами в органы самоуправления, 22,9% - редко. Еще меньший интерес проявляют жители города к кандидатам в президенты: 86,8% не встречались с ними, 8% делали это редко. Большинство из респондентов 68,1% указали, что никогда не убеждали своих соседей в необходимости участия в предвыборных

кампаниях, более 90% не вносили никаких денежных средств в пользу избирательной кампании. Оценивая принадлежность жителей города Иваново к тем или иным политическим партиям (союзам, фондам), можно сказать, что здесь проявилась преемственность «отцов и детей», те и другие состояли (состоят) в одной и той же партии (союзе). С другой стороны, четко проявляется разброс политических предпочтений и даже деполитизация самих жителей, то есть они не отдают большинства предпочтений какой-либо одной партии (союзу, фондам) или не интересуются политическими движениями. По данным социологического исследования об электорате политических партий в предвыборной кампании 2005 года в городе можно наблюдать смену настроений избирателей от протестного типа голосования к более спокойному типу.

9. Экологические цели также нашли свою реализацию в мероприятиях городских властей. Эти цели исходили из необходимости проведения мер по снижению уровня загазованности городов вследствие резкого увеличения транспорта и выбросов в атмосферу отходов промышленного производства, очистки питьевой воды от различного рода примесей. Вопросы экологической обстановки в городах остаются острыми в оценках жителями своего места проживания. Мониторинг ВЦИОМ о состоянии экологической атмосферы, составленный за период с 2005 по 2010 гг., показал, что экологическую обстановку в городах 64% респондентов оценивают как скорее *«неблагополучную и близкую к катастрофе»*. Вследствие отсутствия данных о степени чистоты/загрязненности в городах можно только предполагать, что переход экономики городов от индустриального к обслуживающему типу резко снизил объемы выбросов в атмосферу вредных твердых, газообразных веществ, что улучшило чистоту воздуха. Также можно судить и о качестве питьевой воды, технологии очистки ее все время совершенствуются. Современное градостроительство привязывает объекты жилого и производственного назначения к канализационным сетям, поэтому можно предполагать, что процент обеспеченности централизованной канализацией также растет. Данные Фонда «Общественное мнение» свидетельствуют, что 60% россиян считают экологическую обстановку в стране ухудшающейся.

Обратимся к оценкам состояния экологии в городе Иваново. Социологические исследования, проводимые в Иваново в начале XXI века на предмет оценки природной среды в месте своего проживания

показали, что более 50% респондентов состояние экологической обстановки оценили как «скорее неудовлетворительное» и «неудовлетворительное».

Факторами, повлиявшими на такие оценки жителями города, являются: низкое качество питьевой воды (43,2%), увеличение неубранного мусора (19,3%), сокращение зеленых насаждений (15,4%), гибель птиц и животных (8,0%). В городе Иваново о состоянии экологической обстановки также свидетельствуют данные измерений ученых-экологов (индекс чистоты/загрязненности воздуха с 1990 и по 2010 гг. держится на уровне 10,7 – 10,3; качество питьевой воды на уровне ГОСТа Р 51232-98, зона покрытия канализационными сетями 220,7 – 291,5 км, процент очищенных сточных вод также вырос (если в 2000 году подвергались очистке 22 куб. м сточных вод, то в настоящее время этот объем составил 66 куб.м). Однако при всем этом, по данным средств массовой информации, город Иваново входит в число 27 городов страны с высоким уровнем загрязненности.

Таблица 29

Индикатор состояния экологии в городах [5: 6]

Информация о состоянии экологии	Лодзь		Иваново		Паневежис		Мишкольц		Сакарья	
	1990	2010	1990	2010	1990	2010	1990	2010	1990	2010
Индекс чистоты/загрязненности воздуха	Нд	Нд	10,7	10,3	Нд	Нд	Хор.	хор.	Нд	Нд
Качество питьевой воды	Нд	Нд	Гост Р 51232-98		Нд	Нд	Хор.	Хор.	Нд	Нд
% населения, обеспеченного централизованной системой канализации	Положительная динамика		95	92	Нд	Нд	72,0	93,0	Нд	Нд
% очищенных сточных вод	Нд	99,9	22	66	Нд	Нд	30	90	1	4,5
Протяженность отремонтированных дорог, км	Нд	Нд	Нд	272	Нд	Нд	49	56	Нд	Нд
Количество авто у жителей в собственности (тыс. ед.) Авто на 1000 жителей (шт.) В городе (всего) тыс. шт.	Нд	488	40,0	73,6	Нд	103	Нд	110	Нд	Нд
	Нд	Нд	90	130	Нд	420	Нд	121	Нд	190
	Нд	359,7	Нд	120,0	21,8	50,9	Нд	164,4	Нд	596

(Нд – нет данных)

Задачи, стоящие перед администрацией города, заключаются в необходимости повышения уровня экологической безопасности в городской среде за счет природоохранной деятельности городских служб и формирования проэкологического сознания у населения, побуждающего к действиям по чистоте города.

В качестве мер по улучшению экологического состояния города Иваново следует отметить модернизацию службами ОАО «Водоканал» технологии очистки питьевой воды, необходимость строительства в Иваново завода по сортировке и переработке городского мусора.

В настоящее время в городе сформировались группы общественного движения «Блогеры против мусора», «Мусора. Больше. Нет», участвующие в экологических субботниках по очистке парковых зон города, во Всероссийской акции «Зеленая Россия», проведении мероприятий под девизом «Чистый город» и др.

Экологические цели напрямую связаны с решением проблемы городских дорог, улучшение их состояния (федерального, межобластного и внутриобластного подчинения) является общероссийской задачей, от решения которой зависит эффективность работы грузового и пассажирского транспорта, скорость переброски грузов и рабочей силы в экономически развитые и развивающиеся территории страны. Для России эта проблема имеет острый характер и вследствие обширной территории страны, необходимости учета природно-климатических и ландшафтных условий при строительстве автотрасс. По показателю качества дорог Россия значительно отстает от многих промышленно развитых стран, в рейтинге качество дорог 144 стран мира она находится на 136 месте. Генпрокуратура Российской Федерации подтвердила факт несоответствия многих российских дорог требуемым стандартам. Учитывая такое состояние автомагистралей, правительство страны выделяет до 2015 года от 620 до 740 млрд рублей на реконструкцию и строительство новых дорог.

Состояние дорог в Ивановской области также оставляет желать лучшего и требует кардинального решения этой проблемы. Дороги Ивановской области находятся в оперативном управлении Департамента дорожного хозяйства области, из них с асфальтобетонным покрытием более 2,5 тысяч километров, дороги муниципальных образований составляют более 6 тысяч километров, из них с асфальтобетонным покрытием 1,5 тысяч километров. Автомобильный парк грузовых машин и автобусов в Иваново

постоянно растет (в настоящее время 120 тысяч единиц транспорта), в том числе, и у жителей Иванова (на 1000 человек населения города приходится 180 автомобилей). Все вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о большом значении решения проблемы дорог. Ежегодно в области, и в том числе Иванове, ремонтируется и строится новых дорог более 250 километров (в 2010 году 272 км). Для города Иванова и его жителей проблема дорог, исходя из ответов респондентов социологического исследования, проводимого в 2012-2013 гг., вышла на первое место среди проблем городской среды. Очень многие респонденты оценивали качество дорог как несоответствующее современным стандартам жизни. При решении проблемы дорог в Иванове следует также исходить из того обстоятельства, что город находится в экономически развитом Центральном регионе страны и связан автотрассами с близлежащими областными городами Владимиром, Костромой, Ярославлем и имеет выход к автотрассе на Москву и Нижний Новгород.

Задача, стоящая перед властями города в решении данной проблемы - **улучшение качества дорог внутри городских транспортных сетей и на выезде из города** в областные центры (Ярославль, Кострома, Владимир), города областного подчинения (Шуя, Кинешма, Фурманов) и туристические центры (Суздаль, Плес, Палех, Холуй, Юрьевец).

В качестве мер по решению задачи повышения качества состояния дорог является их реконструкция (расширение проезжей части, укладка более качественной бетонно-асфальтовой смеси, позволяющей не проводить капитального ремонта дороги в течение ряда лет, прокладка ливневой канализации для стока воды от дождей и весенних стоков во время таяния снега). Также необходимо обустройство автозаправочных станций, паркингов и съездов с основной дороги к торговым центрам, учреждениям и жилым домам, выездов на основные трассы. Меры по реконструкции автомобильной дороги, в первую очередь, проводятся по Лежневскому и Кохомскому шоссе, а также выезду из города в направлении Костромы. Необходимость реконструкции Лежневского шоссе обусловлена сосредоточением на протяжении его крупных современных торгово-обслуживающих комплексов: Тополь, Бимарт, Магнит, нескольких автосалонов по продаже автомобилей, комплекса зданий Текстильного кластера по торговле швейной продукцией, строящихся жилых многоэтажных корпусов, а также центрального выезда из города в туристические

центры Золотого кольца, в Москву и Нижний Новгород. В настоящее время основные виды работ по реконструкции дороги и транспортной развязке по Лежневскому шоссе завершены, что значительно увеличило пассажиропоток, устранило многочисленные пробки, транспортные аварии и автокатастрофы (в 2011 году в автокатастрофах погибло 129 человек, в 2012 году – 159 человек).

Следующим объектом реконструкции городских дорог является Кохомское шоссе, состояние которого вызывало многочисленные жалобы как со стороны работников транспорта, так и у населения этого микрорайона города. В этом новом городском микрорайоне под названием Сухово-Дерябихский (спальный район города) сосредоточен большой жилой массив, современные торгово-обслуживающие комплексы Рио и Риат, комплекс зданий областной больницы, паркинг и автозаправочные станции. В течение двух лет работы на этом участке городской автотрассы было обновлено и расширено полотно дороги, усовершенствована развязка дорог в направлении движения автотранспорта Иваново-Родники-Кинешма, а также Иваново-Шуя, обновлены павильоны на остановках транспорта и установлены видеокамеры, регистрирующие нарушения правил дорожного движения.

В дорожной системе города происходит прокладка новых транспортных магистралей по улицам Зверева и имени генерала Горбатова. Это будут магистрали для грузового транспортного движения, но не общественного пассажирского транспорта. Новая дорога прокладывается для разгрузки пассажирско-грузового потока с Лежневского шоссе на улицу Шубиных, ее асфальтобетонное покрытие скоро закончится. Ввод в строй этой трассы не только снимет напряженность в этом районе города, но и сократит расстояние и время для пассажирских перевозок в спальные районы. Реконструкция дороги происходит и на улице Станкостроителей на выезде в Ярославль, Тейково, Гаврилов Посад.

Большой проблемой городских дорог является поддержание их в работоспособном состоянии. Управление благоустройства города стало регулярно осуществлять капитальный ремонт дорог и контроль за качеством проводимого ремонта. Дорожный фонд Ивановской области осуществляет субсидии на ремонт общегородских магистралей в объеме 283 млн рублей, а общая площадь ремонтируемого дорожного покрытия составит более 200 тысяч квадратных метров. Осуществляют ремонт дорог подрядные

организации. Впервые в бюджете города предусмотрено целевое направление финансовых средств на ремонт и содержание тротуаров. На эти цели выделяется 24,1 млн рублей и планируется отремонтировать 30 тысяч квадратных метров тротуаров. Особое внимание будет уделяться тротуарам к социально значимым объектам (детским дошкольным учреждениям, школам, объектам здравоохранения). В 2013 году в городе заасфальтировано 260 дворов (за 3 года было заасфальтировано 1 тысяча придомовых территорий).

При всем этом, в дорожном хозяйстве остаются проблемы обустройства ливневой канализации и выездов из придомовых территорий на основные трассы.

В области в настоящее время создается региональный резервный фонд, средства из которого будут направляться на улучшение качества состояния дорог в городе и области. В соответствии с региональным законом «О бюджете на 2013 и на плановый период 2014-2015 гг.» переданы в муниципалитеты, в том числе и города Иваново, 221,1 млн рублей в дорожные фонды. Это позволит увеличить объем финансирования мероприятий для решения дорожных проблем: строительства новых магистралей, содержания и ремонта дорог, обустройства придорожных территорий, создания пунктов контроля движения автотранспорта, установки видеокамер на основных городских трассах.

10. Постановка целей в развитии культуры (культурные цели) в пространстве исследуемых городов характеризовалась необходимостью оценки исторических и архитектурных памятников, исторических мест и их обустройство для формирования культурного образа города. Реализация этих целей давала бы возможность для привлечения отечественного и иностранного туриста, повышения статуса города за счет проведения в нем фестивалей, традиционных этнических праздников, спортивных мероприятий и др. Важно в этом деле привлечение инвестиций не только государственных, но и частного бизнеса, подготовка высокопрофессиональных кадров, гидов.

Стратегия развития городов направлена на рост туристического бизнеса. Инвестиции направляются на восстановление исторических и природно-ландшафтных мест. Характерным примером использования иностранных инвестиций на эти цели в Лодзи является реконструкция бывших текстильных предприятий в центры массового национального и международного туризма (бывшая

мануфактура Познанского превращена в настоящее время в обслуживающий европейский центр с торговыми бутиками, сетью ресторанов с национальной кухней, музеем истории текстильного производства, спортивными сооружениями, детскими местами отдыха, фонтанами и цветниками; мануфактура Шайблера приобретает вид центра отдыха с концертным залом, ресторанами и гостиницей) и в студенческие учебные корпуса. Традиционным мероприятием в Лодзи является фестиваль четырех культур в память о национальном капитале людей (польском, русском, еврейском, немецком), способствовавшем развитию города.

Культурный образ города Иваново складывается из множества составляющих. Во-первых, город обладает множеством архитектурных памятников, начиная с XVII века и до советского периода истории, он располагается на перекрестке транспортных артерий туристического «Золотого кольца», что позволяет в перспективе сделать его туристическим центром. В городе имеется 5 музеев с оригинальной экспозицией материалов в них (музей ситца, музей промышленника Бурылина Д.Г., происходит реконструкция бывшего музея Первого Совета, музеи в корпусах высших учебных заведений), функционируют художественный и исторический музеи, исторический музей советского периода и др. К архитектурным памятникам относятся здания эпохи конструктивизма (дом-подкова, дом-корабль, дом-пуля и ряд жилых комплексов этой эпохи), религиозные сооружения XVII–XIX вв. В городе находятся многочисленные памятники советской исторической эпохи, в т. ч. театральный комплекс и здание филармонии. Привлекают жителей города и гостей природные ландшафтные места и парки города. Все это при обустройстве естественно может быть источником пополнения городского бюджета за счет развития внутреннего и внешнего туризма.

Во-вторых, в городе проводится множество культурно-массовых мероприятий: Международный кинофестиваль «Зеркало», посвященный творчеству кинорежиссера А.Тарковского, фестиваль деловых людей «Льняная палитра», собирающий предпринимателей, мастеров-швейников, дизайнеров по тканям и модельеров, фестивали «Дни Российской культуры», «Духовной музыки» и хорового пения «Золотой Плес», «Студенческая весна», детского творчества »Жар птица» и «Звонкие голоса» - все это украшает социальную жизнь города. Ежегодно в Иваново проводятся массовые мероприятия:

«День города», праздник «Национальных культур», Всероссийский конкурс «Играй гармонь», собирающий музыкантов-гармонистов со всей страны, городские конкурсы «Ивановская красавица», «Мисс Иваново», «Мистер Иваново», парад невест и многие спортивные мероприятия.

Таблица 30

Индикаторы, характеризующие состояние культурной жизни в городах [5:6]

Организации, мероприятия и СМИ	Лодзь		Иваново		Паневежис		Мишколец		Сакарья	
	2000	2010гг.	2000	2010гг.	2000	2010гг.	2000	2010гг.	2005	2010гг.
Местных СМИ:										
Радиостанции	Нд	9	Нд	11	Нд	2	1	1	16	16
Теле. станции	Нд	3	1	2	Нд	3	1	1	2	2
Количество местных газет (ежедневных)	Нд	Нд	2	9	Нд	3	Нд	2	7	10
Учреждения культуры:										
Театры	Нд	3	3	3	1	1	1	1	6	12
Кинотеатры	Нд	8	3	3	5	1	Нд	Нд	18	18
Филармонии	1	1	1	1	Нд	Нд	Нд	Нд	3	3
Музеи	Нд	18	5	5	1	1	11	11	Нд	Нд
Цирк	Нд	Нд	1	1	Нд	Нд	Нд	Нд	Нд	Нд
Художественные галереи	Нд	Нд	3	3	Нд	Нд	Нд	Нд	Нд	Нд
Музыкальные школы	Нд	Нд	8	8	7	2	Нд	Нд	Нд	Нд
Центры культуры	Нд	Нд	5	5	Нд	Нд	Нд	Нд	Нд	Нд
Библиотеки	Нд	81	42	32	22	8	Нд	7	Нд	Нд
Религиозные центры	Нд	Нд	10	40	3	3	Нд	Нд	1204	1393
Фестивали, праздники	1	Нд	10	17	Нд	Нд	10	10	24	35
Расходы в городе на культуру	Нд	98,8 млн zL	3,8	115,3 млн руб.	2,0	4,4 млн eu	Нд	552 млн. фор.	Нд	Нд
Количество туристов, посещающих город (тыс. чел.)	Нд	Нд	1,5	1,5	4,0	11,2	123,7	89,4	24,3	117,3
Количество организаций действующих от имени города	Нд	Нд	4	6	Нд	Нд	Нд	Нд	Нд	Нд

(Нд – нет данных)

Понимание значения городского природно-архитектурного облика города и проводимых в нем культурных мероприятий может способствовать развитию туристического бизнеса, привлечению отечественных и иностранных туристов.

Власти города уже предпринимают меры для реализации такой перспективы, в городе построены туристические гостиницы «Вознесенская», «Иваново», «Турист», «Новый Манчестер», «Сосновый бор». В настоящее время в городе действует 10 гостиничных комплексов, закладывается еще ряд гостиничных сооружений.

Не менее интересные перспективы развития туризма у венгерского Мишкольца с его парками, религиозными и историческими сооружениями, оперным фестивалем. Среди исследуемых городов по части привлечения туристов Мишколец является ведущим, несмотря на некоторое снижение численности посещающих город в 2010 году по отношению к 2000 году.

Литовский Паневежис может привлекать туристов своими театральными представлениями, своеобразными балтийскими традициями песенных фестивалей и экспонатами музеев.

В связи с программой развития туристического бизнеса заметен рост создания туристической инфраструктуры в иле Сакарья. В этой провинции множество религиозных центров, исторических и археологических памятников, которые привлекают туристов различной конфессиональной принадлежности и туристов, приезжающих на отдых. Ежегодно в Сакарью приезжает несколько десятков тысяч туристов. Все это увеличивает доход бюджета города Адапазары и самой провинции.

Выводы

Исследовательский социологический проект *«Возрождение периферийных городов в постиндустриальной стадии»* позволил проследить динамику изменений в социально-экономической среде городов Лодзи, Иванова, Паневежиса, Мишкольца и Адапазары (ила Сакарья) за период 1990-2010 гг. Гипотеза об утрате черт индустриальных городов подтверждается, изменение содержания социальной жизни городов в направлении постиндустриального развития в большей степени подтвердилось. Основные характеристики (параметры) постиндустриального общества: доминирующая сфера услуг в экономике за счет развития малого и

среднего предпринимательства, изменяющиеся индикаторы качества жизни, улучшение экологии в городах, гуманизация отношений, развитие туристического бизнеса – все это нашло свое подтверждение в исследуемых городах. Оценка ресурсов (возможностей) в городах в постиндустриальном развитии показала, что, несмотря на разрушительные процессы экономического кризиса, вызванного переходом к новой социально-экономической системе, властные институты (администрация городов) предприняли множество мер для постепенного наращивания этих ресурсов (экономических, политических, культурологических, правовых) для снятия напряженности в городской жизни людей.

Правовой и экономический механизмы, направленные на преодоление кризисных последствий в исследуемых городах, оказались идентичными (разработка местного законодательства, выработка программ развития социально-экономического развития городов и их реализации, использование инвестиций, перераспределение городского бюджета на социальные нужды жителей), что показывало на похожесть решения городских проблем в исследуемых странах.

Вместе с тем, анализ социальной жизни в исследуемых городах показал на наличие в них множества проблем, так называемых «социальных тормозов» (в Иванове респонденты выделили 19 таких проблем), затрудняющих поступательное развитие городов, что вполне естественно ставит перед их администрацией новые задачи и поиски возможностей их решения.

Общая перспектива городов представляется развитием в них высокотехнологичных телекоммуникационных сетей, интегрирующих все ресурсы, учетом исторического прошлого и культурологических форм городской жизни, вышением качества инфраструктурной сферы обслуживания и позитивными изменениями в индикаторах качества жизни. Стратегия на создание привлекательности инвестиций в городскую жизнь для внутренних и внешних инвесторов позволит решать не только бюджетные проблемы (наполняемости городской казны), но и снимет напряженность в решении социальных проблем, а тем самым сформирует жизненный оптимизм у городских жителей и веру их в позитивные возможности проживания будущего поколения.

Рекомендации

Анализ социальных проблем городской среды не ограничивается вышеуказанными вопросами. Социальные проблемы городов - это наша жизнь, и от того, как они решаются, зависит социальное самочувствие городских жителей, их уверенность в своем будущем, безопасность людей, формирование доверия и поддержки действий городской администрации.

Администрации городов надо, кроме экономического барометра, отслеживать социальное самочувствие жителей города и формировать данные барометра социального самочувствия населения и самого города. Городские СМИ должны периодически отслеживать эти вопросы, публикуя рубрику «Социальный барометр города».

Культурологический, гуманитарный и научный потенциал городов значителен (вузы, учреждения культуры, фестивали, традиции), он должен быть использован для формирования имиджа города в стратегических планах администрации и СМИ, побуждать участие граждан в городской жизни и их позитивным оценкам мероприятий, осуществляемых городской администрацией. Важно выстроить социальный диалог между жителями, поощрять формирование в сознании и поведении людей принцип толерантности. Необходимо культивировать исторические ценности региона, создавать их привлекательность и, тем самым, формировать свою региональную корпоративность и идентичность горожан с местом своего проживания.

Библиография

Раздел 1. Глобализация: сущность, современные оценки

1. McMichel, P., 1996, Globalization: Myths and Realities, Rural Sociology, 61(1) Milofsky, C., 1988, Scarcity and Community, A Resource Allocation Theory of Community and Mass Society Organizations, Milofsky C (ed.) Community Organizations. Studies in Resource Mobilization & Exchange, New York: Oxford University Press Moja miejscowosc., 1993, Komunikat z badan Nr 3, Warszawa, CBOS;
2. O'Brien, DJ, Hassinger E.W, Dersham L., 1994, Community Attachment and Depression Among Residents in Two Rural Midwestern Communities, Rural Sociology, 59.
3. Hillery, G. A., 1955, Definitions of Community: Areas of Agreement, "Rural Sociology", № 20.
4. Hunter, A., 1975, The Loss of Community, American Sociological Review, 40 Hunter A., 1982, Symbolic Communities, The Persistence and Change of Chicago's Local Communities: Chicago; The University of Chicago Press. Hunter A, Staggenborg S., 1988, Local Communities and Organized Action.
5. Milofsky, C, (ed.) Community Organizations. Studies in Resource Mobilization & Exchange, New York: Oxford University Press.
6. Kasarda, J.D., 1983 Janovitz M., 1974, Community Attachment in Mass Society, American Sociological Review, 39.
7. Warren, R.L., 1973, The Community in America, Chicago: Rand McNally. Wellman B., 1979, The Community Question: The Intimate Networks of East Yorkers, American Journal of Sociology, 84.
8. Wellman, B, Carrington P.J, Hali A., 1988, Networks as Personal Community.
9. Poplin, D.E., 1972, Communities. A Survey of Theories and Methods of Research, New York: The Macmillan Company.
10. Дольфюс, О. Система Мир /О.Дольфюс. –С.77-86; Хантингтон, С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации / С.Хантингтон. – С. 87- 97. //МЭ и МО. №6.–М., 1995.
11. Сорокин, П.А., Главные тенденции нашего времени /П.А.Сорокин. – М., 1997. – 350 с.

12. Яковец, Ю. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. /Ю.Яковец. – М., 2001. – 345 с.
13. Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления и официальные материалы. – М., 1997. – 347 с.
14. Моисеев, Н. Быть или не быть человечеству /Н.Моисеев. – М., 1999. – 288 с.
15. Черняк, Е. Цивилиография. Наука о цивилизации /Е.Черняк. – М., 1996. -382 с.
16. Столбов, В. Глобализация: сущность, противоречия и парадоксы. Материалы Международной Кондратьевской конференции "Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век" /В.Столбов – М., 2001. – С.144-147.
17. Starosta, P. Globalisacja i nowy komutaryzm /P.Starosta. – Lodz. 2000.

Раздел 2. Оценка среды проживания в малых городских и сельских поселениях Восточной Европы в условиях глобализации

2. 1. Окружающая природная среда в оценках жителей малых городских и сельских поселений

1. Бююль, А., SPSS Искусство обработки информации /А.Бююль, П.Цеффель. – М. - СПб. – Киев. 2005. – 602 с.
2. Экология в России: оценка ситуации [Электронный ресурс]. – <http://www.fom.ru>; Экология хуже всех. Данные ВЦИОМ/ Хронометр – Иваново. 17.08.2010. - N33. - С.6.
3. Введение в структурные модели управлений. – Чикаго. 1966; Социальная организация и экосистема: учебник современной социологии. – Чикаго, 1964.
4. Станек, О. Окружающая среда как предпосылка удовлетворения местом жительства и качеством жизни в сельских и небольших городских общинах Болгарии, Канады, Польши и России. / О.Станек, П.Староста, В. Столбов // Социс. – М., 2001. N 7. С.97-105.

2.2. Социальная идентификация жителей малых городских и сельских поселений

1. (10. 11. 12) Goudy WJ., 1990, Community Attachment in a Rural Region, Rural Sociology , 55.

2. Goudy, W. J., 1997, Community Attachment in Small Towns: Evidence from Iowa (USA), Paper presented at the European Society for Rural Sociology's 17th congress in Chania, Greece; Wilson T., (1985), Settlement Type and Interpersonal Estrangement: A Test of the Fores.
3. Boczkowski, A., 1990, Wybrane aspekty swiadomosci spoleczno-przestrzennej w spolecznosciach iokalnych roznego typu. Hryniewicz J, (red.) Spolecznosci lokalne u progu przemian ustrojowych, Warszawa: Uniwersytet Warszawski. Brown R.B., 1993, Rural Community Satisfacdon and Attachment in Mass Consumer Society, Rural Sociology, Vol. 53, №3.
4. Parsons, T., Smelser N.J., 1975, Funkcjonalne zrodcowanie spoleczenstwa, Elementy teorii socjologicznych, Warszawa: PWN; Stanek O., 1995, To samooeae terytorialna i stosunek do spolecznosci lokalnej w zbiorowoociach wiejskich, Starosta P. (ed.) Zbiorowoeci terytorialne i wiezi spolczne, :Lodz: Wydawnictwo U; Starosta P., 1980, Problemy identyfikacji w skali gminy,(w:) Spolecznosci lokalne i ich przemiany, Olsztyn: Pojezierze; Starosta P., 1995, Poza metropolis Lodz: Wydawnictwo UL.
5. Kasarda, J.D., 1983 Janovitz M., 1974, Community Attachment in Mass Society, American Sociological Review, 39.
6. Poplin, D.E., 1972, Communities. A Survey of Theories and Methods of Research, New York: The Macmillan Company Polsce, Warszawa:PWN.
7. Weglenski, J., 1974, Spoleczne problemy małych miast Warszawa; Ossolineum Willdnson K.P, 1963, Identification with Community.
8. Olubinski, A., 1991, Identyfikacja z wlasn¹ miejscowocoi¹ oraz moliwoeci samorealizacji mieszkancow mago miasta, Studia Socjologiczne, nr 1-2.
9. Turowski, J., 1974, Uwarunkowanie identyfikacji mieszkancow z osiedlem- na podstawie badan osiedii lubelskich, Nowakowski S., Mirowski W.,(eds.) Przemiany miejskich spolecznoeci lokalnych w a Review of Literature. Preliminary Report nr. 1, State Collage Mississippi. Turowski J., 1974, Uwarunkowanie identyfikacji mieszkancow z osiedlem- na podstawie badan osiedii lubelskich, Nowakowski S., Mirowski, W.,(eds.) Przemiany miejskich spolecznoeci lokalnych w Polsce, Warszawa:PWN.
13. Communities, Guelph: University School of Rural Planning and Development.
14. Bryolen, J.M.,1994, Towards Sustainable Rural Communities: From Theory to Action, Bryolen J.M (ed.) Towards Sustainable Rural 13.

Robertson R., 1992, Globalization. Social Theory and Global Culture, London: SAGE.

15. Robertson, R., 1992, Globalization. Social Theory and Global Culture, London: SAGE.

16. Драганова, М. Социальная идентификация с местными общинами и процесс глобализации сельских районов в Восточной Европе /М.Драганова, П.Староста, В. Столбов //Социс. – М.2002. N 2. С.52-66.

2.3. Экономическая кооперация и взаимоотношения людей в малых городских и сельских обществах

1. Adamski, W. (1967), Grupy interesów w społeczności wiejskiej, Warszawa.

2. Chałasiński, J. (1938), Młode pokolenie chłopów, Warszawa.

Czamowski, S. (1956), Dzieła, t.1.

3. Dahrendorf, R. (1997), Gazeta Wyborcza 1-2 June 1997, Warszawa.

Economic Behaviour of Family Households in an International Context, (ed.) Cecora, J. (1995), Bonn.

4. Misztal, B. (1977), Zagadnienia społecznego uczestnictwa i współdziałania. Analiza w świetle teorii i badań socjologicznych, Wrocław.

5. Pilichowski, A. (1980), Socjologiczne aspekty integracji poziomej rolnictwa chłopskiego w Polsce, (in:) Przegląd Socjologiczny, vol. XXXIII.

Starosta, P. (1995), Poza metropolią. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź.

6. Szacki, J. (1996), Gazeta Wyborcza 24-26.12.1997. Warszawa.

Szczepański, J. (1988), Chłopi i kultura chłopska w społeczeństwie polskim, LSW Press, Warszawa.

7. Szczepański, J. (1992), O roli indywidualności w życiu wsi i rozwoju rolnictwa, (in) Odnów-a wsi. Między mitem a nadzieją, IRWiR PAN Press, Warszawa.

8. Zawistowicz-Adamska, K. (1951), Pomoc wzajemna i współdziałanie w kulturach ludowych, (in) Prace i Materiały Etnograficzne", vol. VIII-IX, Łódź Zbiorowości terytorialne i więzi społeczne (ed.) Starosta, P. (1995), Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź.

9. Пилиховский, А. Старые и новые формы добровольной (неформальной) экономической кооперации и взаимоотношений людей в сельских и малых городских поселениях Восточной Европы /А.Пилиховский, В.Столбов. // Социс. – М., 2000.- N 1.- С.34-38.

Раздел 3. Изменения в социальном капитале жителей промышленных городах в условиях глобализации

1. Межевич, М.Н. Социальное развитие и город: философские и социологические аспекты. - Л.: Наука, 1979; Зеленов Л.А. Социология города.- М., 2002. Матуленис А.А., Рапопорт С.С. Город как среда жизнедеятельности человека//Социс. – М., 1982. – N2.- С.206-208.; Лейбович О.Л и др. Большой город в постсоветском пространстве //Мир России. – М., 2004. – N1. - С.91-105.
2. Reissman, L. The Urban Process. Cities in industrial Societies. N-Y, 1964. P.15
3. Park, R.E. The City as a social Laboratory. Chicago. 1929. P.2.
4. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность /Дж. Коулман –М., 2001 - № 3.
5. Добрынина, В. Вузы России: реальности и перспективы /В. Добрынина., В. Добрынин //Вестник высшей школы–М, 2009, - №6.
6. На пороге XXI века. Доклад о мировом развитии 1999/2000 года. – М.: Всемирный банк, 2000.
7. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию /Ф.Фукуяма.–М., 2004.
8. Putnam, R.D. Bowling Alone. The collapse and revival of American community /R.D. Putnam.-N.Y.: Simon and Shuster, 2000; Патнэм.Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь //МЭ и МО. – М., 1995. - № 4.
9. Бурдье, П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики /П.Бурдье– М. 2004.
10. Градосельская, Г. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. – М., 1999. - № 1–2; Дискин И.Е. Хозяйственная система России: проблемы институционального генезиса //Общественные науки и современность –М., 1998. - № 4; Курбатова М.В., Апарина Н.Ф. Социальный капитал предпринимателя //Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. –Ростов/ на Дону, 2008. Т. 6. - № 4.
11. Мачеринскене, И. Социальный капитал организации: методология исследования /И. Мачеринскене, Р. Минкунте //Социс –М., 2006.- N3.
12. Буйвиска, А. Социально-структурные изменения в промышленном городе: от процветания к депрессии (на примере текстильных центров Иванова и Лодзи)/А.Буйвиска, Э. Литова, А. Михальска, В. Столбов //Социология и социальная антропология–СПб. 2005. Т.8. -N 4.-С 69-81.

13. Фриковски, М. Социальное исключение и его преодоление: психосоциологический аспект / М. Фриковски, В. Столбов // Социология и социальная антропология. – СПб, 2005. Т. IX. – № 3. – С. 43-52.
14. Столбов, В. Социальный капитал городского общества текстильных центров России и Польши (на примере Иванова и Лодзи). / В. Столбов, Э. Литова, П. Староста, А. Михальска, А. Буйвиска // Сб. научн. трудов вузов России «Проблемы экономики, финансов и управления производством». – Иваново. 2010. – № 29. – С. 217-228.
15. Столбов, В. Мониторинг состояния социального капитала и доверия в промышленном городе. / В. Столбов, П. Староста, Э. Литова // Сб. научн. трудов вузов России «Проблемы экономики, финансов и управления производством». – Иваново, 2010. – В. 28. – С. 358-369.

Раздел 4. Конфессиональная идентификация городских жителей в условиях модернизации общества

1. Новые религиозные культы, движения и организации. Словарь-справочник. – М., 1998. С. 300; Атлас современной религиозной жизни России. – М., 2006.
2. Белова, Т. Городское пространство как сфера этноконфессиональных отношений / Т. Белова // Социс. – М. 2010. – № 2. – С. 94-106.
3. Столбов, В. Православная русская церковь в годы Великой Отечественной войны / В. Столбов // Сб. научн. трудов вузов России «Проблемы экономики, финансов и управления производством». – Иваново. 2009. – В. 27. – С. 228-234.
4. Тихомиров, А. Храмы Иваново-Вознесенска. / А. Тихомиров – Иваново, 1998.
5. Во что верит народ? Аргументы и факты. 2012. – № 16.
6. Die Curus kommen // Horizont International. 1990. – № 1. – Jg. 23.
7. Ципин, В. История Русской Православной Церкви. 1917–1990 / Ципин В. – М, 1994. Шкаровский М. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939 – 1964 гг. / М. Шкаровский – М., 1999.
8. Православная церковь в истории религии. – М., 2004. – С. 237-255.
9. История Общества Сознания Кришны в России // Информационный бюллетень Центра Общества Сознания Кришны 1994. – Вып. 2
10. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви (круглый стол) // СОЦИС. – М., 2001. – № 8. – С. 96 – 103.

11. Одинцов, М. Российское законодательство о свободе совести: исторические предпосылки, составляющие части и содержание / М.Одинцов // Религия и СМИ. Портал – Credo.ru.
12. Вигилянский, В. Сколько в России православных? /В.Вигилянский // Церковный вестник. Портал – Credo.ru
13. Parliamentary Assembly of the Council of Europe. 44-th Ordinary Session. Strasburg. 1993. 2 February.
14. Российский статистический ежегодник 2012. Статистический сборник. – М., 2012 .
15. Абдулатипов, Р. Судьбы ислама в России /Р.Абдулатипов–М. 2002.
13. Знает ли современное общество о Старой Вере? // Старообрядец. Газета для старообрядцев всех согласий. –N36. Май. 2006.
14. Панченко, А. Русская культура в канун Петровских реформ /Отв. ред. Д.Лихачев.–Л., 1984.–С.110; Поздеева И. Русское старообрядчество и Москва в начале XX в. // Мир старообрядчества. – В.2: Москва старообрядческая.–М, 1995; Таранец С. Старообрядчество в РФ конца XX – начала XXI вв. /Судьбы старообрядчества в XX – начале XXI вв.: история и современность. В.2./ С.Таранец. – Киев, 2008.- С.47.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое 1649-1825 гг. Т.1.(1762-1765гг.).- СПб., 1830.-С.128-131; С.139-140.
16. Экземплярский, П. История города Иваново./П.Экземплярский. – Иваново, 1958. Ч. I. – С. 79.
17. Мчедлов, М. О религиозности российской молодежи. //СОЦИС.– М., 1998. N 6. –С.107-108.
18. Столбов, В Социология города: оценка религиозной среды. /В.Столбов, Э. Литова //Известия высш. учебн. Заведений. Серия «Гуманитарные науки».–Иваново: ИГХТУ, 2011.-Т.3. -N4.-С.276- 284.

Раздел 5. Социальная среда периферийных городов Центрально-Восточной Европы на рубеже XX-XXI вв.

1. Struktura mieszkańców Łodzi w latach 1990-2010 wg płci (dane w tys.)
Liczba mieszkańców Łodzi w latach 1990-2010 wg wieku (dane w tys.)
2. Город Иваново в 2010 году. Статистический справочник. – Иваново, 2011. – 162 с.
3. The development of average income of inhabitants of Lithuania and Panevėžys in 1995–2010 in Litas (monthly before taxes). Lietuvos

apskritys (Counties in Lithuania) 2010 [2005; 1995]. Lietuvos statistikos departamentas. V., 2011.

4. Szabo Toth K., Kozma Y., Mihalui H. Short Report on Miskolc (Hungary) for the Project «Resurgence of peripheral postindustrial cites». Miskolc. 2013.

5. Sami Sener. Report on Sakarya (Turkey) for the Project «Resurgence of peripheral postindustrial cites». Sakarya. 2013.

6. Starosta P., Brzezinski K., Tomczyńska W. Report on Lodz (Poland) For the Project «Resurgence of peripheral postindustrial cites». Lodz. 2013;

Degutis M. Report on Panevezys (Lithuania) for the Project «Resurgence of peripheral postindustrial cites». Panevezys. 2013;

Kinga Szabo-Toth - Judit Kosma - Helga Mihalyi (2013): Short Report on Miskolc (Hungary) for the project: “Resurgence of Peripheral Postindustrial Cities” Műhelytanulmány, Miskolc;

Data analysis report on Sakarya [Turkey] for the project: «Resurgence of peripheral postindustrial cites». Turkey. Universitet Sakarya. 13 p.;

Столбов, В. Социология города: оценка последствий кризиса в городской среде. /В.Столбов, П.Староста, Э.Литова //Известия высших учебных заведений. Серия. «Гуманитарные науки. – Иваново: ИГХТУ, 2015.- N4. (Т.6). С.278-

284; Столбов, В. Социология городской среды: от кризиса к развитию. / В.Столбов, П.Староста //Известия высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством» – Иваново: ИГХТУ. 2013.- N 1. С. 114-121. Столбов, В.

Состояние социально-экономической жизни городов постиндустриальной периферии / В.Столбов, П.Староста //Известия высших учебных заведений. Серия. »Экономика, финансы и управление производством–Иваново: ИГХТУ, 2014. -В.02.- С.153-

165.

7. Российский статистический справочник. –М., 2011.- С. 31-32, 335; Иваново-Вознесенск, Иваново – 140 лет: летопись в цифрах и фактах. Статистический сборник. – Иваново, 2011. – 156 с.;

Город Иваново в 2010 году. Статистический справочник. – Иваново, 2011.

8. Доклад «О социально-экономическом положении Ивановской области в январе - декабре 2000 года". 2000.-N 12; Доклад «О социально-экономическом положении Ивановской области в 2005 году". 2005. - N 12; Экономический барометр города Иванова за 2005 г. (к уровню 2004г); Экономический барометр Иванова за 2010г. (к 2009 г.).

9. Открытая трибуна. Аргументы и факты. N19, от 8-14 мая 2003 г.

10. Российская газета. Документы. Где в России жить хорошо? Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации. 2010-2013 гг.

11. Клямкин, И. Теневая экономика России. Экономико-социологическое исследование. /И.Клямкин, Л.Тимофеев. – М, 2000.

Научное издание

Столбов Вячеслав Павлович
Староста Павел

Социология городской среды

Авторы проекта:

Столбов В.П., кандидат экономических наук, профессор Ивановского государственного химико-технологического университета (Россия);

Староста П., доктор социологических наук, профессор Института социологии Лодзинского университета (Польша).

Научный редактор
профессор В.П.Столбов

В написании монографии приняли участие: О.Станек (Канада), М.Драганова (Болгария), А.Пилиховский, А.Буйвиска, А.Михальска (Польша), Э. Литова (Россия)

Редактор В.Л. Родичева

Подписано в печать 25.03.2016. Формат 60 84 1/16 . Бумага писчая.
Усл.печ.л.12,55. Уч. изд. л.13,33 . Тираж 50 экз. Заказ
Ивановский государственный химико-технологический университет

Отпечатано на полиграфическом оборудовании
кафедры экономики и финансов ИГХТУ
153 000, Иваново, пр. Шереметевский, 7